

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Четвергов Дмитрий Сергеевич

**Правовое регулирование оборота активов, выпускаемых в
распределенных цифровых реестрах**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Харитонов Юлия
Сергеевна

Москва – 2026

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Основы правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах	23
§ 1. Понятие и признаки криптоактивов.....	23
§ 2. Виды криптоактивов для целей правового регулирования	49
§ 3. Развитие подходов к регулированию оборота криптоактивов в России и за рубежом	62
Глава 2. Место криптоактивов в системе объектов гражданских прав.....	888
§ 1. Значение реестра для правового режима криптоактивов	888
§ 2. Криптоактив как способ фиксации имущественных прав.....	105
§ 3. Криптоактив как объект субъективных гражданских прав.....	13030
Глава 3. Криптоактивы, как объекты гражданского оборота.....	1611
§ 1. Понятие и признаки смарт-контракта для целей правового регулирования	1611
§ 2. Правовой режим смарт-контракта	180
§ 3. Особенности правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием криптоактивов.....	199
Заключение	230
Библиографический список	2355

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Актуальность исследований в области правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах (криптоактивы или цифровые токены), обусловлена, во-первых, тем, что появление технологии распределенного реестра стало важной вехой, трансформировавшей имущественные отношения в современном мире, подарив нам целый ряд новых объектов оборота, не имеющих материальной формы и обладающих при этом значительной экономической ценностью – так называемые криптоактивы. При этом такие объекты имеют значительную экономическую ценность и участвуют в гражданском обороте, формируя отдельный сектор экономики, называемый децентрализованными финансами (DeFi) или крипторынком. Капитализация крипторынка в настоящее время измеряется триллионами долларов¹. Криптоактивы являются видом цифровых активов, являясь при этом более узкой категорией, поскольку к цифровым активам также относятся иные объекты.

Во-вторых, криптоактивы обладают присущими им свойствами, отличающими их от иных объектов гражданского оборота. Особенностью криптоактивов является то, что такие объекты существуют исключительно в цифровом пространстве (в виде обрабатываемого компьютером программного кода), не имеют никакого материального носителя и не могут быть переведены в аналоговый вид. Криптоактивы также существуют в системе распределенного реестра, который обеспечивает защищенность хранимых в нем данных средствами криптографии

При этом распределенные цифровые реестры и объекты, выпускаемые в них, стали предметом ожесточенных споров среди исследователей в области права, относительно их места в системе объектов права, а также в подходах к

¹ Коинмаркет – рыночная капитализация криптовалют URL: <https://coinmarketcap.com/ru/> (дата обращения: 29.09.2024)

правовому регулированию их оборота. Ответы на эти вопросы в исследованиях оказываются различными как в рамках российского правопорядка, так и в зарубежных юрисдикциях.

В-третьих, для российского правопорядка криптоактивы имеют особое значение как инструмент противодействия современным вызовам и угрозам. Так, международный характер большинства систем распределенного реестра и анонимность пользователей криптоактивов в таких реестрах позволяет использовать криптоактивы как средство противодействия санкционным ограничениям в качестве эффективного инструмента внешнеторговой деятельности.

История законодательного регулирования оборота таких объектов в России уже может считаться довольно долгой. Начало ему было положено в 2019 году с принятием поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации, включивших в текст кодекса понятие цифровых прав. Следующий этап регулирования вылился в принятие двух Федеральных законов, регулирующих отдельные виды криптоактивов. Наконец, в 2026 году был разработан Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», значительно меняющий принятые подходы к правовому регулированию оборота цифровых токенов.

При этом актуальность исследований в области правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах, проявляется в следующих аспектах.

1) Доктринальный аспект

В правовой науке до настоящего времени отсутствует единое и разработанное учение о правовой природе и правовых принципах функционирования распределенных цифровых реестров, а также о правовом режиме объектов, выпускаемых в таких реестрах, правовых особенностях их оборота. Несмотря на то, что аспекты правового регулирования оборота отдельных видов криптоактивов рассматривались в рамках научных статей,

монографий и диссертационных исследований, в настоящее время отсутствует комплексное исследование, затрагивающее правовое регулирование оборота криптоактивов как объектов с единым правовым режимом, которое учитывало бы необходимость соблюдения принципа технологической нейтральности. Отсутствует целостное теоретическое осмысление правовых принципов функционирования распределенных цифровых реестров, единого правового режима криптоактивов, особенностей осуществления предпринимательской деятельности на рынке криптоактивов.

2) Социально-экономический аспект

Комплексное понимание правовых особенностей применения технологии распределенного реестра и выделение единого правового режима криптоактивов для целей их оборота способствует значительному повышению правовой определенности, предсказуемости поведения участников гражданского оборота и, как следствие, на обеспечение его стабильности в целом.

Недостаточность регулирования и разрозненность исследований, посвященных правовым аспектам функционирования распределенных цифровых реестров и криптоактивов, порождают правовую неопределенность для участников гражданского оборота, что негативно влияет на их готовность к использованию криптоактивов в легальном поле и обуславливает низкую распространенность законодательно урегулированных криптоактивов на российском рынке.

3) Правоприменительный аспект

Отсутствие определений «криптоактив», «распределенный цифровой реестр», подходов к регулированию криптоактивов, выпускаемых в неадминистративных (публичных) распределенных реестрах, подходов к регулированию отдельных видов криптоактивов (таких как невзаимозаменяемые токены), недостаточность научных рекомендаций по адаптации действующих правовых норм и институтов к регулированию оборота криптоактивов приводит к проблемам в толковании и применении

правовых норм в рассматриваемой сфере. В практической деятельности юристов и судей возникает ряд проблем не только по использованию, толкованию и применению норм ГК РФ, федеральных законов, подзаконных нормативных правовых актов, но и договоров, заключаемых в рамках оборота криптоактивов.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Проблематика различных аспектов правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах, в некоторой степени выступала объектом исследований.

Технологические основы системы распределенного реестра, предопределяющие ключевые особенности правового режима, выпускаемых в них активов, изложены в работах Б.Г. Емельянова, М.А. Мебонии², Д. Сигеля³, М. Тагиевой-Зейналовой⁴, Л.М. Типнер⁵, В.В. Федотовой и других.

Общие проблемы определения правового режима криптоактивов в целом и их роли в экономике рассматривались современными отечественными исследователями, среди которых А.А. Карцхия⁶, Л.А. Новоселова⁷, В. Плеханов⁸, О.А. Полежаев⁹, Л.В. Санникова¹⁰, Ю.С. Харитонов¹¹, которые в своих исследованиях предлагают определения криптоактива, дают классификацию таких объектов и предлагают подходы к их правовому

² Мебония М. А. ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН. ПРИМЕРЫ БЛОКЧЕЙНА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ // Вестник науки. 2022. №12 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blokcheyn-primery-blokcheyna-i-ego-primeneniye> (дата обращения: 18.02.2025).

³ Siegel D. Kapitel 3. Technische Grundlagen // Kryptowahrungen und Token / S. Omor, M. Link (Hgs.). 2. Aufl. Deutscher Fachverlag; Fachmedien Recht und Wirtschaft, 2023. S. 91

⁴ Taghiyeva - Zeynalova, Maryam. (2019). Game of Nodes: Централизация в Блокчейн Инфраструктурах (Game of Nodes: Centralisation in Blockchain Infrastructures). URL: https://www.researchgate.net/publication/337945598_Game_of_Nodes_Centralizacia_v_Blokcejn_Infrastrukturah_Game_of_Nodes_Centralisation_in_Blockchain_Infrastructures (дата обращения 03.03.2025)

⁵ Федотова В.В., Емельянов Б.Г., Типнер Л.М. Понятие блокчейн и возможности его использования // European science. – 2018. – № 1 (33). – С. 40-48.

⁶ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий Дис. ... докт. юрид. наук. Москва

⁷ Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29 – 44.

⁸ Плеханов В. Криптоактивы в частном праве // О частном праве: Сборник статей к 50-летию профессора С.В. Третьякова М. 2025. С. 32

⁹ Новоселова Л.А., Полежаев О.А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11 с. 165 - 172

¹⁰ Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовые аспекты применения технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе, Гражданское право, 2018, № 5 с. 3-8.

¹¹ Санникова Л.В. Харитонов Ю.С., Цифровые активы: правовой анализ Монография, М., 2020

регулированию, отмечая важность правового регулирования их оборота.

Вопросы, связанные с правовым регулированием оборота отдельных видов криптоактивов, представляют сферу интересов таких отечественных исследователей, как Л.Г. Ефимова¹², Э.И. Лескина¹³, А.В. Саженов¹⁴, Е.А. Суханов¹⁵, М.А. Успенский¹⁶ и другие, которые предлагают авторские подходы к правовому режиму отдельных видов цифровых токенов, таких как криптовалюты, цифровые финансовые активы, цифровые права. Взгляд на правовой режим криптовалюты в рамках цивилистической теории денег изложен в диссертационном исследовании М.Л. Башкатова¹⁷.

Вопрос о соотношении понятия цифрового финансового актива и имущественных прав был изложен в диссертационном исследовании В.А. Садкова, в рамках которой был сделан вывод, что цифровые финансовые активы являются разновидностью имущественных прав¹⁸.

Вопросы понятия и правовой природы «умных» договоров (смарт-контрактов) изложены в работах В.С. Белых и М.О. Болобоновой¹⁹, Е.С. Гринь и О.С. Гринь и А.В. Соловьева²⁰, Л.Г. Ефимовой и О.Б. Сиземовой²¹, А.И. Савельева²², Г.В. Цепова и Н.В. Иванова²³ и других.

Комплексный подход к правовому регулированию смарт-контрактов

¹²Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. – 2022. – № 4. с. 6 - 15

¹³ Лескина Э.И. Правовое регулирование наследования невзаимозаменяемых токенов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-nasledovaniya-nevzaimozamenyaemyh-tokenov> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁴Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 159.

¹⁵ Суханов, Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 10-25

¹⁶ Успенский М.А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве. Закон. 2023 № 9

¹⁷ Башкатов М.Л. Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве. Дисс. канд. юр. наук.

¹⁸ Садков В.А. Цифровые финансовые активы, как объекты гражданских прав, автореф. дисс. канд. Юр. Наук. М. 2018

¹⁹ Белых В.С., Болобонова М.О. Проблемы правового регулирования смарт-контрактов в России // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: Монография / Отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., 2019. С. 104.

²⁰ Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8. С. 51 - 62.

²¹ Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1.

²² Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32-60.

²³ Цепов Г.В., Иванов Н.В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149 - 172.

изложен в диссертационном исследовании Е.В. Зайнутдиновой «Смарт-контракт в гражданском праве». Автором предложено удачное определение смарт-контракта как договора, заключаемого в децентрализованной распределенной информационной системе, предусматривающий автоматизированное исполнение обязательств и опосредующий оборот цифровых прав и цифровой валюты²⁴.

В диссертационном исследовании В.М. Камаляна приводится авторский взгляд на правовую природу смарт-контракта, как способа исполнения договорных обязательств²⁵.

Все исследования перечисленных авторов были сделаны до принятия Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» и раскрывали отдельные аспекты правового режима криптоактивов, комплексные исследования теоретико-практического характера, в которых рассматривались бы все аспекты правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах и их оборота, отсутствуют. За рамками большинства исследований остались вопросы возможности создания единого правового режима для всех видов цифровых токенов, влияния технологических особенностей распределенного цифрового реестра на правовые принципы его функционирования, правовые особенности ведения предпринимательской деятельности на рынке криптоактивов.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили работы русских дореволюционных, советских и современных российских ученых в области права и экономики, а также иностранных специалистов как по общеправовым, так и по специальным вопросам объекта диссертационного исследования.

К авторам работ по вопросам, посвященным объектам гражданских прав и гражданских правоотношений, на основании которых рассмотрены их

²⁴ Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Новосиб., 2022. С. 22.

²⁵ Камалян В.М. Правовые особенности заключения и исполнения банковских договоров в цифровой экономике автореф. дисс. канд. юр. наук

особенности в новых условиях, относятся такие исследователи, как М.М. Агарков²⁶, В.А. Белов²⁷, О.С. Иоффе²⁸ и другие. Фундаментальные основы в теории правовой природы договорных обязательств и их исполнения были заложены исследованиями ученых-правоведов, среди которых М.И. Брагинский и В.В. Витрянский²⁹, С.В. Сарбаш³⁰, В.С. Толстой³¹ и другие авторы.

Авторами исследований отдельных правовых аспектов правового регулирования цифровой экономики и составляющих ее институтов являются В.А. Вайпан, А.В. Габов, М.А. Егорова, А.А. Карцхия, А.И. Савельев, С.Ю. Филиппова, Ю.С. Харитонов, Н.В. Щербак и другие авторы.

Вопросы цивилистической теории ценных бумаг – конструкции во многом близкой к криптоактивам изложены в работах М.М. Агаркова³², А.В. Габова³³, А.А. Маковской³⁴, К.П. Победоносцева³⁵, Л.Р. Юлдашбаевой³⁶ и других.

Вопросы теории вещных прав рассмотрены с опорой на труды Ю.С. Гамбарова³⁷, Д.В. Дождева³⁸, Е.А. Суханова³⁹ и других.

В числе иностранных исследователей, чьи исследования легли в основу настоящей работы можно выделить С. von Bar, Н. Dernburg, J.A.T. Fairfield, В. Geva, S. N. Grünwald, L. Enneccerus, S. Van Hijfte, U. Mattei, E. Micheler, T.

²⁶ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 184

²⁷ Белов, В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В. А. Белов // Правоведение. – 2007. – № 2. – С. 44–59.

²⁸ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 184

²⁹ Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 4-е изд. - Москва : Статут, 2020.

³⁰ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с., Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права // Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 213.

³¹ Толстой В.С. Исполнение обязательств. М.: Юридическая литература, 1973. С. 12.

³² Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М., 2007. С. 182 - 183.

³³ Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011. 1104 с. 59

³⁴ Маковская А.А. Применение правил, установленных для ценных бумаг, к акциям в бездокументарной форме // Хозяйство и право. 2007. № 10. С. 52.

³⁵ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Третья часть: Договоры и обязательства. 2-е изд., с переменаи и доп. СПб.: Синодальная тип., 1890. С. 247 - 248

³⁶ Юлдашбаева Л.Р. Правовое регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций) М. Статут, 1999. 205 с.

³⁷ Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права: Часть Общая. СПб., 1911. Т. 1. С. 571 - 574.

³⁸ Дождев Д.В. Владение в системе гражданского права (часть 2) // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 1 с 4 - 78

³⁹ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

Nagele, N. Popper, G.F. Puchta, F.K. von Savigny, J.J. Szczerbowski, N. Szabo, B. Windscheid, C. Zellweger-Gutknecht, и других авторов.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие по поводу активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах (криптоактивов, цифровых токенов) и оборота таких объектов.

Предметом диссертационного исследования являются нормы российского и зарубежного права, определяющие правовое регулирование оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах, российская и зарубежная правоприменительная практика, научные исследования, идеи и концепции отечественных и иностранных специалистов в области права и экономики.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке научно обоснованной и внутренне непротиворечивой концепции правового режима активов, выпускаемых в распределённых цифровых реестрах и комплексного регулирования их оборота.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи диссертационного исследования**:

- выявить генезис правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах (криптоактивов);
- определить понятие и признаки активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах для целей правового регулирования;
- установить релевантную для целей правового регулирования классификацию активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах и критерии такой классификации,
- определить подходы к правовому регулированию оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах в России и за рубежом;
- определить правовую природу распределенного цифрового

реестра и его место среди иных юридически значимых реестров;

- определить особенности активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах как способа закрепления (фиксации) имущественных прав;
- выявить возможность рассмотрения активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах в качестве объектов гражданских прав и определить место криптоактивов в системе таких объектов;
- определить правовую природу смарт-контрактов и их место в системе договорного права;
- выявить специфику осуществления предпринимательской деятельности с использованием активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах в России.

Нормативная основа исследования образована положениями российского законодательства (в том числе Конституцией РФ, Гражданским Кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ)) федеральными законами (в том числе Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах») и подзаконными нормативными актами. Кроме того, в предмет исследования вошли нормативные правовые акты иностранных государств и содружеств, а также акты международного законодательства, в том числе Европейского союза.

Эмпирическую основу исследования составили материалы правоприменительной практики российских судов и судов иностранных государств, Банка России по вопросам, возникающим в связи с использованием и оборотом криптоактивов, в том числе связанные с правовой

квалификацией криптоактивов (их отдельных видов), распределенных цифровых реестров. Также материалы статистических и аналитических исследований, проведенных в России и за рубежом, акты толкования, акты консультативного или рекомендательного характера различных органов и организаций, которые затрагивают вопросы, относящиеся к предмету настоящего исследования.

Методологическая основа исследования включает в себя общие принципы, подходы и методы, относящиеся к методологическому аппарату юридической науки. В их числе – система общенаучных методов (к которым относятся исторический, системный, формально-логический методы, а также диалектический метод и составляющие его методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также методы аналогии, описания и абстрагирования). К числу частнонаучных или специально-научных методов исследования относятся исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный методы, а также метод толкования норм.

Использование общенаучных методов позволило определить содержание понятия «криптоактив» (цифровой токен), выявить ключевые признаки данного явления. Для выработки позиции о понятии и юридическом значении распределенных цифровых реестров и «умных» договоров (смарт-контрактов) были использованы методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, аналогии, индукции и дедукции.

Использование структурно-функционального метода в рамках настоящего исследования позволило изучить структуру предпринимательских отношений, складывающихся по поводу криптоактивов в том числе роль посредников в их обороте.

Формально-юридический метод позволил изучить применимость норм действующего законодательства к правоотношениям, складывающимся по поводу криптоактивов.

Сочетание исторического и сравнительно-правового методов позволило выявить генезис правового регулирования оборота криптоактивов и

охарактеризовать основные этапы развития этого регулирования в России и мире.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе изложена новая научно обоснованная концепция правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах. Сформировано единое комплексное представление о правовых принципах и особенностях правового регулирования использования распределенных цифровых реестров. В рамках работы определены понятие и признаки криптоактивов, приведена классификация криптоактивов, отвечающая целям правового регулирования, исследовано развитие правового регулирования оборота криптоактивов в России и в мире, в том числе установлено, что развитие такого регулирования чаще всего проходит несколько стадий, начиная от адаптации действующего правового регулирования к новым отношениям до разработки отдельных нормативно-правовых актов, регулирующих такие отношения. Определены правовая природа и правовой режим криптоактива, в том числе установлена возможность существования единого правового режима для всех активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах независимо от их вида. Установлено, что криптоактив представляет собой объект гражданских прав, являющийся объектом абсолютных правоотношений. Определено место смарт-контракта в системе договорного права, сделан вывод о комплексной природе смарт-контракта, который одновременно представляет собой гражданско-правовой договор, выраженный в форме компьютерной программы, способ исполнения договорных обязательств и при определённых условиях – специальную договорную конструкцию. Определен правовой статус лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность с использованием криптоактивов, выявлена роль посредников для оборота криптоактивов в России. На основе результатов исследования сформулированы положения на защиту.

Теоретические выводы по результатам исследования (положения, выносимые на защиту):

1) Оборот криптоактивов осуществляется исключительно в рамках распределенного цифрового реестра, который является информационной системой, в которой осуществляется учет и оборот криптоактивов – оборотоспособной информации, размещенной в этой системе, обладающей экономической ценностью, способной к индивидуализации с помощью адреса-идентификатора и существующей в привязке к «кошельку» – компьютерной программе, обеспечивающей возможность получения, хранения и передачи криптоактивов, а также подтверждающей принадлежность криптоактивов его обладателю. Данный реестр является правопорождающим реестром, поскольку наличие криптоактива в реестре вызывает правовой эффект в виде наличия права на такой криптоактив, которое возникает с момента внесения записи в систему и указанное право не может существовать без соответствующей записи в системе. Распределенный цифровой реестр также выполняет и функцию информирования третьих лиц о принадлежности криптоактива его обладателю.

2) Технологические особенности распределенного цифрового реестра позволяют обеспечивать соблюдение принципов традиционных регистрационных систем.

Невозможность существования криптоактива вне реестра гарантирует соблюдение принципа внесения, связывающего наличие права с записью в реестре, поскольку данные, находящиеся в распределенном реестре, прежде всего информация о владельце криптоактивов, признаются объективно и бесспорно отражающими правовую действительность.

Принцип публичной достоверности реестра обеспечивается криптографической защищенностью записей от произвольного изменения или удаления, а также невозможностью «двойного списания» криптоактива из кошелька, то есть один криптоактив не может быть списан с одного кошелька (адреса-идентификатора) дважды.

Принцип открытости (прозрачности) реестра обеспечивается открытостью информации о содержании осуществляемых транзакций с

криптоактивами. Несмотря на возможную анонимность самих участников транзакции, любое лицо имеет возможность увидеть, какие криптоактивы и между какими адресами и были перемещены.

При этом, в распределенном реестре отсутствует необходимость полного соблюдения принципа легалитета (законности), поскольку проверка наличия права в таком реестре обеспечивается технологически прозрачной цепочкой транзакций, без обращения к доверенному (третьему) лицу для проверки такого права.

3) К юридически значимым признакам криптоактивов, помимо того, что они представляют собой запись в реестре, относится факт их существования только в привязке к кошельку, принадлежащему владельцу криптоактива с помощью адреса-идентификатора. Кроме того, для криптоактивов характерна возможность быть перемещаемыми с одного кошелька (адреса) на другой, что делает их объектами оборота. При этом, основным отличием кошелька от счета, на котором учитываются бездокументарные ценные бумаги, является то, что для его существования может отсутствовать необходимость в лице, осуществляющим его открытие и ведение (кредитной организации или профессионального участника рынка ценных бумаг). Существующая в российском праве конструкция цифрового депозитария, осуществляющего открытие и управление адресами-идентификаторами, искусственна, создана с целью повышения прозрачности оборота криптоактивов, но, в действительности, не является необходимой для осуществления владельцами прав по ним.

4) Субъективные права, возникающие в отношении криптоактивов, носят абсолютный характер. Технологически обеспечиваемая привязка криптоактива к кошельку и невозможность «двойного списания» позволяют владельцу кошелька осуществлять исключительное господство над находящимися на нем криптоактивами таким образом, что один криптоактив может одновременно находиться только у одного владельца. При этом, несмотря на то что в отличие от владения материальной вещью, в отношении

криптоактива такое господство осуществляется не физически, а посредством технических средств абсолютный характер таких правоотношений сохраняется. Следовательно содержание абсолютного субъективного права в отношении криптоактивов предполагает возможность обладателя законно, независимо от воли третьих лиц иметь криптоактив на своем кошельке и использовать криптоактив с помощью кошелька любым не запрещенным законом способом.

Исключительное господство над криптоактивом позволяет осуществлять защиту субъективного права на него путем истребования такого объекта от неуправомоченного лица, на кошельке которого находится криптоактив к его законному обладателю, при этом, этот процесс становится возможным благодаря тому, что реестр транзакций позволяет установить адрес кошелька, на который криптоактив был перемещен, что может рассматриваться как виндикация для криптоактивов.

Кроме того, передача субъективного права на криптоактив, осуществляемая путем переноса криптоактива с одного адреса кошелька на другой, представляет собой традиционный для вещного права способ передачи права – традицию (*traditio*).

Субъективное право на криптоактив нельзя считать исключительным, поскольку результат интеллектуальной деятельности, в отличие от криптоактива является идеальным объектом и не тождественен своему материальному носителю (в соответствии со статьей 1227 ГК РФ), в то время как криптоактив существует исключительно в объективной форме как уникальная запись в реестре, которая не может быть скопирована, но может быть перемещена в реестре между адресами-идентификаторами, в том числе в порядке истребования в пользу управомоченного лица. Таким образом такое право может быть охарактеризовано в качестве вещного права ввиду того, что способы осуществления и защиты такого субъективного права идентичны способам осуществления и защиты прав на материальную вещь. Нематериальная форма криптоактива не влечет необходимости создания

нового субъективного права для таких объектов поскольку такая форма остается объективной и с точки зрения права идентична материальной, ввиду чего сам криптоактив следует охарактеризовать в качестве бестелесного имущества (нормативной вещи).

5) Правовая природа криптоактивов предполагает их классификацию, которая влияет на правовой режим, а также имеет практическое значение, поскольку предопределяет особенности правового регулирования их оборота. При этом важнейшим для целей правового регулирования классификацией криптоактивов является их деление на:

а) Самоценные и несамоценные. Самоценные криптоактивы не являются способами удостоверения иных имущественных прав, являясь объектом права, имеющим экономическую ценность, независимую от иного объекта (базового имущества). В то же как несамоценные криптоактивы являются объектом права, закрепляющим иные имущественные права и служащим для упрощения их оборота, такой объект является цифровым носителем иных прав и его экономическая ценность обусловлена ценностью базового имущества. Самоценный криптоактив может быть самостоятельным объектом оборота в то время, как оборот несамоценных криптоактивов возможен только при условии существования закрепляемого таким криптоактивом права;

б) Выпускаемые в административных распределенных цифровых реестрах и выпускаемые в неадминистративных распределенных цифровых реестрах, в зависимости от того, присутствует ли в реестре субъект, выполняющий функции администратора, способного в произвольном порядке вносить изменения в реестр или изменения в такой реестр вносятся только на основании решения участников системы, формирующих гражданско-правовое сообщество. При этом, для обладания криптоактивами, выпускаемыми в административных распределенных реестрах необходимо заключение договора с администратором такого реестра, предполагающего обязанность администратора по поддержанию работоспособности системы, в то время как использование неадминистративного распределенного цифрового реестра не

предполагает заключения договора с кем-либо.

в) Взаимозаменяемые и невзаимозаменяемые, в зависимости от того, могут ли соответствующие криптоактивы формировать род и как следствие определяться в обороте родовыми признаками.

б) Несамоценные криптоактивы имеют самостоятельный правовой режим, не сводимый к правовому режиму имущественных прав, которые «фиксируются» в таком криптоактиве, поскольку могут существовать независимо от «фиксируемых» прав, например, когда одна из сторон обязательства, в целях оборота которого выпущен криптоактив, отсутствует. Кроме того, обладатель криптоактива не всегда заинтересован в осуществлении имущественных прав, «зафиксированных» в криптоактиве, используя криптоактив исключительно как самостоятельный инвестиционный инструмент. При этом, вне зависимости от того, какие права были «зафиксированы» несамоценным криптоактивом, субъективные права на сами криптоактивы остаются неизменными.

Применение для таких объектов правового режима бездокументарных ценных бумаг корректно только для объектов, выпускаемых в административных распределенных реестрах, поскольку для бездокументарной ценной бумаги характерно наличие лица, осуществляющего учет прав (реестродержателя или депозитария), которое в случае с криптоактивами может быть только в административном распределенном цифровом реестре. В то же время наличие права на несамоценные криптоактивы, выпускаемые в неадминистративных распределенных реестрах подтверждается лишь наличием объекта, в котором такие права «зафиксированы» – самим криптоактивом в системе, которая не предполагает удостоверение прав третьим лицом. Осуществление зафиксированных прав и их передача возможны только лицом, обладающим таким криптоактивом на своем адресе-идентификаторе.

7) Основным субъектом правоотношений, складывающихся по поводу криптоактивов, является обладатель криптоактива – лицо, наделенное

субъективным вещным правом на такой криптоактив, позволяющим осуществлять исключительное господство над криптоактивом, пользоваться и распоряжаться оным. Специфически характерными для криптоактивов способами возникновения субъективного права обладателя являются майнинг и стейкинг. При этом данная в действующем законодательстве характеристика майнинга, а следовательно, и юридически идентичного ему стейкинга, как получения вознаграждения за подтверждение записей в распределенном цифровом реестре является некорректной. Майнинг и стейкинг не являются вознаграждением, то есть встречным предоставлением в рамках относительного правоотношения, а являются способом возникновения права на криптоактив первоначальным способом. Иными субъектами правоотношений, возникающих по поводу криптоактивов, являются лица, осуществляющие посреднические функции, направленные на обеспечение оборота криптоактивов. Субъектом правоотношений, возникающих по поводу криптоактивов в частных распределенных реестрах, является оператор информационной системы, осуществляющий помимо посреднической также организационную функцию, заключающуюся в обеспечении технического функционирования реестра, а также осуществляющий контроль за соблюдением участниками реестра правил информационной системы. Операторы информационной системы и иные посредники не имеют какого-либо абсолютного права на криптоактивы и состоят в договорных отношениях с обладателем криптоактивов, которые носят характер договора возмездного оказания услуг (в том числе депозитарного договора), договора комиссии, договора поручения, агентского договора, договора доверительного управления или смешанного договора с отдельными элементами таких договоров.

8) Уникальным для криптоактивов способом перемещения между кошельками является смарт-контракт, представляющий собой цифровую форму гражданско-правового договора (форму компьютерной программы), являющуюся разновидностью простой письменной формы договора, при этом

ввиду применения средств криптографической защиты предполагающую большую степень защищенности, чем договор, заключаемый с применением простой электронной цифровой подписи. Договор в форме смарт-контракта также предполагает особый способ исполнения договорных обязательств, для которого помимо самоисполнимости, характерной не только для смарт-контрактов, но и для иных программируемых договоров, характерны также свойства неизменяемости и необратимости, обусловленные технологическими свойствами распределенного цифрового реестра. Указанные свойства предполагают особый порядок изменения и прекращения указанных договоров, который в настоящее время не нашел отражение в законодательстве, в случае внесения указанных изменений смарт-контракт также может рассматриваться как специальная договорная конструкция.

9) Выбранная при реформировании законодательства о криптоактивах регуляторная модель направлена на расширение роли посредников на рынке криптоактивов, расширение их функционала. Регулирование предусматривает фактический запрет на операции с криптоактивами без обращения к посредникам, внесенным в реестры Центрального банка Российской Федерации, при этом выбранный подход к правовому регулированию криптоактивов серьезно нарушает баланс частных и публичных интересов, не отвечает изначальному смыслу рынка криптоактивов как рынка равных субъектов, функционирующего без участия посредников и не служит задаче сохранения Россией лидирующих позиций на рынке криптоактивов, поскольку влечет риск потери Россией конкурентных преимуществ на данном рынке ввиду ухода участников рынка в юрисдикции с более либеральным законодательством. Развитие регулирования деятельности посредников на рынке криптоактивов вступает в противоречие с действующим положением статьи 141.1 ГК РФ, которая предполагает оборот цифровых прав без обращения к третьему лицу, кроме того, оборот некоторых криптоактивов, например, невзаимозаменяемых токенов, а также некоторые действия участников рынка криптоактивов, такие как стейкинг, остаются

неурегулированным даже с учетом проведенной реформы.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что диссертационное исследование содержит межотраслевой и целостный анализ сущности активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах и особенностях их оборота. Определено правовое значение распределенных цифровых реестров и правовые принципы их функционирования. Определен правовой режим криптоактивов как объектов абсолютных прав. Проведено разграничение правового режима криптоактивов от правового режима сходных объектов, таких как документарные и бездокументарные ценные бумаги. Установлен правовой режим смарт-контракта, как технико-правового явления, имеющего комплексную природу. Выводы и положения, сформулированные автором, могут служить основой для развития доктрин в области правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов и положений при совершенствовании российского законодательства в области правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах, а также для развития правоприменительной практики. Представленный в диссертационном исследовании материал может быть использован как в практической деятельности юриста, так и в преподавательской деятельности. При этом правовое регулирование оборота криптоактивов может создаваться как для применения в рамках правовой системы государства в целом, так и в рамках экспериментального правового режима, предполагающего использование таких объектов на ограниченной территории или ограниченным кругом лиц.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается эмпирической базой, в том числе произведенным анализом отечественных и зарубежных нормативных правовых актов, правоприменительной практики и доктринальных источников, а также постановкой цели и задач исследования и

избранной методологической основой исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и выводы настоящего исследования отражены в пяти научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Апробация результатов исследования также осуществлена в двух докладах, обсужденных на следующих конференциях: «Право и бизнес: предпринимательское право и его роль в социально-экономическом развитии России», Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, 06.06.2024), II Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы гражданско-правового режима цифровых активов» (Москва, 26.09.2025).

Материалы исследования использованы автором в ходе педагогической практики по дисциплинам кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, при участии в круглых столах и конференциях.

Структура научной работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, содержащих в совокупности девять параграфов, заключения, библиографического списка.

Глава 1 Основы правового регулирования оборота активов, выпускаемых в распределенных цифровых реестрах

§ 1. Понятие и признаки криптоактивов

Важным двигателем для развития права является технологический прогресс. Следует согласиться с В.А. Вайпаном, что под влиянием технологической революции происходит сущностная трансформация правового регулирования, затрагивающая природу права, его содержание, форму и систему⁴⁰.

Понятие оборота, в свою очередь, является одной из фундаментальных междисциплинарных понятий, сущность которого заключается в движении тех или иных благ, являющихся предметами материального мира⁴¹. В правовом смысле категория оборота рассматривается в составе понятий «имущественный оборот», где вместо экономической категории «благо» используется правовая категория «имущество» и «гражданский оборот», как составная часть имущественного оборота, выражающаяся в изменении состояния принадлежности - присвоенности одними лицами и отчужденности от других лиц - объектов гражданских прав (правоотношений)⁴².

Довольно долгое время в человеческой истории гражданский оборот был практически тождественен обороту материальных объектов – вещей⁴³. Ввиду того, что экономические отношения в древнем мире первоначально складывались по поводу объектов материального мира – скота, орудий труда, рабов и т.д., возникающие с развитием правоотношений новые объекты оборота первоначально также воспринимались правом как вещи. Со времен римского права и провозглашенного Гаем разделения вещей (res) на телесные

⁴⁰ Вайпан В.А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 5 - 27.

⁴¹ Захаркина А.В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 323.

⁴² Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 6 - 77

⁴³ Козлова Н.В. Филиппова С.Ю. Объекты гражданских прав: основы авторской концепции. М. Статут. 2025. С. 10.

(res corporales) и бестелесные (res incorporales) для правовой науки стало очевидным разделение объектов гражданских прав на материальные и нематериальные.

В связи с развитием общественных отношений в гражданском обороте становилось все больше нематериальных объектов, воспринимаемых в качестве вещей. Так, в средние века самостоятельным объектом гражданских прав (res incorporales) становились титулы и феодальные привилегии. Новое время и распространение книгопечатания привело к появлению интеллектуальных прав. Хочется обратить внимание, что несмотря на очевидно нематериальный характер таких прав, они также первоначально воспринимались в качестве вещей, а некоторыми правовыми порядками по сей день воспринимаются в качестве объектов права собственности⁴⁴.

Возникновение юридических лиц повлекло появление корпоративных прав, отличающихся от классических обязательственных прав. Наиболее ранние подходы к определению корпоративных прав также содержали элементы вещных отношений.

Появление цифровых технологий стало важной вехой в развитии человечества. Нельзя отрицать трансформацию экономического уклада под влиянием таких технологий. А.А. Карцхия справедливо указывает, что цифровая экономика пронизывает самые разнообразные сегменты мировой экономики, включая банковское дело, розничную торговлю, энергетику, транспорт, образование, издательскую деятельность, СМИ, здравоохранение, информационно-коммуникационный сектор⁴⁵. При этом как верно указывает О.А. Тарасенко одной из наиболее подверженных влиянию развития цифровых

⁴⁴ Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник для вузов. М.: Издательство «Юрайт», 2025. 335 с.

⁴⁵ Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17 - 26.

технологий сфер экономики является банковская сфера и организация расчетов⁴⁶.

Одним из важных достижений цифровых технологий стало появление технологии распределенного цифрового реестра (распределенного реестра). Экономическая значимость данной технологии подтверждается, в том числе, на государственном уровне. В соответствии с федеральным проектом «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴⁷ она названа как одна из девяти основных «сквозных» технологий. Технология распределенного цифрового реестра открыла путь к появлению криптовалют, таких как Bitcoin или Ethereum, капитализация которых в настоящее время превышает триллион долларов⁴⁸. Возникновение криптовалют стало первым этапом развития технологии распределенных цифровых реестров, который М. Свон определяет как Blockchain 1.0⁴⁹

В настоящее время криптовалюты используются в качестве средства платежа многочисленными цифровыми платформами. Так, наиболее известные краудфандинговые платформы принимают в качестве средства платежа Bitcoin, а компания Tesla, принадлежащая одному из известнейших криптоэнтузиастов – мультимиллиардеру Илону Маску принимает Bitcoin в качестве встречного предложения при покупке автомобилей⁵⁰. Изложенное дополнительно подтверждает высокую экономико-правовую значимость криптовалют и технологии распределенного цифрового реестра.

⁴⁶ Тарасенко, О. А. Цифровое преобразование банковской и платежной систем России / О. А. Тарасенко // Предпринимательское право. – 2019. – № 3. – С. 3.

⁴⁷ Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 №234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.03.2019

⁴⁸ Коинмаркет – рыночная капитализация криптовалют URL: <https://coinmarketcap.com/ru/> (дата обращения: 29.09.2024).

⁴⁹ Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2017. С. 11.

⁵⁰ Tesla начала продавать машины за биткойны. URL:<https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/424361-tesla-nachala-prodavati-mashiny-za-bitkoiny> (дата обращения: 11.10.2024).

Кроме того, хочется обратить внимание, что несмотря на то, что государства, первоначально настороженно относились к криптовалютам, воспринимая их как угрозу государственной монополии на эмиссию денег, постепенно стали перенимать технологию распределенного реестра на вооружение. Некоторые страны, в основном развивающиеся, такие как, например, Сальвадор, официально признали криптовалюты в качестве средства платежа⁵¹.

Вместе с тем, другие государства, такие как КНР или Россия использовали отдельные элементы технологии распределенного реестра для эмиссии официальной, выпускаемой центральными банками таких стран, валюты. Указанные валюты получили название «цифровые валюты центральных банков» или «central bank digital currencies» (ЦВЦБ или CBDC соответственно) и являются законным средством платежа на территории страны-эмитента⁵². Несмотря на то, что не все цифровые валюты центральных банков имеют схожую с криптовалютой природу, при их создании и обороте реализуются отдельные преимущества технологии распределенного реестра. В настоящее время многие развитые страны и надгосударственные образования имеют свои планы по созданию CBDC, так в рамках еврозоны существует проект по созданию цифрового Евро⁵³.

Началом следующего этапа развития технологии распределенных реестров, выделяемого в науке (Blockchain 2.0), считается появление технологии умных договоров (смарт-контрактов) на базе распределенного цифрового реестра сети Ethereum, разработанной канадским программистом российского происхождения Виталиком Бутериным в 2013 году⁵⁴. Появление технологии смарт-контрактов (программного обеспечения, позволяющего

⁵¹ Официальный сайт правительства республики Сальвадор [URL:https://www.asamblea.gob.sv/node/11282](https://www.asamblea.gob.sv/node/11282) (дата обращения: 11.10.2024).

⁵² Лаутс Е.Б. Цифровой рубль: дискуссия о правовой природе и перспективах внедрения // Закон. 2024. № 9. С. 17 – 25.

⁵³ Zellweger-Gutknecht, C., Geva, B., & Grünewald, S. N. (2021). Digital Euro, Monetary Objects, and Price Stability: A Legal Analysis. *Journal of Financial Regulation*, 7(2), 284–318.

⁵⁴ Официальный сайт блокчейн-проекта Ethereum. URL:<https://ethereum.org/en/learn/> (дата обращения 22.01.2025).

заключать самоисполнимые сделки) позволило создавать с помощью технологии распределенного реестра не только средства платежа, такие как криптовалюты, но и более сложные финансовые инструменты, такие как акции, облигации, производные финансовые инструменты, залладные и т.д., существующие в цифровой форме.

Так как на этапе Blockchain 2.0 технология распределенных цифровых реестров проникает в сферу инвестиций, позволяя создавать прозрачные инвестиционные механизмы, а также создает надежные способы закрепления прав инвесторов, использование данной технологии позволяет, с одной стороны, ускорить, а с другой стороны, упростить гражданский оборот. Кроме того, использование данной технологии уже сейчас делает возможным создание надежных реестров прав акционеров, реестров недвижимости и других подобных решений с использованием распределенных реестров.

Третий этап развития технологии – Blockchain 3.0 характеризуется выходом технологии распределенных цифровых реестров за пределы сферы финансов и распространение ее на иные сферы общественной жизни – науку, искусство, государственное управление, образование, здравоохранение, индустрию развлечений и т.д. Хотя, как представляется, пространство для интеграции технологии распределенных реестров все еще значительно, отдельные элементы Blockchain 3.0 есть уже на текущем этапе развития технологий, например, таковыми можно считать произведения искусства, выпущенные в форме невзаимозаменяемых токенов (NFT), а также компьютерные игры, использующие технологию распределенного реестра, таких как Crypto Kitties.

При этом, число сфер применения технологии распределенного реестра постоянно растет. Некоторые криптооптимисты полагают, что распределенный реестр в будущем будет использоваться, в том числе, в

избирательной системе, а также для упрощения реализации механизмов прямой демократии⁵⁵.

Вместе с тем, важно отметить, что независимо от конкретного этапа развития технологии распределенных цифровых реестров, её использование сопряжено с возникновением объектов, существующих в цифровой форме, обладающих экономической ценностью и участвующих в гражданском обороте. Такие объекты объединены общими наименованиями «криптоактив» или «токен».

В переводе с английского слово *token* – означает «жетон» или «знак» и используется для обозначения различных единиц, выступающих в гражданском обороте. Таким образом, представляется верным разделять физические токены (например, жетон оплаты метро, фишки в казино и т.д.) и цифровые токены, к которым относятся обращающиеся в распределенных цифровых реестрах объекты. То, что токены являются «знаками» отмечается, в частности, в доктринальных исследованиях, так, К.Б. Раздорожный предлагает определять токен в качестве «электронного знака»⁵⁶. В качестве электронного знака токен определяется и в законодательстве Беларуси⁵⁷.

При этом, представляется, что понятия «цифровой токен» и «криптоактив» являются тождественными, ввиду того что оба понятия часто используются в одинаковом значении как в юридической литературе, так и в законодательных актах иностранных государств. Для удобства в настоящей работе для общего обозначения всех подобных объектов будет использоваться единый термин «криптоактив», как наиболее краткий и часто встречающийся в юридических текстах.

⁵⁵ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 41.

⁵⁶ Раздорожный К.Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 10.

⁵⁷ Декрет Президента Республики Беларусь "О развитии цифровой экономики". URL: www.president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/ (дата обращения: 27.11.2025).

Криптоактивов существует огромное множество, начиная от криптовалют и заканчивая цифровыми произведениями искусства, существующими в виде NFT. Вместе с тем объединяет все криптоактивы форма их существования – криптоактив является записью в распределенном цифровом реестре.

При этом, с самого появления Биткойна как первых криптоактивов, которые приобрели экономическую ценность и стали свободно обращаться, юристов со всего мира беспокоит вопрос о надлежащей модели правового регулирования отношений, возникающих по поводу криптоактивов.

Сложности в построении правового регулирования таких отношений обусловлены, в первую очередь, техническими особенностями криптоактивов, которые отличают эти объекты от традиционных объектов гражданских прав. Таким образом, чтобы ответить на вопрос о том, какова надлежащая модель правового регулирования оборота криптоактивов, следует определить, что такое криптоактив и какие его основные признаки.

Кроме того, отдельный вопрос, на который необходимо ответить – имеет ли вообще смысл говорить о криптоактивах, как об объекте с единым правовым режимом? Ввиду того, что различные виды криптоактивов могут быть непохожи друг на друга, существует мнение, что корректнее говорить о правовом режиме каждого из видов криптоактивов отдельно.

Так, в российской юридической литературе крайне редки работы, посвященные криптоактивам как единой правовой категории. При этом существуют работы, посвященные отдельно криптовалютам, цифровым финансовым активам, NFT токенам. Некоторые исследователи специально разграничивают правовой режим различных криптоактивов⁵⁸.

Несмотря на то что на уровне российского законодательства понятие криптоактива не установлено, различные определения данного понятия можно

⁵⁸ Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. – 2021. № 6. С. 7-29.

найти в зарубежных законодательных актах, юридической и технической литературе. Так в технической документации Open Zeppelin токен понимается как «представление чего-либо в сети блокчейн. Этим «чем-то» могут быть деньги, время, услуги, акции компании, виртуальный питомец - что угодно. Токенизируя вещи, мы можем взаимодействовать с ними с помощью смарт-контрактов, обмениваться ими, создавать или уничтожать их»⁵⁹.

Как можно заметить, данное определение довольно широкое и охватывает любой объект, создаваемый в системе блокчейн. При этом, как справедливо отмечает польский юрист Якуб Визик, криптоактивы могут существовать в любых распределенных реестрах, не только в блокчейн. Указанный автор определяет криптоактив как конкретный цифровой актив, цифровой контент или виртуальный товар, функционирующий в сети на основе распределенного реестра⁶⁰.

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова выделяют всего два признака криптоактивов – виртуальность (понимаемая как существование актива в системе распределенного цифрового реестра) и оборотоспособность⁶¹.

Представляется вполне корректным определение, данное в законе Лихтенштейна о токенах и провайдерах доверенных технологий (Token and TT Service Provider Act (TVTG)). Закон понимает криптоактив следующим образом: «информация в системе распределенного реестра, которая может представлять собой права требования или права членства в компании, права собственности или другие абсолютные или относительные права и которая закреплена за одним или несколькими идентификаторами в системе распределенного реестра»⁶². Данное определение стало одним из первых

⁵⁹ «Tokens - OpenZeppelin Docs» (OpenZeppelin). URL: <https://docs.openzeppelin.com/contracts/3.x/tokens> (дата обращения 01.01.2024).

⁶⁰ Wyczik J. The Property Law of Crypto Tokens, p.8 [Электронный ресурс]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4620033 (дата обращения: 01.01.2024).

⁶¹ Санникова Л.В. Харитонова Ю.С., Цифровые активы: правовой анализ Монография, М., 2020. С.159

⁶² Information on a TT-system that can represent claims or rights of membership against a person, rights to property, or other absolute or relative rights and that are assigned to one or more TT-identifiers.

попыток концептуализировать понятие криптоактива в европейском законодательстве.

Близким к данному пониманию криптоактива является понятие, предложенное ESMA в Европейском законе о рынках криптоактивов (MiCA), принятом в 2024 году. Криптоактив определяется следующим образом: цифровое выражение ценности или права, которое может быть передано и сохранено в электронном виде с использованием технологии распределенного реестра или аналогичной технологии⁶³.

Два последних определения представляются достаточно удачными, однако нуждающимися в определенном дополнении. При том, что понятие, данное законодателем Лихтенштейна, отражает важные технические признаки токена, которые предопределяют его юридическую природу, данное определение предполагает возможность закрепления с помощью криптоактива конкретного имущественного права и не указывает на иные возможные формы существования криптоактива. В этом смысле более удачным представляется широкое определение данное в MiCA, которое предлагает считать криптоактивом любой объект в системе распределенного реестра, обладающий ценностью.

Исходя из указанных определений можно выделить признаки, присущие криптоактивам независимо от их вида. Во-первых, криптоактив представляет собой информацию (или данные). Во-вторых, эта информация существует в системе распределенного цифрового реестра. В-третьих, любой криптоактив имеет идентификатор и привязан к определенному хранилищу (кошельку). Наконец, в-четвертых, в криптоактиве заложена определенная ценность, часто выраженная в закрепляемых им имущественных правах. При этом следует разобрать каждый из указанных признаков подробнее.

⁶³ A digital representation of a value or right that can be transferred and stored electronically using distributed ledger technology or similar technology.

Любой криптоактив представляет собой информацию (или данные). В соответствии с пунктом 1 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶⁴ информация представляет собой сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. При этом указанный федеральный закон дает лишь общее представление о публично-правовом режиме информации, например о возможности ограничения доступа к ней или ее оборота.

Определение криптоактива в качестве информации представляется достаточно точным, поскольку в форме криптоактива могут существовать самые разные сведения от средств платежа и ценных бумаг до элементов публичных реестров. Представляется верным, что информация, как понятие, охватывающее наиболее широкий круг нематериальных объектов, охватывает все возможные варианты криптоактива.

При этом определение криптоактива как информации важно с той точки зрения, что данное определение дает возможность говорить о криптоактивах в самом общем смысле, как об объектах правоотношений. Указанная характеристика позволяет воспринимать криптоактив не просто как нечто, а как объект имеющий конкретный правовой режим.

Куда более важным представляется характеристика токена, связанная с конкретной формой существования одного. Определение криптоактива в качестве информации, существующей в цифровой форме представляется неполным и недостаточным. Следует дополнительно отметить, что указанная информация существует в особой среде – распределенном цифровом реестре.

⁶⁴ Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448

Выпуск в распределенном цифровом реестре является общим для всех криптоактивов независимо от вида, на что справедливо указывается в исследованиях⁶⁵.

Закрепление имущественных прав в распределенном реестре безусловно является не первым способом закрепления имущественных прав. В меньшей степени для целей настоящей работы интересна система регистрации прав на объекты недвижимости. Тем не менее анализ данной регистрационной системы позволяет ответить на некоторые вопросы о целях создания реестров имущественных прав.

Первоначально в римском, а позднее и в европейском средневековом праве передача недвижимости осуществлялась символическими способами, компенсировавшими невозможность полноценной физической передачи недвижимого имущества (земли) из рук в руки. Так в римском праве использовалась символическая процедура манципации, включавшая ряд формальных актов, опосредующих передачу вещи⁶⁶. В средневековом английском праве использовалась специальная процедура "livery of seisin"⁶⁷, которая подразумевала передачу ветки, комка грязи или куска дерна от кредитора должнику или совместный обход земли контрагентами со словами о ее передаче и последующим вступлением получателя во владение. В каждой подобной процедуре было необходимо присутствие свидетелей, которые являлись гарантией совершения сделки⁶⁸.

Хочется обратить внимание, что необходимость наличия свидетелей при совершении подобных сделок была вызвана тем, что недвижимое имущество — это тот объект, в отношении которого достаточно сложно определить владельца, поскольку в физическом смысле (в смысле телесного господства) владение земельным участком невозможно. Таким образом, наличие

⁶⁵ Содель О. В. Финансово-правовое регулирование обращения цифровых финансовых активов автореф. дисс. канд. юр. наук. С. 10.

⁶⁶ Напр. Гай. Институции / пер. с лат. и коммент. С. А. Иванова. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. - С. 59.

⁶⁷ Mayer P. *Pemberton A. Short history of land registration*. HM Land Registry, L. 2000. P. 4.

⁶⁸ *Garner. B.A. Black's Law Dictionary. Ninth Edition. 2009. P. 1046.*

свидетелей являлось основным доказательством публичной достоверности сделки, которое не позволяло никому (в том числе прежнему собственнику) претендовать на объект.

При этом, наличие свидетелей, безусловно, не самый надежный способ удостоверения сделки, особенно, если обладание объектом планировалось длительным, в течение поколений. В таком случае свидетельские показания утрачивали доказательственную силу, поскольку уже век спустя едва ли кто-то вспомнил бы о свершившейся сделке.

В следствие указанного, гражданский оборот, особенно в части наиболее ценных объектов (таких как манципируемые вещи в Риме), требовал с одной стороны, упрощения процедуры передачи прав, что позволило бы ускорить оборот, с другой стороны, обеспечения подтверждаемости титула правообладателя на имущество, физическое господство над которым затруднено.

В то же время, параллельно с развитием оборота вещей возникала необходимость в осуществлении оборота обязательственных прав (*res incorporalis* в римском праве). Необходимость оборота обязательственных прав встала еще в древности, где возможность поменять сторону сделки, порождающей обязательственные права, первоначально реализовывалась путем использования юридических фикций⁶⁹. При этом данный подход сильно замедлял оборот таких прав, поскольку каждая перемена лица в обязательстве вызывала необходимость проведения сложной процедуры.

Кроме того, в отличие от недвижимого имущества при обороте прав требования вообще отсутствовал материальный объект, являвшийся предметом оборота, ввиду чего еще больше затруднялось подтверждение наличия субъективного права требования у его обладателя. При этом

⁶⁹ В римском праве уступка права требования осуществлялась посредством фиктивной судебной процедуры в ходе которой процессуальный представитель истца получал право требовать исполнения обязательства в свою пользу как вознаграждения за свое «представительство» об этом: Покровский И.А. История римского права. С. 147 - 148.

необходимость обеспечения функционирования оборота данных объектов была очевидна. Как справедливо отмечал Г.Ф. Шершеневич «В действительности всюду, где усиливается товарное движение, возбуждается необходимость облегчить перемену лиц, приобретающих права по сделкам»⁷⁰.

Представляется, что именно с целью решения этой проблемы возникла фиксация (закрепление) имущественных прав (вещных или обязательственных, а позднее и корпоративных). При этом, при анализе как действующих, так и ранее действовавших правовых норм можно выделить два пути такой фиксации.

Первый путь – привязка права к какому-либо физическому объекту, наличие которого во владении лица подтверждало бы наличие права, а передача этого предмета, с соблюдением определенных условий, означало бы передачу права. К такому способу фиксации прав относятся, например, документарные ценные бумаги.

Второй путь – закрепление права, путем внесения его в регистрационную книгу (реестр), который ведет лицо, которому доверяют все участники гражданского оборота. Таким лицом может быть, как субъект публичной власти, так и иное лицо, занимающееся ведением реестра на профессиональной основе. Такими реестрами являются, например реестр прав на недвижимое имущество или реестр акционеров.

Фиксация имущественных прав таким образом позволяет значительно упростить и ускорить оборот прав. При этом решалась и другая проблема, а именно - фиксация права в объекте или реестре позволяет создать надлежащее доказательство наличия самого права, которое будет даже более надежным, чем показания свидетелей.

Исходя из изложенного, создание реестра стало новой ступенью развития института свидетеля. Только теперь свидетель — это не смертный

⁷⁰ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 2. М., 2003. С. 68.

человек, а государство или юридическое лицо. Безусловно, юридическое лицо может быть ликвидировано, а государство может прекратить свое существование, но при этом чаще всего сам реестр при этом сохраняется и передается другому лицу. Так Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁷¹ содержит специальные правила относительно того, как осуществляется депозитарный учет прав депонентов в случае ликвидации депозитария.

Таким образом, распределенный цифровой реестр можно считать следующим этапом в развитии реестров, этапом, на котором устраняется необходимость в централизованном учете информации, в том числе учета прав. При этом, надлежащее исследование особенностей правового регулирования оборота, выпускаемых в таких реестрах активов, представляется невозможным без исследования технических особенностей реестра и их влияния на правовой режим криптоактивов.

Распределенный цифровой реестр представляет собой вид базы данных, которая обладает своими уникальными особенностями, которые отличают его от иных видов баз данных. Эти особенности связаны с наличием особых технически predetermined правил, позволяющих пополнять эту базу данных информацией, а также перемещать данную информацию внутри указанной базы данных⁷².

Данные вносятся в указанную систему в виде структуры, называемой блоками. Каждый блок построен на основе предыдущего и включает в себя часть информации, которая ссылается на предшествующий. Таким образом можно отследить информацию, содержащуюся в данных блоках до самого

⁷¹ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // «Российская газета», № 79 от 25.04.1996.

⁷² Мебония М. А. Технология блокчейн. Примеры блокчейна. Примеры блокчейна и его применение // Вестник науки. 2022. №12 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blokcheyn-primery-blokcheyna-i-ego-primenenie> (дата обращения: 18.02.2025).

первого блока, называемого блок genesis⁷³. Само слово Blockchain буквально переводится как «цепь блоков».

Связь между блоками в системе распределенного реестра осуществляется с помощью хэш функции. Хэш функция в такой системе — это уникальный "цифровой отпечаток" данных. Хэш — это результат работы специальной математической функции, которая превращает эти данные в короткую строку букв и цифр фиксированной длины (так называемая хэш-сумма). Каждый блок в сети распределенного реестра содержит хэш – ссылку на предыдущий блок⁷⁴.

Хэш функция — это односторонняя функция, т. е. по выходу (хэшу) невозможно определить исходную информацию. Кроме того, невероятно мал шанс того, что разные данные при переводе через такую функцию выдадут одинаковый результат (хэш-сумму). Наконец особенностью применения хэш функции к транзакциям в сети распределенного реестра является то, что при попытке изменить данные в транзакции (внести изменения в один из предыдущих блоков) ее хэш сумма изменится и все участники системы обнаружат, что данные были изменены, поскольку указанные изменения затронут все блоки, находящиеся в системе⁷⁵. Таким образом, система сама защищает себя от изменений, распознавая те блоки данных, в которые были внесены изменения и отвергает их⁷⁶.

Принимая во внимание вышесказанное, хочется отметить, что хэш функция представляет собой инструмент криптографии, который позволяет защитить внесенную в систему информацию (в том числе криптоактивы) от изменения или удаления и одновременно шифрует данные, вносимые в

⁷³ Kushnir D., Kovtsur M., Muthanna A., Kistruga A., Akilov M., Batalov A. DEVELOPING INSTRUMENT FOR INVESTIGATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY Studies in Computational Intelligence. 2022. T. 1030. С. 123-141.

⁷⁴ Van Hijfte, S. Blockchain Platforms: A Look at the Underbelly of Distributed – 2020. – Morgan & Claypool Publishers. P 33.

⁷⁵ Поппер, Н. Цифровое золото: невероятная история биткойна или о том, как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново / Н. Поппер; пер. с англ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 350 С. 31.

⁷⁶ Siegel D. Kapitel 3. Technische Grundlagen // Kryptowahrungen und Token / S. Omor, M. Link (Hgs.). 2. Aufl. Deutscher Fachverlag; Fachmedien Recht und Wirtschaft, 2023. S. 91.

систему пользователем, делая их неизвестными для других пользователей системы.

При этом указанная база данных не хранится централизованно на одном сервере, а распределена между всеми участниками сети, отвечающими определенным требованиям. Все изменения, вносимые в систему, подлежат подтверждению со стороны участников системы, осуществляющих автоматическую запись совершаемых в сети изменений (транзакций) в новые блоки⁷⁷.

Важным свойством большинства систем распределенного реестра является технически обеспеченное равенство участников сети. Такие системы часто называют одноранговыми (пирринговыми или peer-to-peer) сетями (где peer означает «равный»). Транзакции обрабатываются не через центральный узел, такой как сервер финансового посредника (например, банка), а непосредственно между подключенными компьютерами. Таким образом, все участники сети предоставляют ресурсы со своего компьютера другим участникам. В результате каждый участник одновременно является и сервером, и клиентом, а управление осуществляется всеми участниками⁷⁸.

Участники конкретной сети на базе распределенного реестра могут принимать решения, связанные с управлением этой сетью путем голосования. Так, после известной хакерской атаки на децентрализованную автономную организацию (DAO) участники сети Ethereum путем голосования перевели сеть на новый протокол системы (так называемый форк), что позволило отменить произведенные хакерами транзакции и вернуть деньги изначальным владельцам⁷⁹.

⁷⁷ Федотова В.В., Емельянов Б.Г., Типнер Л.М. Понятие блокчейн и возможности его использования // *European science*. 2018. № 1 (33). С. 40-48.

⁷⁸ Nagele, T. The legal nature of tokens / T. Nagele. — Vaduz: DLT Media LLC, 2021 P. 6.

⁷⁹ Mehar, M. Understanding a Revolutionary and Flawed Grand Experiment in Blockchain: The DAO Attack / M. Mehar, C. Shier, A. Giambattista, E. Gong, G. Fletcher, R. Sanayhie, H.M. Kim, M. Laskowski // *Journal of Cases on Information Technology*. 2019. T. 21, №1. С. 19–32.

Возможность саморегулирования путем принятия решений участниками сообщества приводит к выводу о возможности, с правовой точки зрения, квалифицировать участников системы распределенного цифрового реестра в качестве гражданско-правового сообщества.

В соответствии с позицией Верхового Суда Российской Федерации гражданско-правовым сообществом является определенная группа лиц, наделенная полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений⁸⁰.

Наличие признаков гражданско-правового сообщества в некоторых объединениях лиц в распределенном цифровом реестре было предметом рассмотрения в доктрине. Следует отметить, что несмотря на то, что в указанных исследованиях поднимался вопрос об отнесении к гражданско-правовым сообществам группы лиц, осуществляющих майнинг (создание новой цифровой валюты путем совершения вычислений участниками системы распределенного реестра)⁸¹ или лиц, поддерживающих функционирование информационной системы⁸², представляется правильным относить к гражданско-правовым сообществам не только майнеров, но и любых участников распределенного цифрового реестра, способных принимать решения о его изменении вне зависимости от их функции в системе.

С.Ю. Филиппова определяет гражданско-правовое сообщество как группу лиц, способную связывать себя решениями собраний, обязательными

⁸⁰ Пункт 103 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁸¹ Например: Кресс В.В. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 2 - 7.; Карнушин В.Е. О гражданско-правовой природе майнинга. Майнинг как деятельность в рамках договора простого товарищества // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 4. С. 122 - 131

⁸² Суворов Е.Д. Иск из владения цифровым активом // Проблемы развития гражданского законодательства и практики его применения: сборник статей, посвященный юбилею профессора В.В. Витрянского. М. Статут. С. 13.

для всех участников такой группы, независимо от индивидуального решения каждого из участников по отдельности⁸³.

Как представляется, решения, принимаемые участниками системы распределенного реестра можно отнести к решениям собраний, поскольку изменения алгоритма (такие как вышеупомянутый «форк») на основании такого решения обладает признаком общеобязательности для всех участников системы, даже для тех, кто голосовал против такого изменения или воздержался от голосования. Таким образом, указанные решения должны подчиняться правилам главы 9.1 ГК РФ.

При этом следует отметить, что такое гражданско-правовое сообщество не является правосубъектным лицом и не может само по себе иметь права и обязанности иные, чем предусмотренные решением собрания такого сообщества. Таким образом представляется неверной точка зрения Е.Д. Суворова о том, что кошельки и адреса идентификаторы в публичном распределенном цифровом реестре открываются на основании договора между участником системы и «криптосообществом», осуществляющим поддержку работоспособности информационной системы, а также о возможности деликтной ответственности такого сообщества⁸⁴.

Тем не менее, следует отметить, что существуют системы распределенного реестра, не являющиеся в полной мере децентрализованными. Такие системы называют также административными или частными. В такой системе присутствует участник или участники, обладающие правами администратора. Именно такие участники осуществляют верификацию транзакций в системе, а также могут обладать иными эксклюзивными правами, вплоть до возможности вносить изменения в систему и управлять криптоактивами на кошельках других лиц⁸⁵.

⁸³ Филиппова С.Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия // Закон. 2022. № 6. С. 30 - 41.

⁸⁴ Суворов Е.Д. Указ. Соч. с. 13.

⁸⁵ Taghiyeva - Zeynalova, Maryam. (2019). Game of Nodes: Централизация в Блокчейн Инфраструктурах (Game of Nodes: Centralisation in Blockchain Infrastructures). URL:

Следовательно, в такой системе уже нет признаков гражданско-правового сообщества, поскольку решения о внесении изменений в систему принимаются централизованно, а не путем решения собрания.

Описанные выше свойства являются ключевыми характеристиками системы распределенного реестра, которые предопределяют юридическую природу данных, размещаемых в данной системе (криптоактивов). При этом, защищенность данных в системе распределенного реестра является причиной повсеместного использования системы распределенного реестра.

Возможность безопасно хранить данные и при этом обеспечивать прозрачность хранения таких данных позволяют создать условия гражданского оборота, называемые цифровым доверием. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновы цифровое доверие определяют как «информированное ожидание участников рынка добросовестного и честного поведения контрагентов и посредников, которое подчиняется алгоритму компьютерной программы, созданной с использованием цифровой технологии»⁸⁶.

Если упростить сказанное получается, что доверие в привычном нам смысле — как личные доверительные отношения между сторонами экономического оборота, оказывается ненужным. Оно заменяется доверием к системе — к инструментам криптографии, которые смогут защитить добросовестного участника гражданского оборота от недобросовестного контрагента.

Как справедливо отмечает Ю. Матилла, необходимый минимум доверия в системе блокчейн заключается в допущении, что в среднем участники сети ведут себя честно — или, более того, что большинство всей сети не вступают

https://www.researchgate.net/publication/337945598_Game_of_Nodes_Centralizacia_v_Blokcejn_Infrastrukturah_Game_of_Nodes_Centralisation_in_Blockchain_Infrastructures (дата обращения 03.03.2025); Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий Дис. ... докт. юрид. наук. Москва, С. 55.

⁸⁶ Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовые аспекты применения технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе, Гражданское право, 2018, № 5 с. 3-8.

в сговор с остальными согласованным образом⁸⁷ (об уязвимостях системы, влекущей риск таких согласованных действий, будет сказано далее).

Указанное свойство представляется ключевым для применения технологий на основе распределенного реестра. В связи с этим, законодатель Лихтенштейна даже объединил указанные технологии под общим наименованием «технологии доверия (или надежные технологии)» (trustworthy-technologies). Возможность обеспечивать доверие между контрагентами техническими способами делает технологию распределенного реестра привлекательной для пользователей, поскольку ее использование способно значительно снизить транзакционные издержки, связанные с поиском и проверкой потенциальной стороны в соглашении⁸⁸.

Представляется верным отметить, что свойства систем распределенных цифровых реестров определяют и экономическую ценность, размещаемых в них данных (в первую очередь криптоактивов). Поскольку криптографические технологии защищают информацию от кражи и передачи иным лицам без разрешения правообладателя, возможность хранения в такой системе практически любой информации повышает ее ценность.

Учитывая вышесказанное, необходимо обозначить еще один важный признак криптоактива. Помимо того, что криптоактивы представляют собой информацию, размещаемую в распределенном цифровом реестре, каждый криптоактив при его создании размещается в привязке к конкретному адресу (называемом также кошелек, криптокошелек, адрес-идентификатор).

Кошелек может быть создан физическим или юридическим лицом и является компьютерной программой, которая напрямую связана с системой

⁸⁷ Mattila J. The blockchain phenomenon / Berkeley Roundtable of the International Economy. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/profile/Juri-Mattila/publication/313477689_The_Blockchain_Phenomenon_-_The_Disruptive_Potential_of_Distributed_Consensus_Architectures/links/589c31caa6fdcc754174493a/The-Blockchain-Phenomenon-The-Disruptive-Potential-of-Distributed-Consensus-Architectures.pdf (дата обращения: 11.06.2024)

⁸⁸ Сафиуллин М.Р., Савеличев М.В., Ельшин Л.А. Блокчейн как технология повышения доверия и снижения транзакционных издержек в финансовой сфере // Вопросы инновационной экономики. 2019. №3. С. 1161-1173.

распределенного реестра. Кошелек позволяет хранить криптоактивы, приобретать и передавать их другим пользователям.

Таким образом, обладатель криптокошелька является и обладателем криптоактивов, находящихся на нем. При этом такое обладание также обеспечивается техническими средствами. В основе работы большинства криптокошельков лежит технология асимметричного шифрования⁸⁹.

Асимметричное шифрование представляет собой криптографическую технологию, применяющую для шифрования данных два ключа – открытый и закрытый. Один ключ используется для шифрования (открытый ключ), а другой - для дешифрования (закрытый ключ). Открытый ключ, как следует из названия, может и должен быть известен всем. Напротив, закрытый ключ должен храниться в безопасности и может рассматриваться как пароль⁹⁰.

Если открытый ключ известен получателю, любая информация или сообщение могут быть зашифрованы с помощью открытого ключа. Расшифровать его может только тот, у кого есть закрытый ключ, соответствующий открытому ключу, с помощью которого было зашифровано сообщение.

Асимметричное шифрование само по себе не является частью технологии распределенного реестра, являясь самостоятельным криптографическим методом, при этом обе технологии используются в рамках оборота криптоактивов и, как представляется, являются одинаково определяющими техническую суть криптоактивов. Некоторые исследователи даже отдают технологии асимметричного шифрования приоритет при определении криптоактива, так Т.Е. Николаева, давая определение криптовалюты называла ее видом цифровой валюты, «эмиссия и учет которой

⁸⁹ Бегларян М.Е., Добровольская Н.Ю. Блокчейн-технология для цифровизации экономики: угрозы и перспективы // Правовая информатика. 2020. № 4 с. 46-53.

⁹⁰ Анисимова Э.С. Асимметричные системы шифрования // Экономика и социум. 2015. №1-2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/asimmetrichnye-sistemy-shifrovaniya> (дата обращения: 24.02.2025).

основаны на асимметричном шифровании и применении различных криптографических методов защиты»⁹¹.

Как справедливо отмечает В. Плеханов, в то время как хэш-функция обеспечивает целостность данных, асимметричное шифрование позволяет обеспечить их аутентичность, а именно кто создал криптоактив, отправил его или подтвердил транзакцию⁹². Привязка криптоактива к кошельку таким образом осуществляется с помощью особого идентификатора, позволяющего индивидуализировать и отследить перемещение по кошелькам любого криптоактива.

Работу технологии можно проиллюстрировать на конкретном примере транзакции в сети Биткоин. Пользователь с кошелька А, передавая определенную сумму (например, 1 Биткоин) на кошелек Б, использует закрытый ключ для того, чтобы зашифровать транзакцию (так называемая подпись транзакции), после чего пользователи сети верифицируют транзакцию с помощью открытого ключа кошелька А. После верификации транзакции сумма в 1 Биткоин направляется на адрес кошелька Б⁹³.

Ввиду сказанного, именно обладание закрытым ключом дает возможность совершать транзакции с токенами, находящимися на конкретном кошельке, а значит и фактически управлять активами пользователя. В случае если закрытый ключ был скомпрометирован, получившие доступ к данному ключу лица, получают возможность управлять активами в кошельке⁹⁴.

На практике закрытый ключ представляет собой очень большое сгенерированное число⁹⁵, поэтому полноценно обладать данным ключом, а именно, помнить его содержание, пользователь не может. При этом,

⁹¹ Николаева Т.Е. Эволюция денег и их особенности в современных условиях: учебное пособие. М.: Издательство «Флинта», 2017. С. 43.

⁹² Плеханов В. Криптоактивы в частном праве // О частном праве: Сборник статей к 50-летию профессора С.В. Третьякова М. 2025. С. 32.

⁹³ Antonopoulos, Andreas M. 2014. *Mastering Bitcoin: Unlocking Digital Cryptocurrencies*. Sebastopol, CA: O'Reilly Media P. 23.

⁹⁴ Бодяко А.В., Пономарева С.В., Рогуленко Т.М. Идентификация цифровых прав в качестве объекта учета и контроля // Учет. Анализ. Аудит. 2021. №5 С. 14-28.

⁹⁵ Бегларян Маргарита Евгеньевна, Добровольская Наталья Юрьевна, указ. соч. С. 46.

возможность доступа к указанному ключу реализуется через привычный механизм парольной защиты. Утрата или компрометация пароля фактически будет означать и потерю доступа к закрытому ключу.

Критерий обладания закрытым ключом как способ определения того, кто является обладателем криптоактивов таким образом представляется естественным и проистекает из технических характеристик криптокошелька. Исходя из этого, данный критерий зачастую устанавливается и на законодательном уровне. Так пункт 2 части 7 статьи 4 Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹⁶ (далее также – закон о ЦФА) определяет, что обладателем цифровых финансовых активов является лицо, которое имеет доступ к информационной системе, в которой учитываются цифровые финансовые активы, посредством обладания уникальным кодом, необходимым для такого доступа, который позволяет ему получать информацию о цифровых финансовых активах, которыми он обладает, а также распоряжаться этими цифровыми финансовыми активами посредством использования информационной системы.

При этом от криптокошелька следует отличать конструкцию криптодепозита, которая применяется на большинстве современных криптобирж, а также у иных посредников на крипторынке. Конструкция криптодепозита не предполагает наличия у лица закрытого или открытого ключа. Так как фактическим обладателем криптоактивов в такой модели является посредник (то есть именно на его кошельке находятся криптоактивы), у пользователя счета есть лишь обязательственные права требования по передаче таких активов на его кошелек⁹⁷.

⁹⁶ Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета» № 173, 06.08.2020.

⁹⁷ Подробнее о юридических особенностях и рисках данной модели см. 3 главу.

Модель депозита достаточно распространена на рынке криптоактивов. Так, крупнейшая криптобиржа Binance работает именно по модели депозита, при которой криптоактивы, находящиеся на счетах пользователей, на самом деле передаются бирже. В связи с этим модель депозита также называют моделью Binance⁹⁸.

Технически криптоактивы всегда существуют в привязке к кошельку и не могут существовать вне его. Сами по себе криптоактивы как информация могут возникать на кошельках пользователей системы распределенного реестра различными способами. Данные способы можно разделить на первоначальные и производные.

Среди первоначальных способов исторически наиболее ранним способом создания токенов являлся майнинг (от английского mining – добыча). Майнингом называется процесс решения криптографической задачи, в результате которой в систему распределенного реестра добавляется новый блок, содержащий данные о совершенных транзакциях. Криптоактивы же (например Биткоин) являются вознаграждением за решение данной задачи. Как справедливо отмечает Д.Г. Исаева криптоактивы таким образом являются не только активом, но и топливом для системы распределенного реестра⁹⁹.

Альтернативой майнингу является стейкинг – процесс создания криптоактивов, использующий другой протокол верификации транзакций. Верификация транзакции при стейкинге осуществляется на основе доли цифровой валюты, которой владеют пользователи, осуществляющие стейкинг. Шанс получения вознаграждения при этом способе пропорционален направленной для стейкинга доле цифровой валюты¹⁰⁰.

⁹⁸ Официальный сайт криптобиржи Binance // URL: <https://research.binance.com/static/pdf/institutional-custody-in-crypto-.pdf> (дата обращения – 24.10.2024).

⁹⁹ Д.Г. Исаева. О блокчейн-технологии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №10-1 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-blokcheyn-tehnologii> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁰⁰ Saleh, Fahad, Blockchain Without Waste: Proof-of-Stake (July 7, 2020). Review of Financial Studies, Volume 34, March 2021, Pages 1156-1190, Available at SRN: <https://ssrn.com/abstract=3183935> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3183935>

Как майнинг, так и стейкинг представляют собой процесс автоматического создания однородных криптоактивов в системе распределенного реестра. Пользователь не имеет возможности каким-то образом повлиять на содержание или количество выпускаемых криптоактивов.

При этом с развитием технологии распределенного реестра такая возможность появилась. Уже на этапе появления Ethereum появился новый способ создания криптоактивов – так называемый минтинг – от английского minting – чеканка. Этот способ позволяет создать новый криптоактив или увеличить количество существующих, в случае если правила сети позволяют это делать¹⁰¹.

Существуют и иные способы первоначального возникновения криптоактивов на кошельках пользователей, но именно эти являются наиболее распространенными. Наконец следует отметить, что криптоактивы на кошельках могут не только создаваться первоначально, но и быть получены производными способами с других кошельков путем совершения транзакций в системе распределенного реестра.

Вместе с тем устройство криптокошельков обеспечивает возможность перемещать криптоактивы с одного кошелька на другой, что технически обуславливает оборотоспособность криптоактивов.

Гражданских оборот в правовой науке рассматривается как совокупность сделок и иных юридических фактов¹⁰² или как совокупность гражданско-правовых обязательств, возникающих из правомерных действий, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг, уплату денег и т.д.¹⁰³. При этом следует согласиться с мнением, что

¹⁰¹ Nagele, T. The legal nature of tokens / T. Nagele. — Vaduz: DLT Media LLC, 2021p. 46

¹⁰² Братусь С.Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве. Доклад на заседании сектора гражданского права ВИЮН // Сов. гос. и право. 1949. № 11. С. 71

¹⁰³ Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права // Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005. С. 408.

содержанием гражданского оборота является перемещение объектов гражданского оборота (оборотоспособных вещей, требований и т.д.)¹⁰⁴.

Оборотоспособность является еще одним важным признаком таких объектов, хотя и не учитываемом прямо в приведенных определениях криптоактивов в зарубежном законодательстве. При этом все криптоактивы независимо от вида могут перемещаться, менять обладателя и быть объектом гражданско-правовых сделок.

Наконец последним, но не менее значимым признаком криптоактива следует назвать его содержание – права, обязанности, иная экономическая ценность, которые заключает в себе криптоактив. Следует понимать, что в то время как техническое устройство кошельков обеспечивает техническую возможность оборота криптоактивов, именно экономическая ценность криптоактива делает его объектом гражданского оборота. При этом источники экономической ценности криптоактива могут различаться в зависимости от конкретного вида криптоактивов.

Исходя из вышесказанного можно дать достаточно исчерпывающее определение криптоактива. Криптокатив представляет собой оборотоспособную информацию, размещенную в системе распределенного реестра, обладающую экономической ценностью и которая может быть индивидуализирована с помощью идентификатора в системе распределенного реестра и существует в привязке к кошельку его обладателя.

Вывод:

Криптоактивы являются видом цифровых активов, обладающих рядом признаков, позволяющих выделить их среди иных объектов гражданского оборота. Так криптоактивы представляют собой информацию в смысле

¹⁰⁴ Демин А.А. Цивилистическое понимание гражданского оборота // Цивилист. 2022. № 1. С. 62 - 67.

Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁰⁵.

Такая информация представляет собой запись в распределенном цифровом реестре, который представляет собой технологию криптографии, основанную на децентрализованном хранении информации на различных устройствах, принадлежащих участникам системы. Сами участники системы являются гарантами защищенности вносимых в систему записей, подтверждая подлинность каждой новой записи в таком реестре. Такая система обеспечивает неизменность вносимых записей и защищенность их от изменений, для изменения записей в таком реестре соответствующее решение должно принять большинство участников системы или в случае, если у такой системы есть администратор (частные распределенные реестры) соответствующее решение принимает он.

Каждый криптоактив существует в привязке к кошельку, представляющему собой компьютерную программу, позволяющую ее владельцу приобретать и перемещать криптоактивы. Хранение и перемещение криптоактивов между кошельками осуществляется с помощью технологий криптографии, что делает оборот криптоактивов защищенным от лиц, не имеющих доступа кошельку. При этом презюмируется, что владелец кошелька является и обладателем находящихся на нем криптоактивов.

Наконец криптоактив имеет экономическую ценность и обладает стоимостным выражением, что позволяет ему быть объектом гражданского оборота.

§ 2. Виды криптоактивов для целей правового регулирования

Часто в основе экономической ценности криптоактивов лежат права и обязанности, которые содержит в себе данный объект. Указание на права и

¹⁰⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Российская газета», № 165, 29.07.2006.

обязанности, как содержание криптоактивов нередко встречается в законодательстве. Помимо приведенных выше определений из европейского и лихтенштейнского законодательства, это указание можно встретить и в дефиниции цифровых прав в ГК РФ (наиболее близкого по содержанию к понятию токена). Цифровые права определяются как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы.

Криптоактивы, содержащие в себе имущественные права также называются токенизированным имуществом. Данные объекты Томас Негеле называет токенами-контейнерами, в которые помещаются некоторые имущественные права. Токен же является инструментом, опосредующим оборот таких прав¹⁰⁶. Процесс «помещения» имущественных прав в этот «контейнер» называется токенизацией¹⁰⁷.

Примерами токенизированного имущества исходя из изложенного следует считать криптоактивы, закрепляющие корпоративные права (цифровые акции), долговые обязательства (цифровые облигации), токены платформы, которые позволяют требовать от собственника платформ передачи имущества, токенизированные записи в реестре собственников недвижимости, а также иные криптоактивы, обладание которыми наделяет обладающее лицо имущественными правами.

Как видится, к такого рода криптоактивам следует относить регулируемые российским законодательством цифровые права, к которым относятся цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права. Данные объекты исходя из определения, данного в Федеральном законе удостоверяют в распределенном цифровом реестре

¹⁰⁶ Nagele, T. *ibid.* p. 84

¹⁰⁷ Zvonka, Georgii, Tokenization: A Potential Pathway for Bitcoin's Future (May 28, 2023). Swiss Finance Institute Research Paper No. 23-53, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4461414> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4461414>

имущественные права (обязательственные и корпоративные) в отношении их эмитента.

Исходя из изложенного, токенизировать можно практически любое имущество, за исключением того, для оборота которого необходим особый установленный законодательством порядок¹⁰⁸. При этом нельзя отрицать существования таких криптоактивов, которые не содержат в себе каких бы то ни было имущественных прав, но имеющих при этом некоторую имущественную ценность.

Самый яркий пример такого объекта – традиционные криптовалюты, такие как bitcoin или ethereum. Как справедливо отмечает с опорой на зарубежное регулирование¹⁰⁹ Л.Г. Ефимова, криптовалюты не дают начало никакому праву требования к лицу, выпускающему их, или к третьему лицу¹¹⁰. Таким образом криптовалюта обладает ценностью, не содержа в себе имущественного права иного, кроме права на саму себя. Такой токен не является контейнером для иных прав, а является ценным активом сам по себе.

В российском законодательстве эта особенность отлично иллюстрируется в определении цифровой валюты, данном в пункте 3 статьи 1 Закона о ЦФА, в котором прямо присутствует указание на отсутствие какого-либо обязанного лица по цифровой валюте. Исходя из данного определения к цифровой валюте нельзя относить, к примеру, стейблкоины, традиционно относимые к криптовалюте, поскольку для таких активов существует обязанное лицо, обеспечивающее их стоимость реальными деньгами.

К другим криптоактивам, не включающим в себя иных (внешних) имущественных прав являются произведения искусства, выпущенные в форме NFT. NFT в классическом виде представляет собой цифровое изображение звуковую или видео запись, привязанные к распределенному цифровому

¹⁰⁸ Подробнее о правовой природе токенизации см. главу 2

¹⁰⁹ Официальный сайт Finma URL: <https://www.finma.ch/fr/autorisation/fintech> (дата обращения 25.02.2025).

¹¹⁰ Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6 – 15.

реестру. Такие объекты представляют собой, как справедливо отмечает Э.И. Лескина цифровой сертификат подлинности объекта¹¹¹, но при этом NFT токен может не содержать каких-либо прав требования к третьим лицам.

Учитывая вышесказанное, криптоактивы, в зависимости от источника их экономической ценности следует разделить на самоценные (называемые также внутренние токены) – не содержащие в себе конкретных имущественных прав и несамоценные (или токенизированное имущество, внешние токены), которые являются «контейнерами» для других объектов гражданских прав. Это различие зачастую трудно понимаемо для юристов и приводит к неверной квалификации правового режима некоторых криптоактивов, о чем будет сказано далее.

Общим же для всех криптоактивов, независимо от вида является их экономическая ценность (самостоятельная или производная) и способность быть объектом гражданского оборота. При этом, представляется неверным включать в определение криптоактива то, что он является выражением каких-либо прав или обязанностей, как это было сделано в законодательстве России (в части цифровых прав), Лихтенштейна или Европейского Союза.

Несмотря на общие признаки криптоактивов, установленные в предыдущем параграфе между ними все же есть определенные различия, иногда достаточно существенные и влияющие на правовой режим таких активов. Наиболее ранней и самой известной классификацией токенов является классификация, предложенная Швейцарской службой по надзору за финансовыми рынками (Swiss Financial Market Supervisory Authority или FINMA) в руководящих началах в области ICO (Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs), 2018 года¹¹².

¹¹¹ Лескина Э.И. Правовое регулирование наследования невзаимозаменяемых токенов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-nasledovaniya-nevzaizmozamenyaemyh-tokenov> (дата обращения: 25.02.2025).

¹¹²Официальный сайт Finma: <https://www.finma.ch/en/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf> (дата обращения 25.02.2025)

Согласно данной классификации, криптоактивы делятся на:

— платежные токены (payment tokens или криптовалюты) — выполняют функции средства платежа, включают в себя как классические криптовалюты, так и валюты, обеспеченные иными активами (стейблкоины), а также цифровые валюты центральных банков;

— утилитарные токены (utility tokens) — являются средством оплаты товаров и услуг, предоставляемых онлайн-платформами. Утилитарные токены выступают в качестве вознаграждения за инвестиции;

— токены-активы (asset tokens) — являются цифровым закреплением имущественных прав (вещных, обязательственных, корпоративных или исключительных). Токены активы также называются токенами-ценными бумагами (англ. Security tokens) и являются цифровым аналогом акций, облигаций или иных ценных бумаг и производных финансовых инструментов;

— гибридные токены (hybrid tokens) — могут выполнять функции различных видов криптоактивов.

Данная классификация долгое время оставалась самой популярной таксономией криптоактивов. При этом нельзя не отметить, что данное деление не является бесспорным.

Так, разграничение между разными видами криптоактивов не является прозрачным. Например, найти в правовой плоскости различие между утилитарными токенами и токенами-активами может быть затруднительно ввиду того, что как одни, так и другие закрепляют права требования к третьим лицам: в одном случае к эмитенту таких криптоактивов, в другом к владельцу платформы¹¹³. При этом указанные права, как в одном, так и в другом случае могут быть различными.

¹¹³ Florysiak, David, Utility Tokens, Markets in Crypto Assets Regulation (MiCAR), and the Costs of Being Public (December 7, 2022). Available at SRN: <https://ssrn.com/abstract=4295913> r <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4295913>.

Выделение платежных токенов в отдельную категорию по признаку того, что указанные активы могут использоваться в качестве средства платежа, также вызывает вопросы. Так в указанную категорию попадают принципиально разные активы, как не имеющие эмитента традиционные криптовалюты (цифровые валюты по российскому законодательству), так и имеющие эмитента и обеспечены его обязательствами стейблкоины.

Вместе с тем, ввиду того, что цифровые финансовые активы, относящиеся к токенам-ценным бумагам, могут использоваться в качестве средства международных расчетов¹¹⁴ можно сделать вывод, что в качестве средств платежа могут использоваться криптоактивы не относящиеся к платежным токенам по классификации FINMA.

Также, как справедливо отмечают Ю.С. Харитонова и Л.В. Санникова, указанная классификация не исчерпывает всего многообразия вновь возникающих криптоактивов¹¹⁵. Так, неясно, место в данной квалификации NFT-токенов, не закрепляющих никаких имущественных прав и не являющихся при этом средством платежа. Как представляется такое упущение связано с тем, что на момент издания акта рынок NFT еще не был развит настолько, чтобы законодатель обратил на него внимание.

Именно поэтому на более позднем этапе развития правового регулирования европейский законодатель взял за основу иную классификацию криптоактивов. Так в соответствии с MiCA криптоактивы делятся на три типа. В основу разграничения этих типов положен критерий обеспеченности.

К первому типу относятся криптоактивы, обеспеченные одной официальной валютой (фиатнообеспеченные стейблкоины). Функция таких криптоактивов очень похожа на функцию электронных денег, как она

¹¹⁴ Шайдуллина В.К. Проблемы гражданско-правового регулирования цифровых финансовых активов в международных расчетах на примере законодательства Российской Федерации и Азербайджанской Республики // Современное право. 2025. № 6. С. 126.

¹¹⁵ Санникова Л.В. Харитонова Ю.С., Цифровые активы: правовой анализ Монография, М., 2020 С.150.

определена в Директиве 2009/110/ЕС, эти криптоактивы именуются также «токены электронных денег». Данный вид токенов относится к платежным токенам, но в отличие от прежней классификации не включает в себя классические криптовалюты и цифровые валюты центральных банков (которые вообще не регулируются MiCA)¹¹⁶.

Второй тип криптоактивов - это «токены, привязанные к активам», то есть токены, закрепляющие имущественные права. Второй тип охватывает токенизированное имущество, не являющееся фиатнообеспеченным стейблкоином. К данному типу токенов можно отнести токены-ценные бумаги и утилитарные токены.

Наконец, третий тип включает в себя криптоактивы, не привязанные к какому-либо активу. В эту категорию попадают классические криптовалюты, такие как Bitcoin или Ethereum, необеспеченные стейблкоины¹¹⁷, а также иные криптоактивы, не обеспеченные иными объектами или имущественными правами (например, необеспеченные NFT-токены).

Нельзя не отметить, что в основе этого деления лежит уже упомянутое ранее деление криптоактивов на самоценные и несамоценные с тем отличием, что MiCA выделяет в отдельную группу фиатнообеспеченные стейблкоины. При этом такое обособление стейблкоинов представляется безосновательным, поскольку стейблкоины с точки зрения права представляют собой токенизированное денежное обязательство организации, выпускающей такой токен, например Tether – выпускающего USDT¹¹⁸. Таким образом обеспеченность можно рассматривать как критерий деления токенов на две

¹¹⁶ Brancatelli, Andrea. (2023). Mica regulation: general overview and inhouse perspective. *International In-House Counsel Journal*, 16(64), 8587-8594.

¹¹⁷ К необеспеченным стейблкоинам относятся монеты, обеспеченные другой криптовалютой или стоимостью которых обеспечивается специальными алгоритмами (криптообеспеченные или алгоритмически обеспеченные). Такие токены не могут считаться в полной мере надежными и подвержены значительным рискам (например, убытки от обесценивания алгоритмического токена Terra Luna составили от 3 до 21 млрд. \$)

¹¹⁸ Иванов В. В., Нурмухаметов Р. К. Содержание и экономическая природа стейбл-коинов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2020. № 1. С. 73–82. DOI: 10.34130/2070-4992-2020-1-73-82.

категории, что выражается в приведенной выше классификации на криптоактивов на самоценные и несамоценные.

Другим имеющим значение для целей правового регулирования делением криптоактивов следует считать деление их на взаимозаменяемые и невзаимозаменяемые. Данное деление, в отличие от деления на самоценные и несамоценные является не экономико-юридическим, а техническим.

Взаимозаменяемость — это техническое свойство криптоактива, подразумевающее его возможность формировать род. Подобно тому, как идентичные вещи формируют категорию вещей, определяемых родовыми признаками (такими как вес, размер и т.д.) некоторые криптоактивы также обладают идентичными признаками, а посему могут рассматриваться, как объекты, определяемые родовыми признаками. Как справедливо указывает Томас Негеле, к таким взаимозаменяемым токенам можно, например отнести биткоин или его дробную единицу сатоши, поскольку совершенно не важно, какие конкретно биткоины или сатоши участвуют в конкретной сделке¹¹⁹.

Разумеется, можно представить себе сделку, объектом которой могут быть не все биткоины, а только те, которые ранее не были задействованы в преступных операциях («чистые биткоины»), но при этом такие токены не перестанут быть взаимозаменяемыми, просто род этих объектов уменьшится.

С другой стороны, невзаимозаменяемый криптоактив (non fungible token, NFT) представляет собой объект с уникальными признаками, который не может быть заменен другим аналогичным токеном. Такой криптоактив содержит уникальные метаданные, которые всегда позволяют отличить его от других криптоактивов¹²⁰. Стандарт для невзаимозаменяемых криптоактивов ERC-721 предполагает, что каждый криптоактив может быть

¹¹⁹ Nagele, T. The legal nature of tokens / T. Nagele. — Vaduz: DLT Media LLC, 2021 P. 86.

¹²⁰ Peres, R. et al. 2023. Blockchain meets marketing: Opportunities, threats, and avenues for future research. International Journal of Research in Marketing, 40(1), pp. 1-11. <https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2022.08.001>

идентифицирован на основе одного и того же смарт-контракта с помощью уникального идентификатора токена (tokenId)¹²¹.

А.П. Рабец и К.Д. Найденов указывают, что признаком невзаимозаменяемых криптоактивов является то, что они удостоверяют права держателя на конкретный объект записью в распределённом реестре¹²². При этом по мнению Р. Эдельмана невзаимозаменяемые криптоактивы исключительно удостоверяют права на объекты материального мира¹²³.

В российской судебной практике также приводилось схожее понятие невзаимозаменяемого криптоактива. В постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда NFT определяется как «уникальный цифровой объект, который олицетворяет нечто, имеющее ценность – персонажа в игре, изображение, доменное имя, твит, аудиозапись»¹²⁴.

Сама идея невзаимозаменяемого криптоактива, как способа удостоверения прав на конкретный объект (реальный или виртуальный) в распределённом реестре представляется не вполне точной. Согласие с этой позицией означало бы, что невзаимозаменяемый криптоактив в любом случае относится к несовершенным, поскольку его задача исключительно фиксировать права на иной объект.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Ботонд Бресковиц, невзаимозаменяемый криптоактив может как подтверждать права на объект, находящийся за пределами распределённого реестра (off-chain NFT), так и на объект (видео, изображение или иной объект), находящийся в системе распределённого реестра (on-chain NFT)¹²⁵.

¹²¹ Стандарт для невзаимозаменяемых криптоактивов ERC-721 URL: <https://docs.openzeppelin.com/contracts/3.x/erc721> (дата обращения 01.06.2024).

¹²² Рабец А. П., Найденов К. Д. Гражданско-правовой режим невзаимозаменяемых токенов (NFT): современное состояние и перспективы развития законодательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 142–154

¹²³ Edelman, R. 2022: The Truth About Crypto: A Practical, Easy to Understand Guide to Bit coin, Blockchain, NFTs and Other Digital Assets. New York: Simon & Schuster.

¹²⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 октября 2022 г. № 09АП-63742/2022 по делу № А40-56943/22 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁵ Breszkovics, Botond. «NFTs under the Framework of Mica». Regional Law Review, 2024, pp. 65-76. (66).

При этом, следует дополнить, что в случае on-chain невзаимозаменяемый криптоактив не просто подтверждает права на какой-либо объект в системе распределенного реестра, а сам является этим объектом. Запись в реестре оказывается неотделима от файла, к которому она привязана и даже копирование самого изображения или видео породит новый объект, не обладающий той экономической ценностью и значением для оборота, которая была у изначального криптоактива.

Первым массовым случаем использования таких самоценных невзаимозаменяемых криптоактивов стала компьютерная игра Crypto kitties, в которой пользователи могли собирать и коллекционировать NFT-токены, изображающие котиков, а также обмениваться ими. Данные криптоактивы приобретались пользователями в том числе за реальные деньги¹²⁶. При этом за пределами игры, где обмен подобными картинками также возможен, их экономическая ценность близка к нулю именно потому, что свойства невзаимозаменяемых криптоактивов делали каждое такое изображение в игре уникальным.

Взаимозаменяемость и невзаимозаменяемость – свойства, позволяющие криптоактивам выполнять различные функции в гражданском обороте. Представляется, что взаимозаменяемые криптоактивы могут использоваться в качестве средства платежа, а также формировать объекты с идентичными свойствами в рамках одного выпуска (аналог эмиссионных ценных бумаг). Разумеется, компьютерные игры — это не единственная сфера, в которой могут применяться невзаимозаменяемые криптоактивы. Свойство уникальности таких объектов позволяет применять их для создания надежных реестров прав на имущество.

Последней важной классификацией криптоактивов, влияющей на их правовой режим следует считать разделение их на выпущенные в

¹²⁶ Об этом напр. Сайт игры crypto kitties URL: <https://spectrum.ieee.org/cryptokitties>; <https://www.cryptokitties.co/>

неадминистративных (публичных) распределенных реестрах и выпускаемые в административных (частных) реестрах.

Фактически выпуск криптоактива в децентрализованном реестре означает его размещение в среде, в которой возможно очень ограниченное вмешательство со стороны третьих лиц¹²⁷. Как было установлено ранее, внесение изменений в такой реестр возможно лишь на основании решения участников сети, принятого большинством голосов. За исключением чрезвычайных ситуаций, таких как упомянутый ранее взлом DAO и последовавший за ним «форк» сети Ethereum у других участников сети нет практически никакой возможности повлиять на обладание криптоактивами других участников сети.

Примером криптоактивов, выпускаемых в централизованном распределенном реестре являются цифровые финансовые активы, правовой режим которых установлен Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹²⁸.

Определяя правовой режим криптоактивов, выпускаемых в централизованных реестрах нельзя игнорировать роль администратора такого реестра. Так оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, в частности, устанавливает правила обращения таких активов, вносит записи о приобретении и переходе прав на них¹²⁹. Поскольку администратор в централизованном реестре обладает правами, в том числе позволяющими ему управлять криптоактивами на кошельках других лиц,

¹²⁷ Федотова В.В., Емельянов Б.Г., Типнер Л.М. Понятие блокчейн и возможности его использования // *European science*. – 2018. – № 1 (33). – С. 40-48.

¹²⁸ Карелина С.А., Фролов И.В. Правовое регулирование обращения криптовалюты и технологий Блокчейн в России: проблемы правоприменения в экономической деятельности и сфере несостоятельности (банкротства) // *Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: Монография / Коллектив авторов; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., Юстицинформ, 2019. С. 118.*

¹²⁹ В соответствии с ч. 2 ст. 4 Федерального закона № 259-ФЗ

определение его правового статуса преследует в первую очередь цель защиты прав обладателей криптоактивов, а во вторую – защиты публичных интересов.

При этом представляется верным, что администратор частного реестра, несмотря на возможность управлять вносимыми в него записями не имеет каких-либо имущественных прав на находящиеся в реестре криптоактивы и не является их обладателем.

Китайскими исследователями, в частности Цзоу Чуанвеем применительно к цифровому юаню приводится аналогия администратора счета цифрового юаня с банковским сейфом, в котором хранится имущество клиента, несмотря на то что имущество фактически находится во владении банка, банк не получает на него никаких прав¹³⁰.

Как представляется, указанное актуально и для частных распределенных реестров. Администратор реестра оказывает владельцу криптоактивов услуги по поддержанию работы реестра и сохранению криптоактивов не получая при этом прав на сами криптоактивы.

Наконец важным для классификации криптоактивов является отграничение их от явлений, обладающих сходством с криптоактивами, при этом не являющихся ими.

Речь в первую очередь идет о случаях, когда технология распределенных цифровых реестров используется не для создания записей, привязанных к кошелькам, обладающих оборотоспособностью и экономической ценностью, а, например для надежного хранения или учета информации.

Примером такого явления являются цифровые валюты центральных банков, основанные на счетах. Такие валюты выпускаются не в виде отдельных криптоактивов, перемещаемых между кошельками, где каждой

¹³⁰ 邹传伟. 对人民银行数字货币/电子支付的初步分析 //新金融. 2019. №. 12. С. 12. Цзоу Чуанвэй: Предварительный анализ цифровой валюты/электронных платежей Народного банка Китая, «New Finance» №12, 2019 С. 12.

денежной единице соответствует один криптоактив, а существуют в виде баланса на счете¹³¹. При создании таких валют распределенный цифровой реестр используется для хранения информации о балансах отдельных счетов и имеет вспомогательную функцию, позволяющую надежно сохранять информацию, но не являющуюся основным средством оборота такой валюты. К таким цифровым валютам центральных банков относится в том числе цифровой рубль, который справедливо не относится в соответствии с законодательством к цифровым валютам и вообще не упоминается в Федеральном законе «О цифровой валюте и цифровых правах».

Представляется справедливым не относить цифровой рубль к криптоактивам ввиду того, что он сам по себе не является оборотоспособной записью в распределенном цифровом реестре, а представляет собой технологическое решение с использованием данной технологии.

Вывод:

Основные существующие классификации криптоактивов, в том числе ранняя классификация, установленная FINMA и новая классификация, избранная европейским регулятором при разработке MICA не являются оптимальными для целей правового регулирования оборота криптоактивов. В рамках данных классификаций в разные категории попадают криптоактивы с одинаковыми свойствами.

Как представляется, наиболее точной является классификация криптоактивов на самоценные и несамоценные. Такая классификация является дихотомией и охватывает все возможные виды криптоактивов. При этом положенный в основу такого деления признак наличия удостоверяемого криптоактивом имущества напрямую влияет на правовой режим такого криптоактива.

¹³¹ W. Bossu, M. Itatani, C. Margulis, A. Rossi, H. Weenink, A. Yoshinaga. IMF Working Paper Legal Aspects of Central Bank Digital Currency: Central Bank and Monetary Law Considerations, 2020, International Monetary Fund, p.9

Другой важной классификацией криптоактивов является их подразделение на выпускаемые в частных распределенных цифровых реестрах и выпускаемые в публичных распределенных цифровых реестрах. В зависимости от такой классификации криптоактивы находятся либо под контролем гражданско-правового сообщества участников криптоактивов, принимающего решения об управлении таким реестром, либо под контролем администратора реестра.

Наконец подразделение криптоактивов на взаимозаменяемые и невзаимозаменяемые позволяет определять способность криптоактивов формировать род, что также сказывается на правовом регулировании отношений по их обороту.

§ 3. Развитие подходов к регулированию оборота криптоактивов в России и за рубежом

Определение понятия криптоактивов (цифровых токенов), выявление признаков указанных активов и определение видов оных позволяет пролить свет на понимание их правовой природы и особенностей правового регулирования их оборота. При этом несмотря на то, что экономическая ценность криптоактивов стала очевидна практически с момента их возникновения, надлежащее правовое регулирование оборота таких активов начало создаваться не сразу.

Более того, первоначально считалось, что правовое регулирование оборота токенов вовсе не имеет смысла или по крайней мере, не должно быть столь детальным. Потребовалось несколько лет, чтобы большинство правопорядков пришли к идее необходимости регулирования и в разных странах этот процесс проходил неравномерно.

Развитие регулирования оборота криптоактивов в мире прошло несколько этапов от полного отрицания необходимости вмешательства права в сферу криптоактивов до создания полноценного правового регулирования новых экономических отношений.

Юридико-нигилистический этап

Первоначально блокчейн-среда, представленная на этапе блокчейн 1.0 исключительно криптовалютами, не предполагала, как такового правового регулирования гражданского оборота в блокчейне. Для криптоэнтузиастов единственным регулятором общественных отношений и единственным источником установления правил в сети был программный код¹³².

Объяснением этому были в первую очередь свойства технологии Блокчейн, которая объединяет собой три важных элемента: децентрализованность, анонимность и защищенность.

Децентрализованный характер сети блокчейн предполагает отсутствие какого-либо лица (будь то эмитент или лицо, оказывающее услуги), которое могло бы нести ответственность за нарушения, возникающие в сети, а главное могло бы эффективно восстанавливать нарушенные права. Децентрализованность предполагает и трансграничный характер отношений в сети Блокчейн, что, как отмечается в литературе, делает такие отношения независимыми от каких-либо государственных регуляторов¹³³.

Хотя по словам создателя Биткоина Сатоши Накамото, анонимность и не являлась основной идеей создания первой криптовалюты¹³⁴, на деле именно это ее свойство представляло значительный интерес для пользователей. Возможность анонимно осуществлять транзакции давала возможность пользователям совершать сделки, информация о которых не будет известна банкам, а личность плательщика останется неизвестной контрагенту.

Указанное свойство криптовалюты вызывало обоснованные сомнения в возможности правового регулирования отношений с ней ввиду сложностей с привлечением к ответственности возможного нарушителя-анонима.

¹³² Ефимова Л.Г. Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве // Lex russica. 2020. № 3. С. 114 - 120.

¹³³ Брой У.Ш. Блокчейн и криптовалюты: нужна ли новая законодательная база // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 19.

¹³⁴ Электронный ресурс URL: <https://mmalmi.github.io/satoshi/> (дата обращения 10.08.2024).

Последнее стало основной причиной интереса к криптовалютам в криминальной среде¹³⁵.

Наконец средства технологии криптографии, находящиеся в основе технологии Блокчейн делают транзакции (в широком смысле), совершающиеся в такой сети защищенными от внешнего изменения путем взлома¹³⁶. Как иронично отмечалось, блокчейн, как и Пиноккио никогда не врёт¹³⁷. Указанное свойство представляется ключевым свойством данной технологии и позволяет многим исследователям справедливо отмечать, что данная технология становится базисом формирования доверия в обществе.

Основная идея, закладываемая Сатоши Накамото при создании Биткойна заключалась в том, чтобы криптография заменила традиционное доверие¹³⁸. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновы отмечают, что защищенность технологии Блокчейн минимизирует возможность вмешательства в нее человеческого фактора, что позволяет сформировать в обществе среду «цифрового доверия», где криптографические технологии заменяют собой сложные процедуры, связанные с поиском и оценкой контрагента¹³⁹. Схожую позицию занимают и некоторые ученые экономисты, так, например С.Е. Губанова отмечает, что доверие из области этики перемещается в область экономики и далее в область криптографии, то есть математики¹⁴⁰.

Столь высокая надежность технологии и высокая степень доверия к средствам криптографии, фактически исключавшим человеческий фактор наводило на дополнительные вопросы о том, могут ли такие отношения быть

¹³⁵ Мочалкина И.С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики. дисс. канд. юр. наук М. 2022. С. 34

¹³⁶ Cong L. W., He Z. Blockchain disruption and smart contracts // The Review of Financial Studies. 2019. Vol. 32. № 5. P. 1754–1797.

¹³⁷ DON TAPSCOTT & ALEX TAPSCOTT, A BLOCKCHAIN REVOLUTION: HOW THE TECHNOLOGY BEHIND BITCOIN IS CHANGING MONEY, BUSINESS, AND THE WORLD 94, Portfolio 2016 p. 282

¹³⁸ SATOSHI NAKAMOTO, BITCOIN: A PEER-TO-PEER ELECTRONIC CASH SYSTEM (2008), URL:<https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения 10.08.2024).

¹³⁹ Санникова Л. В., Харитоновы Ю. С. Правовые аспекты применение технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе // Гражданское право. 2018. № 5.

¹⁴⁰ Губанова С. Е. Доверие в цифровых технологиях // Научно-практические исследования. 2017. № 9. С. 41–42.

предметом правового регулирования, поскольку исключение человеческого фактора означало одновременно и отсутствие в них субъекта права, который мог бы быть, например, стороной судебного разбирательства.

Эти три фактора в совокупности сделали популярной, существовавшую на ранних этапах развития криптоактивов гипотезу, согласно которой отношения в Блокчейне не являются в строгом смысле слова правовыми. Неэффективность правового регулирования отношений в защищенном реестре с анонимными пользователями приводило к выводу о том, что более эффективным регулятором таких отношений будет сама технология.

В данном контексте нельзя не вспомнить высказывание Лоуренса Лессига «Code is law», популярное среди исследователей правового регулирования использования цифровых технологий¹⁴¹. Данный принцип предусматривал, что программный код, на котором написана сеть блокчейн обладает для пользователя обязывающей силой закона. Код подменяет собой закон настолько, что считается превалирующим даже над писанным законом в случае противоречия между одним и другим.

Указанный подход, безусловно, представляет собой пример правового нигилизма по отношению к цифровым технологиям, что в целом было свойственно для компьютерных энтузиастов на раннем этапе развития цифровых технологий. Так еще в конце 80-х годов прошлого века Тимоти С. Мей опубликовал Манифест криптоанархиста в котором отмечал, что технологии криптографии способны создать совершенно новую среду свободную от вмешательства государств¹⁴². Безусловно, когда технологии шифрования транзакций из области теории переместились в область практики, многочисленные криптоанархистские концепции обрели второе дыхание.

¹⁴¹ Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit // Recueil Dalloz. 12 avril 2018. № 14/7771. P. 713 - 792.

¹⁴² The Crypto-anarchist Manifesto URL: <https://activism.net/cyberpunk/crypto-anarchy.html> (дата обращения: 26.08.2024)

При этом практика довольно быстро показала утопичность большинства идей криптоанархистов. Практика применения технологии Блокчейн показала, что защищенность, децентрализованность и анонимность криптоактивов оказались относительными, а выход данной технологии за пределы небольшой группы энтузиастов на рынок массового потребителя лишь подсветил риски, связанные с их применением.

Анонимность криптовалют очень скоро обернулась псевдоанонимностью. Правоохранительные органы сумели достаточно эффективно вычислять противоправные сделки с использованием криптовалют и отслеживать подозрительные цепочки транзакций¹⁴³.

Кроме того, с развитием технологии распределенных реестров, при переходе на стадию Blockchain 2.0. появились системы и цифровые активы, не обладающие признаками абсолютной децентрализации и анонимности (даже в форме псевдоанонимности)¹⁴⁴. Появились многочисленные криптоактивы, имеющие эмитента или иное лицо, несущее обязательства перед владельцами токенов такие как секьюрити токены и утилитарные токены, а также некоторые виды платежных токенов (например, стейблкоины и цифровые валюты центральных банков).

Наконец и защищенность токенов оказалась не абсолютной. Очень скоро в системах блокчейн была обнаружена уязвимость, названная «атакой 51%» (51% attack). Суть этой уязвимости заключается в том, что лица, контролирующие более 51% вычислительной мощности (хешрейта) сети блокчейн могут произвольно вносить в сеть изменения¹⁴⁵.

¹⁴³ Санникова Л.В. Харитонов Ю.С. Цифровые активы. Монография М. 2020, С. 34

¹⁴⁴ Blockchain and Beyond. Version 1.0. Paris, France, 2015.. URL: <https://blockchainfrance.files.wordpress.com/2015/12/cellabz-blockchain-beyond.pdf> (дата обращения: 26.08.2024)

¹⁴⁵ Попандопуло И. Д., Аникин А. В. Атака 51% в криптовалютных системах: сущность, прецеденты, затратность // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 1 (январь). – 0,4 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2019/194008.htm>. (дата обращения: 26.08.2024)

Другой известной уязвимостью алгоритма является так называемая «гоночная атака» (race attack), в ходе которой злоумышленник совершает платеж контрагенту, который принимает криптовалюты в качестве средства платежа. Сразу же после этого он совершает второй платеж другому лицу или самому себе с помощью той же криптовалюты. Если контрагент не заставляет злоумышленника ждать нескольких подтверждений транзакции и принимает платеж с нулевым количеством подтвержденных блоков, вторая транзакция может быть принята в следующем блоке, при этом первая транзакция остается неподтвержденной. Если продавец уже предоставил услугу или передал товар, они остаются неоплаченными¹⁴⁶.

Человеческий фактор также полностью неустраним даже из системы распределенного реестра. В конце концов, доступ к цифровому кошельку, на котором хранятся цифровые токены защищается с помощью традиционного пароля, который в свою очередь может быть украден, утрачен или взломан с помощью знакомых многим киберпреступникам средств. Не защищена передача криптоактивов и от банальных ошибок вроде неправильно вбитой цифры адреса назначения токенов.

Приданию коду силы закона также мешает и приход на крипторынок многочисленных инвесторов (в том числе розничных), не понимающих сложной этики криптоанархистов и ждущих защиты своих прав со стороны государства и регуляторов.

В данном контексте интересным представляется сравнение криптоактивов с другим видом цифровых активов, возможность правового регулирования оборота которых широко обсуждалась еще до появления первой криптовалюты, а именно к виртуальному имуществу в компьютерных играх.

¹⁴⁶ Van Hijfte, Bitcoin platforms, p. 64

Первоначально имущество в компьютерных играх рассматривалось как нечто нереальное, а, следовательно, не относящееся к нашему миру, существующее только в отношениях между игроками¹⁴⁷. Однако уже на заре распространения онлайн игр, в них стали возникать экономические отношения, напоминающие реальные и зачастую, включающие в себя вполне реальный денежный оборот. Некоторые игры, к примеру Second Life даже предполагали конвертацию виртуальных денег в реальные.

Это вызвало среди исследователей обоснованные вопросы, относительно того, следует ли регулировать оборот таких объектов. Так А. В. Лисаченко задается вопросом, чем виртуальный объект в интернете отличается от безналичных денег или бездокументарной ценной бумаги, если в реальности он является объектом оборота и стоит реальных денег¹⁴⁸?

Достаточно интересный ответ на данный вопрос дал в 2006 году американский юрист Барт Дюранске, создав так называемый «тест волшебного круга». Согласно ему виртуальный мир, как бы очерчивается магическим кругом, внутри которого нормы и правила реального мира не работают, однако, как только отношения выходят за рамки исключительно игровых и затрагивают реальную действительность, включаются нормы права реального мира¹⁴⁹. Удобнее всего рассмотреть этот принцип на примере игрового воровства. Если игровой механикой предусмотрена возможность похищать собственность других игроков, то такое хищение нормами реального права наказываться не будет. В том же случае, если для завладения чужим имуществом лицо использовало методы взлома реальной программы или сайта помимо внутренних правил мира вмешивается в его работу, то такое лицо несет ответственность по нормам реального права.

¹⁴⁷ Останина Е. А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей // Право в сфере Интернета: сборник статей / М. З. Али, Д. В. Афанасьев, В. А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2018.

¹⁴⁸ А.В. Лисаченко, Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав, Российский юридический журнал, 2014, № 2 //СПС КонсультантПлюс

¹⁴⁹ Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago (Illinois), 2008 p.72.

Применительно к криптовалютам данный принцип можно трактовать так, что пока токены оставались игрушкой для небольшой группы энтузиастов, праву не было необходимости в их регулировании. В эпоху массового применения технологий распределенного реестра и высокой ценности токенов, такое регулирование необходимо.

Все вышесказанное вынудило пользователей криптовалют обращаться для защиты своих интересов к традиционному регулятору социальных отношений – праву. И подобно тому, как суды постепенно стали разрешать споры, касающиеся отношений в виртуальных мирах¹⁵⁰, нормы права стали регулировать и отношения по поводу криптовалют.

Впервые судебные разбирательства, связанные с применением криптовалют имели место в США, где токены были признаны объектом прав на уровне судебных решений еще в 2013 году¹⁵¹. В этом году американская Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) возбудила гражданский иск о мошенничестве с ценными бумагами против Bitcoin Savings and Trust (BTCST) техасского предпринимателя Трендона Шейверса.

С февраля 2011 года по август 2012 года Шейверс предлагал инвестиции в BTCST через Интернет и обещал доход до 1 % в день или 7 % в неделю, основываясь на успехах Шейверса в торговле биткойном. Шейверс принимал средства от любого человека, предоставившего имя пользователя, адрес электронной почты и ключи к Биткойн-кошельку. Он владел закрытыми ключами от кошельков каждого инвестора и фактически контролировал криптовалюту в этих кошельках. Большую часть средств Шейверс использовал для майнинга биткоинов и лишь меньшую часть хранил в "резервном фонде" для инвесторов, желающих обналичить средства.

После того как Шейверс снизил процентные выплаты по общим счетам с 7 % до 3,9 % в неделю, слишком много инвесторов потребовали вернуть свои

¹⁵⁰ Напр. Решение арбитражного суда города Москвы от 08 апреля 2015 года Дело № А40-56211/14-90-70

¹⁵¹ Prof. Dr. Frank Emmert, United States Cryptocurrency Law, LL.M., FCIArb Page 23

деньги, и Шейверс был вынужден закрыться, поскольку не смог удовлетворить все требования. Расследование показало, что он принял от инвесторов "по меньшей мере 732 050 биткоинов" и в итоге вернул инвесторам только около 551 231 BTC в виде процентов и основной суммы. Он использовал по меньшей мере 150 000 BTC на личные расходы, и суд в итоге пришел к выводу, что "незаконные доходы ответчиков незаконная прибыль, полученная в результате их мошенничества, составляет 180 819 биткоинов, или более 101 миллиона долларов США.

Хотя Шейверс утверждал, что законы о ценных бумагах просто не применимы к криптовалютам и, следовательно, что дело не подсудно Федеральному суду, суд принял решение о своей предметной юрисдикции, постановив, что "инвестиции BTCST в данном деле были инвестиционными контрактами и, следовательно, ценными бумагами"¹⁵².

В свою очередь российские суды пришли к правовому регулированию оборота криптоактивов далеко не сразу, первоначально исходя из юридиконигилистического подхода. Так, в знаменитом деле о банкротстве Ильи Царькова определением АСГМ по делу № А40-124668/17-71-160-Ф от 05.03.2018 суд отказал в удовлетворении требования управляющего о включении в конкурсную массу должника криптовалюты Bitcoin и Ethereum, указав, что «криптовалюта» не относится к объектам гражданских прав и находится вне правового поля на территории РФ, исполнение сделок с «виртуальными деньгами» и их транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства.

Несмотря на то, что как справедливо отмечают Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова основанием для принятия такого решения суда было не столько само отсутствие легитимации криптовалюты как объекта гражданских прав, сколько отсутствие практической возможности исполнения судебного

¹⁵² Securities and Exchange Commission v. Trendon T. Shavers and Bitcoin Savings and Trust, U.S. District Court for the Eastern District of Texas.

решения об удовлетворении требований кредиторов за счет цифрового актива¹⁵³, представляется, что отсутствие возможности получить имущество не должно быть основанием для отказа в правовой защите.

В связи с этим позиция по делу Царькова так и не сформировала прецедента и вскоре после этого начали приниматься судебные решения, признающие криптоактивы имуществом¹⁵⁴. Впоследствии российские суды начали применять в делах о криптовалюте нормы о неосновательном обогащении, что также являлось аргументом в пользу признания имущественной природы оной¹⁵⁵.

Очевидным это оказалось и для законодателя, что повлекло разработку целого ряда законодательных изменений, важнейшими из которых стали изменения в ГК РФ, установившие в 2018 году категорию цифровых прав, а также принятые в 2020 году законы «О цифровых финансовых активах» и «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». Данные законы наконец ввели в правовое регулирование цифровые токены (по крайней мере их часть) на законодательном уровне, что означало окончательный уход от юридикто-нигилистического подхода к цифровым токенам.

Основные подходы к регулированию оборота цифровых токенов.

Необходимость правового регулирования криптоактивов была воспринята практически всеми странами, при этом подходы к правовому регулированию оных в разных странах оказались разными.

Ю.С. Харитонova и Л.В. Санникова выделяют четыре основных подхода к правовому регулированию криптоактивов:

¹⁵³ Санникова Л.В. Харитонova Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. Монография М. 2020, С. 260.

¹⁵⁴ Постановление девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП- 16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁵ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.07.2021 по делу №88- 11126/2021, 2-1252/2021 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

- 1) адаптационная модель, при которой действующее правовое регулирование применяется к отношениям, связанным с криптоактивами;
- 2) фрагментарная модель предполагает внесение изменений в действующее законодательство в целях правового регулирования криптоактивов;
- 3) экспериментальная модель возникает, когда правовой режим для криптоактивов создается в рамках особой экономической зоны;
- 4) инновационная модель формируется путем принятия специальных правовых актов, направленных на правовое регулирование отношений с использованием криптоактивов¹⁵⁶.

Данная классификация несмотря на то, что предлагает разумные критерии деления все же не является исчерпывающей.

Так, за пределами внимания данной квалификации остается запретительный подход к регулированию криптоактивов. Несмотря на то, что запрет предполагает невозможность оборота тех или иных активов тем не менее запрет является одним из способов правового регулирования.

Более того, следует отметить, что запретительная стратегия регулирования криптоактивов далеко не всегда предполагает полный отказ от построения регулируемого рынка криптоактивов. Зачастую запрет оборота криптоактивов создается государством, чтобы сделать паузу, осмотреться и избрать правильную стратегию регулирования.

Так, запретеительный путь регулирования был первоначально выбран Резервным банком Индии, когда в 2018 году он установил запрет на операции с криптовалютами, руководствуясь соображениями безопасности национальной финансовой системы¹⁵⁷. Запрет сразу стал предметом

¹⁵⁶ Санникова Л.В. Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. Монография М. 2020, С. 165.

¹⁵⁷ Reserve Bank of India, Prohibition on dealing in Virtual Currencies (VCs), (April 6th 2018), www.rbi.org.in/Scripts/NotificationUser.aspx?Id=11243&Mode=0

многочисленных судебных разбирательств, в которых компании, возникающие на новом рынке, пытались оспорить решение регулятора.

При этом, запрет был снят только в 2020 году, когда Верховный суд определил, что запрет не соответствовал критерию пропорциональности подобного запрета относительно других способов правового регулирования¹⁵⁸. В настоящее время снятие запрета позволило Индии начать разработку законодательной базы для регулирования криптоактивов¹⁵⁹. При этом пауза, взятая индийским регулятором на время запрета операций с криптоактивами позволит учесть при разработке такого регулирования лучшие мировые практики, существующие к настоящему времени.

Как видится, схожий этап развития регулирования криптовалюты в свое время прошла и Россия. Так, в январе 2014 года на сайте Центрального банка был опубликован пресс-релиз «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн»¹⁶⁰, в котором криптовалюта была названа разновидностью денежных суррогатов, что, как справедливо отмечает Р.М. Янковский фактически означало запрет использования криптовалюты в России¹⁶¹.

Следом за указанным пресс-релизом федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации был подготовлен целый ряд регуляторных и законодательных инициатив запретительного характера, в рамках которых планировалось устанавливать ответственность (вплоть до уголовной) за использование денежных суррогатов, а также за распространение программного обеспечения, предназначенного для майнинга¹⁶².

¹⁵⁸ [Internet and Mobile Association of India v Reserve Bank of India](#) (2020 SCC Online SC 275)

¹⁵⁹ Aftab Ahmed, Nupur Anand, *India to propose cryptocurrency ban, penalising miners, traders – source*, Reuters (March 14, 2021) URL: <https://www.legal500.com/developments/thought-leadership/the-legality-of-cryptocurrency-in-india/#:~:text=The%20Indian%20government%20is%20now,certain%20exceptions%20to%20promote%20the>

¹⁶⁰ Информация Банка России «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» 27.01.2014. Available at: URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm

¹⁶¹ Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №4 С. 58.

¹⁶² Янковский Р. М. указ. соч. С. 59.

Однако уже в 2017 году Банк России фактически отказался от квалификации криптовалют в качестве денежных суррогатов¹⁶³. Вышеупомянутые инициативы запретительного характера также были отклонены и не получили законодательного закрепления¹⁶⁴.

Вместо этого в 2017 году начинается разработка первого законопроекта, призванного урегулировать оборот криптоактивов в России (проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»). Впоследствии законопроект был принят и в законодательное регулирование было введено понятие «цифровые права» - наиболее близкое к понятию криптоактива.

В дополнение к указанному Федеральному закону было принято еще два Федеральных закона, первый из которых стал Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁶⁵ (далее – федеральный закон об инвестиционных платформах), а вторым Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Оба закона составили основу правового режима цифровых токенов в Российской Федерации.

Как представляется, запрет на использование криптоактивов зачастую не является постоянной стратегией правового регулирования, а оказывается

¹⁶³ Информация Банка России «Об использовании частных «виртуальных валют» (крипто валют)». 04.09.2017. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017_09-04T18_31_05.htm (дата обращения 30.03.2025)

¹⁶⁴ Минфин возвращает законопроект о денежных суррогатах на доработку. URL: <https://www.cg-online.ru/news/369011/> (дата обращения 30.03.2025)

¹⁶⁵ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета» № 172, 07.08.2019.

временной мерой, позволяющей избежать регуляторного хаоса в тот момент, когда правовой режим таких активов только находится в стадии разработки.

Даже в тех странах, где на сегодняшний день подобные запреты по-прежнему введены, все равно ведется работа по изучению лучших практик регулирования «на будущее». Так, законодательство Вьетнама до сих пор предусматривает запрет на операции с криптовалютами, при этом с 2020 года действует рабочая группа по развитию законодательства о криптоактивах¹⁶⁶.

При этом, даже приняв решение перейти от запрета к легализации, государства сталкиваются с различными регуляторными моделями, позволяющими создать нормативную базу для криптоактивов. Классификация данных подходов, которую предлагают Ю.С. Харитонов и Л.В. Санникова представляется не вполне целесообразной и объективно отражающей действительность. Правопорядки, разрабатывающие правовое регулирование оборота криптоактивов чаще всего, сочетают несколько представленных подходов или сразу все из них.

Как представляется, правильнее говорить не о различных подходах к правовому регулированию оборота криптоактивов, а о правовом регулировании оборота криптоактивов, как о процессе перехода от фрагментарного регулирования к комплексному.

Фрагментарным в данном случае следует понимать не просто какое-либо точечное внесение изменений в действующее законодательство, а то правовое регулирование, которое не пытается охватить собой все или по крайней мере большинство обращающихся криптоактивов, создавая правовой режим только для наиболее значимых для оборота активов, либо регулирующее лишь некоторые аспекты оборота криптоактивов.

В то же время под комплексностью следует понимать не только включение в орбиту правового регулирования всех или большинства видов

¹⁶⁶ Vietnamnews press URL:<https://vietnamnews.vn/economy/716480/ministry-to-set-up-research-group-on-cryptocurrency-to-tighten-management.html>. (дата обращения 17.03.2025).

криптоактивов, но и исходя из понятия комплексности, используемого в предпринимательско-правовой доктрине составе понятия «комплексная отрасль права»¹⁶⁷ охват указанным правовым регулированием различных отраслей права, урегулирование как частно-правовых, так и публично-правовых аспектов оборота криптоактивов, адаптацию к новым отношениям вопросов корпоративного права, банкротства, информационного права, законодательства о защите конкуренции и т.д.

Примером пути от фрагментарного регулирования к комплексному является российское законодательство о криптоактивах. Как справедливо отмечается в исследованиях, российское законодательство о цифровых правах регулирует далеко не все криптоактивы, которые на практике находятся в обращении¹⁶⁸.

Так федеральным законом о ЦФА, а также федеральным законом об инвестиционных платформах был установлен правовой режим только тех активов, которые обращаются в так называемых «приватных» распределенных реестрах, то есть реестрах, централизованных и контролируемых уполномоченным лицом – оператором информационной системы¹⁶⁹.

Это означает, что в указанных федеральных законах выражен принцип легалитета – предметом регулирования являются только те объекты, которые установлены законом. Помимо цифровых прав, российским законодательством частично урегулирован и оборот цифровых валют.

При этом, даже после реформы законодательства о криптоактивах и принятия Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах

¹⁶⁷ Напр. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 190.

¹⁶⁸ Iarutin, Ia. K., Gulyaeva, E. E. (2023). International and Russian Legal Regulation of the Turnover of Crypto-assets: Conceptual-Terminological Correlation. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(3), 725-751.

¹⁶⁹ Карелина С.А., Фролов И.В. Правовое регулирование обращения криптовалюты и технологий Блокчейн в России: проблемы правоприменения в экономической деятельности и сфере несостоятельности (банкротства) // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: Монография / Коллектив авторов; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., Юстицинформ, 2019. С. 118.

и цифровых правах»¹⁷⁰ (далее также – Федеральный закон «О цифровых валютах и цифровых правах») правовой режим некоторых криптоактивов, например NFT токенов были проигнорирован российским законодательством, оставив регулирование данных отношений на уровне индивидуальной правоприменительной практики. Так приобретение NFT токенов было предметом исков о неосновательном обогащении¹⁷¹.

Другим примером фрагментарного регулирования является законодательство Республики Северная Македония, где правовой режим криптоактивов установлен исключительно в рамках налогового законодательства в отношении криптовалюты¹⁷². Иные аспекты правового режима криптоактивов остаются в законодательстве республики не урегулированными.

По существу, фрагментарное регулирование является переходным этапом от запретительного подхода к комплексному регулированию оборота и полноценной легализации криптоактивов. Постепенно в регулирование встраиваются новые фрагменты, покрывающие все больше «белых пятен», пока не создается понятный правовой режим для всех или почти категорий цифровых токенов.

В случае перехода к более комплексному правовому регулированию оборота криптоактивов законодатель может избрать как путь создания специального законодательства о криптоактивах, так и распространить на них уже существующие нормы права (так называемый адаптационный подход). Однако, чаще всего используется сочетание указанных подходов.

¹⁷⁰ Федеральный закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // «Российская газета» № 178-179, 11.08.2026.

¹⁷¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2026 № 88-3724/2026 (УИД 77RS0004-02-2024-006071-03 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷² Jozipovic, Sime, Perkusic, Marko, & Ilievski, Andrej. (2021). From taxation to comprehensive regulation of cryptoassets. *Iustinianus Primus Law Review*, 12(2), 1-14.

Как пример в чистом виде адаптационного подхода обычно называют США¹⁷³. Изначально правовое регулирование в США строилось по принципу распространения существующих правовых доктрин на отношения с криптоактивами.

Так еще в 2014 году Служба внутренних доходов США признала криптовалюты объектами права собственности, а значит и их облагаемость налогом на прибыль¹⁷⁴. В 2013 г. Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN) выпустила руководство, в котором распространила Закон о банковской тайне (BSA) на компании, которые осуществляют обмен криптовалютой или выпускают криптовалюту. В 2015 г. Комиссия по торговле товарными фьючерсами (CFTC) приравнивала биткоин к биржевым товарам.¹⁷⁵

При этом такое адаптационное регулирование коснулось не только криптовалюты. В 2017 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) опубликовала доклад, в котором признала возможность квалификации токенов в качестве ценных бумаг и применение к эмиссии токенов соответствующего правового регулирования¹⁷⁶. При этом ранее американскими судами уже применялся так называемый «Тест Хоуи» по определению того, является ли актив ценной бумагой для квалификации токенов-ценных бумаг в качестве таковых¹⁷⁷.

Следует отметить, что выбор США именно адаптационного подхода к регулированию оборота цифровых токенов неудивителен и проистекает из особенностей англо-американской правовой системы, которая отличается адаптивностью на уровне судебной практики и редким внесением изменений в статутное право.

¹⁷³ Санникова Л.В. Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. Монография М. 2020, с. 165

¹⁷⁴ Коновалов А.С. Практика правового регулирования рынка криптовалют в США // Скиф. 2022. №11 (75) С. 220-224.

¹⁷⁵ Санникова Л.В. Харитонов Ю.С. указ. соч С. 166.

¹⁷⁶ Официальный сайт SEC США. URL: <https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2017-131> (дата обращения 21.03.2025)

¹⁷⁷ Justin Henning, *The Howey Test: Are Crypto-Assets Investment Contracts?*, 27 U. MIA Bus. L. Rev. 51 (2018) URL: <https://repository.law.miami.edu/umbl/vol27/iss1/6> (дата обращения 21.03.2025).

Тем не менее, даже США создают специальное регулирование для некоторых аспектов регулирования оборота криптоактивов. Так, попытки принять комплексный нормативный акт на федеральном уровне продолжаются в США с 2020 года¹⁷⁸. Различные законодательные акты принимаются на уровне отдельных штатов¹⁷⁹. Наконец с приходом администрации Дональда Трампа начался новый этап в создании регулирования использования криптоактивов. В частности, был подписан указ о создании стратегического резерва Биткоинов¹⁸⁰.

Таким образом несмотря на то, что в основе американской регуляторной модели лежит адаптация уже существующего законодательства к новым объектам гражданского оборота, дальнейшее совершенствование нормативной базы позволило построить комплексное регулирование оборота криптоактивов, включающее в том числе создание специальных нормативных актов о цифровых токенах.

В целом, адаптация существующей правовой базы к вновь возникающим отношениям является естественной реакцией государства на новые вызовы. В определенном смысле с адаптационного подхода начинался и процесс регулирования оборота криптоактивов в России.

Еще до принятия Федеральных законов, регулирующих цифровые права и цифровую валюту российские суды принимали решения, в которых распространяли на криптоактивы нормы о неосновательном обогащении¹⁸¹. Позднее суды стали распространять на криптовалютные операции нормы

¹⁷⁸ Официальный сайт Конгресса США. URL: [https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6154#:~:text=Introduced%20in%20House%20\(03%2F09%2F2020\)&text=This%20bill%20establishes%20agency%20oversight,create%20or%20trade%20these%20assets](https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6154#:~:text=Introduced%20in%20House%20(03%2F09%2F2020)&text=This%20bill%20establishes%20agency%20oversight,create%20or%20trade%20these%20assets). (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁷⁹ Kohen, M. State Regulations on Virtual Currency and Blockchain Technologies / M. Kohen // Jdsupra.com – URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/state-regulations-on-virtual-currency-2160466/> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁸⁰ Официальный сайт президента США. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/03/fact-sheet-president-donald-j-trump-establishes-the-strategic-bitcoin-reserve-and-u-s-digital-asset-stockpile/> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁸¹ Постановление 9 арбитражного апелляционного суда по делу № А40-164942/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

закона о ПОД ФТ¹⁸². В действительности именно адаптация действующего законодательства к отношениям с криптоактивами позволяет во многом закрывать те многочисленные пробелы, которые существуют в российском правовом регулировании отношений, складывающихся по поводу криптоактивов.

На уровне российской судебной практики адаптационный подход также активно применялся, в том числе на криптоактивы распространяли нормы о купле-продаже¹⁸³, займе¹⁸⁴, цессии¹⁸⁵, имуществе¹⁸⁶, неосновательном обогащении¹⁸⁷, инвестиционного договора¹⁸⁸. Как видится адаптация действующего законодательства является едва ли не единственным способом восполнения правовых пробелов.

При этом некоторые страны достаточно быстро проходят эту адаптационную стадию и создают комплексное регулирование оборота криптоактивов. При этом пальма первенства тут принадлежит не европейским правовым порядкам, а Японии, где в 2017 году были приняты поправки к Закону о платежных услугах (Payment Services Act № 59 of 2009 — PSA), в который было введено определение «виртуальной валюты».

При этом японский законодатель, в отличие от последовавшего за этим европейского регулирования не создавал единого комплексного нормативного акта. Нормы о криптоактивах вносились в уже существующие законы, среди

¹⁸² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2023 № 77-1053/2023 Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.08.2025 № Ф03-2386/2025 по делу № А04-7241/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.07.2025 № Ф04-2181/2025 по делу № А67-7914/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.12.2024 № Ф04-7859/2024 по делу № А45-17344/2022; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.08.2020 N Ф01-11633/2020 по делу № А43-34718/2017 Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.10.2024 № Ф03-4600/2024 по делу № А51-21353/2021 Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.06.2024 № Ф06-4445/2024 по делу № А65-17014/2023 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁶ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.04.2026 № Ф02-466/2026 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2020 № Ф05-7176/2020 по делу № А40-164942/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.02.2024 № Ф09-8598/23 по делу N А60-62044/2022 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

которых: Payment Services Act (PSA), Financial Instruments and Exchange Act (FIEA) Act on Prevention of Transfer of Criminal Proceeds и другие законы и подзаконное регулирование.

При этом, как верно замечают исследователи такой подход не мешает считать японскую систему правового регулирования оборота криптоактивов в достаточной степени комплексной¹⁸⁹.

Первоначально по схожему пути шли и страны Европейского союза. Так Франция еще в 2016 году внесла изменения в Закон о противодействии легализации преступных доходов изменения, касающиеся использования цифровых валют¹⁹⁰.

Со временем в странах Европейского союза сформировался иной подход, при котором регуляторы и законодатели предпочитают внесению точечных изменений в действующее законодательство создание отдельных правовых актов, регулирующих отношения с криптоактивами.

Пионером на данном пути стала Мальта, где в 2018 году были разработаны сразу три специальных закона, регулирующих криптоактивы: the Virtual Financial Assets Act (VFA Act), the Innovative Technology Arrangements and Services Act (ITAS Act), and the Malta Digital Innovation Authority Act (MDIA Act). Указанные законы регулируют весь комплекс отношений по обороту цифровых токенов и устанавливают основы функционирования инфраструктуры рынка токенов¹⁹¹.

В последствие разработку специального законодательства о криптоактивах осуществили отдельные европейские страны. В 2020 году Закон о токенах и провайдерах доверенных технологий принял Лихтенштейн, в 2021 году Закон о Блокчейне появился в Швейцарии. Безусловно наряду с

¹⁸⁹ Arora, Gaurav, Cryptoasset Regulatory Framework in Japan (October 27, 2020). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3720230> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3720230> p. 2

¹⁹⁰ Ordinance No. 2016-1635 of 1 December 2016, modifying Article L. 561-2 of the Code monétaire et financier (Monetary and Financial Code).

¹⁹¹ Zsolt Halasz, "Regulating the Unregulatable: Attempts at Crypto Regulation in Europe," Hungarian Yearbook of International Law and European Law 2022 (2022): 217-230.

разработкой комплексных законов эти страны также вносили точечные поправки, касающиеся токенов и в иные законы и гражданские кодексы.

Наконец важной вехой в развитии правового регулирования оборота криптоактивов стала разработка на уровне Европейского союза рамочного акта, получившего наименование Markets in Crypto-Assets Regulation ("MiCA"). Как отмечается авторами, цель MiCA в обеспечении правовой определенности, поддержке инноваций, защите потребителей и инвесторов и обеспечении финансовой стабильности и основное средство достижения этого – обеспечение информационной прозрачности операций¹⁹².

Важный шаг к комплексному регулированию оборота криптоактивов в 2026 году сделала и Россия. Центральный банк Российской Федерации совместно с Правительством Российской Федерации инициировали создание Федерального закона «О цифровой валюте и цифровых правах», который призван создать единое регулирование для всех основных видов цифровых токенов, в том числе выпущенных не в соответствии с законодательством Российской Федерации. Главной особенностью закона стал регулируемый оборот криптоактивов через систему посредников, надзор за которыми будет осуществлять Банк России. Операции с криптоактивами за пределами этой системы посредников окажутся за некоторым исключением в виде внешнеторговых операций фактически под запретом.

При этом как представляется, новое российское законодательство все еще не является в полной мере комплексным. Так за пределами правового регулирования все еще остаются некоторые виды криптоактивов, например NFT токены. Новый закон также не регулирует в полной мере и некоторые операции с криптоактивами, например стейкинг или выпуск криптоактивов, не являющихся цифровыми правами.

¹⁹² Florysiak, D. (2023). *Utility Tokens, Markets in Crypto Assets Regulation (MiCAR), and the Costs of Being Public*. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4561481>

Наконец, что касается экспериментального подхода к правовому регулированию, то его, как представляется, также следует считать одним из видов комплексного правового регулирования оборота криптоактивов. Главное отличие данного подхода состоит в том, что законодательство, регулирующее оборот криптоактивов действует в пространстве и по кругу лиц не на всей территории страны, а в рамках специально разработанного экспериментального правового режима.

Как верно указывают А.А. Ефремов и А.В. Южаков эксперимент представляет собой инструмент формирования новых правовых норм различных сфер общественных отношений, основанный на тестировании применения соответствующих управленческих, организационных, социальных или информационных (в том числе цифровых) и иных технологий в условиях заранее определенного и ограниченного числа субъектов общественных отношений, их объектов, срока и территории, а также на выработке с использованием мониторинга и на последующей оценке результативности и эффективности¹⁹³.

Таким образом основное преимущество правового эксперимента заключается в возможности урегулировать вновь возникающие отношения, не меняя действующего законодательства, а ограничившись только созданием специальной среды, в рамках которой ряд положений нормативных правовых актов не будут действовать или будут видоизменены¹⁹⁴. Обычно такая среда представляет собой особую территорию (экономическую зону), в рамках которой правовой эксперимент действует. За пределами особой экономической зоны нормы правового эксперимента не применяются.

Использование технологии распределенного реестра является одним из наиболее распространенных предметов введения правового эксперимента. К

¹⁹³ См. подробнее: Ефремов А. А., Южаков В. Н. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // Информационное общество. 2021. № 3. С. 41—50.

¹⁹⁴ Ершова, И. В. Изъятия норм федерального законодательства при установлении экспериментального правового режима / И. В. Ершова, О. А. Тарасенко // Хозяйство и право. 2025. № 7(582). С. 25-35.

такому способу правового регулирования государство чаще всего прибегает в том случае, если оно не хочет устанавливать общие правила обращения токенов. Как отмечает В.О. Макаров, государство при реализации экспериментального правового режима выступает катализатором развития инноваций и сознательно создает условия для развития рынка инновационных технологий и помогает участникам экспериментов преодолеть сложности, вызванные неадаптированным правовым регулированием¹⁹⁵.

К экспериментальному регулированию оборота криптоактивов прибегают многие правовые порядки в виде различного рода «регуляторных песочниц»¹⁹⁶. Ярким примером создания комплексного правового регулирования отношений, возникающих по поводу цифровых токенов в рамках экспериментального правового режима, являются Объединенные Арабские Эмираты, где существует целых два экспериментальных правовых режима в сфере криптоактивов. Глобальный рынок Абу-Даби (ADGM) и Дубайский международный финансовый центр (DIFC) предлагают различные подходы к регулированию криптоактивов¹⁹⁷. Пример ОАЭ демонстрирует одно из важнейших преимуществ экспериментального правового регулирования, которое заключается в возможности гибкого подхода, включающего возможность создания сразу нескольких регуляторных моделей для однородных отношений, что позволяет в режиме реального времени сравнивать различные подходы и выбирать оптимальную модель правового регулирования.

По пути создания экспериментального режима пошла и Республика Беларусь, где еще в 2017 году был принят Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»,

¹⁹⁵ Макаров В. О. Классификация регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов): российский и зарубежный опыт // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 35–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.6>

¹⁹⁶ Тарасенко, О. А. Экспериментальный правовой режим - полигон для инноваций и регулирования / О. А. Тарасенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 40-55.

¹⁹⁷ Издание Lexology URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f6da5650-120b-4091-91b5-1f2cd7667faa> (дата обращения 31.03.2025).

который по мнению исследователей стал прорывом для государства¹⁹⁸. В соответствии с Декретом операции в отношении криптоактивов такие как оказание услуг, связанных с созданием и размещением цифровых знаков (токенов) с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, включая услуги по продвижению цифровых знаков (токенов), консультационные и иные сопутствующие услуги; – деятельность оператора криптоплатформы; – деятельность оператора обмена криптовалютой; – майнинг; – иная деятельность с использованием цифровых знаков (токенов) осуществляется на территории особой экономической зоны «Парк высоких технологий» созданного в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12.

Таким образом, отдельные правовые порядки могут вырабатывать уникальные подходы к правовому регулированию оборота криптоактивов в зависимости от желаемых целей и уровня развития рынка. При этом в рамках этих подходов, создаваемые нормы могут быть различными.

Законодатель, вне зависимости от выбранного подхода к правовому регулированию в случае, если он хочет создать непротиворечивое регулирование криптоактивов должен ответить на ряд вопросов, касающихся определения природы криптоактива, первым из которых является вопрос о понятии криптоактива, о чем ранее говорилось в настоящей работе. Следующий важный шаг – это ответ на основной вопрос правового регулирования криптоактивов – определения их места в системе объектов гражданских прав.

Вывод:

В результате исследования вопросов понятия и признаков криптоактивов установлено, что, криптоактив представляет собой оборотоспособную информацию, размещенную в системе распределенного

¹⁹⁸ Курбанов Р.А. Моисеев А.М. Анализ правового регулирования оборота цифровых прав в Республике Беларусь. Экономика. Право. Общество. Т. 7, № 3 (31), С. 7-13.

реестра, обладающую экономической ценностью и которая может быть индивидуализирована с помощью идентификатора в системе распределенного реестра и существует в привязке к кошельку его обладателя.

Распределенный цифровой реестр представляет собой криптографическую технологию, которая позволяет совершать транзакции по передаче записей (криптоактивов) с одного кошелька на другой и сохранять информацию о транзакциях, совершаемых в такой системе без возможности изменить такую информацию в дальнейшем.

Кошелек (криптокошелек) представляет собой компьютерную программу с помощью, которой пользователь осуществляет господство над своими криптоактивами. Криптоактив всегда существует в привязке к конкретному кошельку. Кошелек напрямую связан с системой распределенного реестра, транзакции в рамках системы осуществляются в форме передачи криптоактивов с одного кошелька на другой.

Криптоактивы на кошельках защищены с помощью технологии асимметричного шифрования. Это криптографическая технология, которая не позволяет лицу, не обладающему специальным цифровым ключом (паролем) осуществлять транзакции с криптоактивами.

В свою очередь экономическая ценность криптоактива может выражаться как в том, что такой криптоактив удостоверяет определенные имущественные права (несамоценный криптоактив или «токен-контейнер») или в том, что такой криптоактив не удостоверяет никаких имущественных прав, кроме права на самого себя, но при этом обладает ценностью сам по себе, будучи востребованным в экономическом обороте (самоценный криптоактив).

В ходе исследования были выделены виды криптоактивов, проистекающие из технологических особенностей их функционирования. Важнейшей классификацией помимо деления криптоактивов на самоценные и несамоценные является их разграничение на криптоактивы, выпускаемые в

публичных (неадминистрируемых) реестрах, изменения в которые вносятся только на основании решения участников системы и криптоактивы, выпускаемые в частных реестрах, в рамках которых есть лицо, осуществляющее функции администратора реестра, который может произвольно вносить в такой реестр изменения.

Правовое регулирование оборота криптоактивов за свою относительно недолгую историю прошло несколько важных этапов. От полного отрицания возможности урегулировать цифровые отношения нормами права, правопорядки постепенно приходили к необходимости установления такого регулирования.

При этом правопорядки выбирают различные регуляторные модели для рынка криптоактивов. Многие государства, включая Россию вводили запрет на оборот всех или части криптоактивов, при этом чаще всего такой запрет был временной мерой, позволявшей взять паузу для разработки полноценного правового регулирования.

Правовое регулирование оборота криптоактивов как правило проходит путь от фрагментарного, то есть затрагивающего только часть оборота таких объектов, так к комплексному, затрагивающему различные отрасли законодательства и охватывающему все или почти все участвующие в обороте криптоактивы. Постепенный переход от фрагментарного регулирования к комплексному направлен на то, чтобы максимально вывести оборот криптоактивов из «серой зоны».

Глава 2. Место криптоактивов в системе объектов гражданских прав

§ 1. Значение реестра для правового режима криптоактивов

Как было ранее отмечено, размещение в распределенном цифровом реестре является ключевой характеристикой криптоактива. Именно система распределенного реестра предопределяет порядок оборота криптоактивов и особенности обладания лица отдельными криптоактивами. Как представляется, свойства распределенного реестра играют значительную роль при определении правового режима криптоактивов.

Хочется обратить внимание, что несмотря на то, что распределенный цифровой реестр не является отдельным видом реестра, но является технологической формой его функционирования, такая форма зачастую предопределяет правовое содержание. При этом в форме распределенного цифрового реестра могут функционировать привычные нам реестры юридически значимой информации, например, реестры недвижимости или реестры исключительных прав¹⁹⁹. В то же время очевидно, что распределенный цифровой реестр не является единственным и исторически первым способом фиксации имущественных прав.

Как справедливо отмечает К.И. Забоев, основное назначение любых публично достоверных реестров является минимизация рисков получения недостоверной информации о контрагентах и их имуществе²⁰⁰. При этом следует согласиться с В.В. Тихоновым, что реестры являются не просто местом фиксации отдельных юридических фактов, но и самостоятельным правовым режимом²⁰¹.

В гражданском обороте выделяются различные реестры, содержащие юридически значимую информацию. По мнению Р.С. Бевзенко такие реестры

¹⁹⁹ Харитонов Ю.С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. 2018. № 1. С. 15 - 21.

²⁰⁰ Забоев К.И. Публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица // Закон. 2015. № 3. С. 94 - 120.

²⁰¹ Тихонов В.В. Типизация функционального назначения информационных реестров в сфере правового регулирования предпринимательства // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 34 - 49.

можно разделить на реестры фактов, содержащие информацию о свершившихся событиях, и реестры прав, включающие в себя права на отдельные объекты. В то время как первые носят информационный (деклараторный) характер, вторые обладают правопорождающим (конститутивным²⁰²) эффектом²⁰³.

При этом справедливой представляется и точка зрения, в соответствии с которой регистрация в правопорождающем реестре обладает большей ценностью для оборота и как следствие лицо, осуществляющее такую регистрацию, должно проявлять более высокую степень осмотрительности при ведении такого реестра²⁰⁴.

Таким образом основным назначением правопорождающих реестров является формирование особой доверенной среды, в которой участники оборота могли бы полагаться на сведения из указанных реестров вместо того, чтобы каждый раз «вручную» проверять все сведения, указанные в них. Как справедливо отмечает С.С. Иванов, акт регистрации создает презумпцию знания всех третьих лиц о существовании права, что в свою очередь позволяет защитить добросовестных участников гражданского оборота²⁰⁵.

Вместе с тем существуют и примеры реестров, которые объединяют в себе признаки реестров фактов и реестров прав, таким можно отнести, например, реестры исключительных прав. Как справедливо отмечает Л.А. Новоселова, внесение объекта исключительных прав в реестр строилось не

²⁰² Существуют исключения при которых реестр прав не имеет конститутивного эффекта, например регистрация результатов интеллектуальной деятельности, авторских или смежных прав. Регистрация таких объектов является добровольной и не порождает новых прав, а имеет лишь доказательственное значение.

²⁰³ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1 - 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.]; Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 521 - 629.

²⁰⁴ Бевзенко Р.С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 68 - 91.

²⁰⁵ Иванов С.С. Регистрация лицензий, бессмысленная и беспощадная. Вестник экономического правосудия Российской Федерации № 11/2019 С. 170-186

только на необходимости информировать третьих лиц о личности обладателя, но скорее на удостоверении факта существования объекта права в принципе²⁰⁶.

Распределенный цифровой реестр можно квалифицировать схожим образом. Подобно тому, как результат интеллектуальной деятельности не имеет материального субстрата, который мог бы стать объективным подтверждением факта существования объекта, существование криптоактива обусловлено исключительно наличием записи в реестре. Таким образом, представляется что распределенный цифровой реестр является информационным реестром, поскольку является одновременно единственным источником информации о криптоактивах, единственной формой существования криптоактивов, а также реестром, порождающим право на выпускаемые в нем криптоактивы.

Следует также отметить, что удостоверение прав в реестре позволяет установить принадлежность прав, которые в случае отсутствия такого реестра определить было бы достаточно сложно. Так, именно реестровый режим лежит в основе удостоверения прав на недвижимое имущество, в то время как принадлежность движимых вещей определяется фактическим владением²⁰⁷.

Регистрационная система недвижимого имущества является одной из самых исторически ранних²⁰⁸ и оттого представляется одной из наиболее проработанных в юридической науке регистрационных систем. Т.П. Подшивалов, указывает, что такая регистрация является гарантией прав третьих лиц, которые впоследствии заключают те или иные сделки в отношении данного объекта недвижимости²⁰⁹.

²⁰⁶ Новоселова Л.А. Государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности: история вопроса // Хозяйство и право. 2019. № 3; Гаврилов Э. "Формат" аудиовизуального произведения и некоторые вопросы права интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. 2016. № 3. С. 64 - 79.

²⁰⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998; СПС «Гарант».

²⁰⁸ В Англии система регистрации недвижимости известна как минимум с XVII века. См. *Mayer P. Pemberton A. Short history of land registration*. HM Land Registry, L. 2000. P. 4.

²⁰⁹ Подшивалов Т.П. К вопросу о способах достижения реализации принципа правовой определенности в гражданском праве // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, ПГНИУ 18 - 19 ноября 2016 г.) / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Как справедливо отмечают Л.А. Новоселова и О.А. Полежаев, именно правовой режим реестра недвижимости зачастую лежит в основе иных регистрационных систем²¹⁰. Как представляется, указанное актуально и для распределенного цифрового реестра.

Рассматривая распределенный реестр как техническую форму существования регистрационной системы, необходимо отметить, что технические особенности функционирования распределенных реестров будут предопределять его юридические свойства²¹¹. Так, в зависимости от того, является ли такой реестр частным (то есть имеющим администратора, способного вносить изменения в реестр) или публичными (то есть не имеющими такого администратора) юридические принципы функционирования такого реестра будут отличаться.

Для того, чтобы понять особенности влияния технологии распределенного реестра, как своеобразного вида регистрационной системы на правовой режим обращаемых в нем криптоактивов, следует выделить основные юридические принципы его функционирования. Принципы создают основу правового регулирования в конкретной сфере. Г.Ф. Шершеневич писал, что принципы права позволяют предугадывать частные правила на не предусмотренные законодательством случаи²¹², что особенно важно для вновь формирующегося правового регулирования, такого как правовое регулирование криптоактивов.

Следует выделить общие принципы различных реестровых (регистрационных) систем и на основе данных принципов выделить особенности их преломления при применении технологии распределенного цифрового реестра как специальной формы регистрационной системы.

²¹⁰ Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Правовые риски совершения сделок с объектами интеллектуальных прав на цифровых платформах // Закон. 2019. № 10. С. 90 - 99.

²¹¹ Беликов Е.Г., Беликова А.В. Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 169 - 172.

²¹² Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоуедения. Казань, 1898. С. 13.

Основные начала регистрации имущественных прав содержатся в статье 8.1. ГК РФ, из которой можно выделить общие принципы такой регистрации.

Применительно к регистрационной системе недвижимого имущества традиционно выделяется семь принципов, лежащих ее основе. Это принципы внесения и корреспондирующий ему принцип противопоставимости, а также принципы легалитета, публичной достоверности, открытости, специалитета и старшинства²¹³.

Схожие принципы выделяются в отношении системы регистрации исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Так, Л.А. Новоселова и Е.С. Гринь выделяют материальные и процессуальные (организационные) принципы. К первым относятся принципы публичной достоверности, обязательности, единства реестра. Ко второй группе - принцип публичности сведений о регистрации, принцип внесения записей в реестр, проверки законности оснований регистрации и учет обременений прав, а также принцип обеспечения устойчивости²¹⁴.

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, положения статьи 8.1. ГК РФ охватывают и иные регистрационные системы, такие как регистрация юридических лиц в ЕГРЮЛ, регистрация эмиссионных ценных бумаг, долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью и т.д.²¹⁵. Из этого можно сделать вывод о существовании общих принципов регистрации имущества, применимых и к криптоактивам.

Наконец, определенный интерес может представлять и система регистрации актов гражданского состояния, которая, хотя и не является системой регистрации имущества, представляет собой систему регистрации

²¹³ Бевзенко Р.С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения. Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 28.

²¹⁴ Новоселова Л.А., Гринь Е.С. Принципы государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Lex russica. 2019. № 7. С. 9 - 19.

²¹⁵ Пункт 3 Постановления пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 140, 30.06.2015.

актов, имеющих гражданско-правовые последствия. В рамках данной системы выделяются принципы законности и достоверности, официальности, доступности, доказательной силы, конститутивности, единства и целостности реестра²¹⁶.

На основе указанных принципов можно выделить особенности применения общих принципов регистрационных систем к распределенным цифровым реестрам и выпускаемых в нем активам.

Принцип **внесения (конститутивности)** предполагает, что для возникновения права оно должно быть внесено в реестр. Этот принцип означает, что «до внесения подлежащей записи... не могло быть вовсе речи о существовании... [права]... как такового»²¹⁷. Таким образом, внесение записи в реестр является обязательным и завершающим элементом сложного юридического состава перехода прав на вещь²¹⁸. В рамках ГК РФ данный принцип выражен в пункте 2 статьи 8.1.

Как представляется, применение указанного принципа характерно для распределенных цифровых реестров. Применительно к распределенным цифровым реестрам выражением принципа внесения представляется упомянутый в предыдущей главе принцип «код — это закон» в рамках которого данные, находящиеся в распределенном реестре и, в первую очередь информация о владельце криптоактивов, признаются объективно и бесспорно отражающими правовую действительность.

В рамках российского закона о цифровых финансовых активах принцип внесения выражается в части 7 статьи 4 Федерального закона о ЦФА, в соответствии с которым обладателями цифровых финансовых активов

²¹⁶ Трофимец И.А. Регистрационное пространство Королевства Испания: сектор актов гражданского состояния // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 65 - 73.

²¹⁷ Гантовер Л. В. Залоговое право. Объяснения к положениям главы IV раздела I проекта Ветчинного устава. СПб., 1890. С. 318.

²¹⁸ Постановление КС РФ от 10.11.2016 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н.Н. Марасанова» // «Российская газета», № 266, 24.11.2016; Определение СКГД ВС РФ от 30.07.2019 № 4-КГ19-28 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

являются пользователи информационной системы на основе распределенного реестра, обеспечивающие тождественность информации, содержащейся в этой системе, путем подтверждения действительности вносимых в нее (изменяемых в ней) записей и фактические владельцы уникальных кодов, позволяющих им получать информацию о цифровых финансовых активах (ЦФА), которыми они обладают, и распоряжаться ими в информационной системе²¹⁹. В рамках пореформенного законодательства данный принцип выражен в определении цифровых валют, в пункте 1 части 1 Федерального закона «О цифровых валютах и цифровых правах».

Принцип внесения действует и в отношении иных криптоактивов. При этом действие данного принципа не зависит от того, в частном или публичном распределенном реестре данный криптоактив выпущен. Это обусловлено реестровой природой криптоактива, которая заключается в том, что вне распределенного реестра криптоактив не может существовать в принципе²²⁰. Таким образом криптоактив возникает в распределенном реестре и права на него переходят также путем внесения записи в реестр.

Принципу внесения корреспондирует принцип **противопоставимости**, в соответствии с которым у участника гражданских правоотношений возникает обязанность дополнительно устанавливать законность записей, внесенных в реестр. Данный принцип является своеобразным исключением из принципа внесения, в соответствии с которым внесение записи в реестр обладает лишь доказательственным (правоподтверждающим) для иного факта (например сделки, которая и является основанием перехода прав) и делает его противопоставимым третьим лицам²²¹.

²¹⁹ Кресс В.В. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 2 - 7.

²²⁰ Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 7 - 20.

²²¹ Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127 – 169.

Принцип противопоставимости не позволяет субъектам ограничиваться данными реестра и вынуждает их дополнительно проверять отдельные сведения, поскольку записи в реестре могут быть противопоставлены определенные возражения²²². В литературе справедливо отмечается, что принцип противопоставимости характерен для регистрационных систем, обладающих не конститутивным, а доказательственным характером²²³.

Таким образом то, применяется ли к криптоактивам принцип внесения или принцип противопоставимости, должно предопределяться в первую очередь тем, является ли криптоактив самоценным или несамоценным. В первом случае в силу того, что криптоактив и какое-либо удостоверенное им имущество не существует вне реестра, должен в любом случае применяться принцип внесения. Во втором случае применение того или иного принципа зависит от того, является ли криптоактив удостоверяющим ранее возникшие права из сделок, или имущественные права возникают из самого факта обладания токеном.

Принцип **легалитета (законности)** содержится в абз. 2 п. 1 ст. 8.1 ГК РФ и звучит следующим образом: «Государственная регистрация прав на имущество осуществляется уполномоченным в соответствии с законом органом на основе принципов проверки законности оснований регистрации...». Это означает, что регистратор должен проверить законность сделки по передаче имущества, актов государственных органов и другие факты²²⁴.

Следовательно, принцип легалитета имеет своей целью обеспечение доверия к реестру, поскольку участники оборота обоснованно больше

²²² Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Правовые риски совершения сделок с объектами интеллектуальных прав на цифровых платформах // Закон. 2019. № 10. С. 90 - 99.

²²³ Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127 - 169; № 12. С. 68 - 115.

²²⁴ Метелева Ю.А. Обжалование отказов в государственной регистрации прав на земельный участок как один из способов установления достоверных сведений для внесения в ЕГРН // Право и экономика. 2021. № 6. С. 59 - 65.

доверяют тому реестру, на держателя которого возложена обязанность по проверке законности вносимых записей.

В зависимости от интенсивности проверки обычно различают внешний (формальный) и полный легалитет²²⁵. При внешнем легалитете в задачу регистрирующего органа не входит установление того, действительно ли имело место составление документа, была ли подлинной воля лица, его подписавшего и т.д., проверка осуществляется только по формальным признакам соответствия документа требованиям законодательства. Полный же легалитет означает, что регистратор проверяет все перечисленные факты. При этом отмечается, что соблюдение принципа полного легалитета в рамках гражданского оборота является практически невозможным, поэтому имеющиеся регистрационные системы ограничиваются теми или иными формами внешнего легалитета²²⁶.

Вместе с тем, применительно к активам, выпускаемым в распределенных цифровых реестрах, принцип легалитета осуществляется с учетом тех особенностей, что для большинства распределенных реестров в принципе отсутствует лицо, проверяющее законность совершаемых транзакций в сети.

Как представляется, соблюдение принципа легалитета в рамках распределенных цифровых реестрах возможно только в частных реестрах, в рамках которых существует администратор, который сможет оценивать соответствие вносимой в реестр информации законодательству. Так, в рамках правового режима цифровых финансовых активов на оператора информационной системы ложится функционал по проверке размещаемых в информационной системе ЦФА, их эмитентов²²⁷, а также установлена

²²⁵ Бевзенко Р.С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 68 - 91.

²²⁶ Бевзенко Р.С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 77.

²²⁷ Тропская С.С. Цифровые финансовые активы как новый феномен финансового рынка: правовое регулирование и особенности налогообложения // Финансовое право. 2025. № 6. С. 26 - 29.

ответственность за нарушения требований в части осуществления такой проверки (ч. 18 и 19 статьи 5 Федерального закона о ЦФА, часть 1 и 2 статьи 42 Федерального закона «О цифровых валютах и цифровых правах»).

В случае с публичными реестрами отсутствует лицо, проводящее проверку вносимой информации. Информация в такой реестр вносится автоматически (например, в случае с классическими криптовалютами) либо самим лицом, который и осуществляет транзакции в рамках распределенного реестра. Как представляется в данном случае принцип легалитета не может быть соблюден.

При этом как представляется, нельзя утверждать, что принцип легалитета является единственным способом обеспечить доверие участников гражданского оборота к реестру. Как ранее отмечалось в настоящей работе, распределенный цифровой реестр создает особую среду доверия, в рамках которой участники оборота доверяют не лицам (контрагентам или регистраторам), а технологии, которая обеспечивает надежность оборота криптоактивов²²⁸.

Как отмечается, в частности, зарубежными исследователями, лицо, приобретающее право, представленное криптоактивом, всегда должно быть уверено, что оно получит представленное право при передаче криптоактива (доверие к сделке)²²⁹. Такое доверие в случае распределенного реестра обеспечивается невозможностью произвольного внесения изменений в такой реестр. В рамках распределенного цифрового реестра лицо не может приобрести криптоактив от лица, не имеющего такого криптоактива на своем кошельке, то есть приобрести криптоактив уже ранее отчужденный другому лицу, о чем будет сказано при рассмотрении принципа публичной достоверности реестра.

²²⁸ Nagele, Sekundarmarkt für Security Token, p. 8; and Prime Minister Adrian Hasler during the first reading of report and proposal no. 54/2014 on the TVTG in the Landtag of the Principality of Liechtenstein: minutes of the Parliament 5-7, June 2019, Part 2, p. 1071.

²²⁹ Nagele, The Legal Nature of Tokens, p. 85

Также отдельным средством обеспечения доверия к распределенному реестру может являться принцип самоисполнимости смарт-контракта. Смарт-контракт может быть альтернативой для принципа формального легалитета, поскольку в рамках смарт-контракта форма сделки предопределяется самой компьютерной программой и не требует дополнительной формальной проверки²³⁰.

Принцип **открытости (доступности)** предполагает доступность сведений из реестра для широкой публики. Как отмечает Р.С. Бевзенко, открытость является сущностным принципом функционирования торговых реестров, поскольку доступность сведений для публики является назначением такой регистрации²³¹.

Представляется верным, что в распределенных цифровых реестрах принцип открытости имеет свои существенные ограничения. Технология распределенных цифровых реестров, в частности, самый ранний ее вариант – сеть bitcoin предполагает полную открытость информации о содержании транзакций²³². При этом сведения об участниках транзакций в таких сетях, напротив, остаются закрытыми, поскольку криптокошельки, на которых хранятся криптоактивы, являются анонимными (или псевдо-анонимными) в большинстве публичных распределенных реестров²³³.

Безусловно, администраторы частных распределенных реестров могут установить иные правила их функционирования, в том числе предусмотреть полную деанонимизацию пользователей таких реестров²³⁴. Основной из таких способов – различные процедуры по системе «знай своего клиента» (KYC), практикуемые, в частности, крупнейшими криптобиржами.

²³⁰ Об этом подробнее в главе 3 настоящей работы

²³¹ Бевзенко Р.С. указ. соч. С. 78

²³² Брой Ш.У. Регулирование блокчейн-проектов, основанных на технологии распределенного реестра // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 14 - 21.

²³³ Новоселова Л.А. Криптовалюта как объект взыскания в исполнительном производстве // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1. С. 216 - 231.

²³⁴ Garry Gabison, 'Policy Considerations for the Blockchain Technology Public and Private Applications' (2016) 19 SMU Sci & Tech L Rev 327.

При этом свойства распределенного цифрового реестра, а именно невозможность его произвольного изменения может быть в том числе инструментом обеспечения открытости реестра²³⁵. В том случае, если проведена идентификация пользователя (например, в рамках КУС процедуры), распределенный цифровой реестр обеспечивает открытость и неизменность, в том числе, и информации об идентифицированном пользователе.

Принцип **публичной достоверности** представляется одним из самых неоднозначных при рассмотрении правового значения распределенных цифровых реестров. Публичная достоверность реестра означает, что (1) факты и права, записанные в реестр, для третьих добросовестных лиц считаются существующими и (2) факты и права, не записанные в реестр, для этих лиц не считаются существующими²³⁶. Свойство публичной достоверности является особым юридическим положением, при котором все участники оборота уполномочены, а иногда и обязаны полагаться на сведения реестра²³⁷. Принцип публичной достоверности является следствием соблюдения вышеназванных принципов внесения, легалитета и открытости²³⁸.

При этом действие принципа публичной достоверности распространяется на добросовестных участников оборота – тех лиц, которые полагаются на достоверность реестра и не знают о пороках воли, лежащих в основе записей²³⁹.

Свойства распределенного цифрового реестра как регистрационной системы позволяют вносить в нее записи, которые не могут быть каким-либо

²³⁵ Jean Bacon et al., 'Blockchain Demystified' (2017) Queen Mary University of London School of Law Legal Studies Research Paper No. 268/2017 4, <https://ssrn.com/abstract=3091218>.

²³⁶ Бевзенко Р.С. указ. соч. С. 78

²³⁷ Скловский К.И. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». М., 2011. С. 64.

²³⁸ Губарева А.В., Латыев А.Н. Недвижимость за рубежом: Правовые вопросы: Учебное пособие. М.; Екатеринбург, 2010. С. 57–62.

²³⁹ Бевзенко Р.С. указ. соч. С. 79

образом изменены или удалены так, чтобы об этом не стало известно остальным участникам системы²⁴⁰. При этом доступ к некоторым действиям в системе возможен только при наличии у лица ключа (пароля). Все это позволяет констатировать высокую степень сохранности информации в распределенном реестре, а также обеспечить ее достоверность²⁴¹.

При этом, как отмечается в литературе, неизменность вносимой в распределенный реестр информации автоматически не означает публичной достоверности такого реестра. По мнению Л.А. Новоселовой и О.А. Полежаева, технологически обеспечиваемая достоверность не конвертируется в достоверность юридическую ввиду того, что сохраняется проблема обеспечения достоверности сведений при их внесении²⁴².

В случае с частными распределенными реестрами обязанность по проверке вносимых в реестры данных должна быть возложена на администраторов таких реестров, в данном случае проверка осуществляется в рамках соблюдения принципа легалитета. При этом, представляется верной точка зрения, что такая обязанность должна быть возложена на администраторов реестра законом²⁴³.

В случае с публичными распределенными реестрами предварительной проверки вносимых в распределенный реестр данных не производится. Кроме того, анонимность пользователей таких реестров не позволяет такому распределенному реестру быть в должной мере открытым.

При этом представляется верным, что технические свойства реестра могут обеспечить его достоверность даже без формального соблюдения принципов легалитета и открытости.

²⁴⁰ Об этом в предыдущей главе

²⁴¹ Харитонов Ю.С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. 2018. № 1. С. 15 - 21.

²⁴² Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Правовые риски совершения сделок с объектами интеллектуальных прав на цифровых платформах // Закон. 2019. № 10. С. 90 - 99.; Харитонов Ю.С. указ. соч. с. 17.

²⁴³ Новоселова Л.А., Полежаев О.А. указ. соч. С. 92

Дело в том, что техническая невозможность произвольного внесения изменений в распределенный реестр позволяет решить проблему двойной траты, то есть ситуации, при которой уже отчужденный иному лицу объект неправомерно отчуждается повторно. Указанная проблема является одной из основных причин, влекущих необходимость проверки достоверности вносимых в реестр сведений²⁴⁴.

В свою очередь технология распределенного реестра ставит метки времени на транзакции, соединяя их в цепочку блоков, защищенных средствами криптографии. Сформированные таким образом записи невозможно изменить, не выполнив заново всего объема вычислений²⁴⁵, таким образом, двойное списание криптоактива в такой сети становится невозможным. Устранение данного риска приводит к тому, что участники сети могут быть уверены, что получают желаемый актив от лица, являющегося во всяком случае текущим обладателем отчуждаемого объекта, а значит могут доверять данным реестра²⁴⁶.

Некоторые исследователи отмечают, что блокчейн едва ли не впервые позволил решить эту проблему без участия доверенного посредника²⁴⁷. Данное утверждение представляется справедливым лишь применительно к нематериальным активам, например, для материальных вещей проблемы двойной траты не существует вовсе, что важно для определения правового режима криптоактивов.

Безусловно, тот факт, что в текущий момент отчуждатель является обладателем криптоактива не значит, что данный криптоактив был приобретен им на законных основаниях. Тем не менее в рамках уже существующих регистрационных систем проверке подлежит лишь законность последнего перехода прав (то есть добросовестность последнего приобретателя), но не

²⁴⁴ Санникова Л.В. Харитонов Ю.С., Цифровые активы: правовой анализ Монография, М., 2020 С. 108

²⁴⁵ Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System, 2008.

²⁴⁶ Санникова Л.В. Харитонов Ю.С., Цифровые активы: правовой анализ Монография, М., 2020 С. 103.

²⁴⁷ Hanner L. Internationales Kryptowerterecht: Die internationale Zustandigkeit und das anwendbare Recht bei Sachverhalten mit Kryptowerten (Datenrecht und neue Technologien. Bd. 4). Nomos, 2022 S.34.

проверяется добросовестность приобретения актива предыдущими обладателями.

Таким образом, представляется что «техническая» достоверность публичного реестра, выражающаяся в сложности произвольного внесения изменений в реестр, должна влечь за собой и юридическую достоверность такого реестра. В противном случае, у добросовестного приобретателя криптоактивов, полагающегося на данные распределенного реестра, возникала бы обязанность каждый раз проверять правомерность наличия приобретаемых криптоактивов у отчуждателя, что практически невозможно, учитывая анонимность участников реестра и невозможность определить источник появления криптоактивов у участника распределенного реестра²⁴⁸.

Вместе с тем, защищенность данных в распределенном реестре значительно снижает риск порока воли при совершении транзакций. Как справедливо отмечается в литературе, доступ к криптокошельку обеспечивается наличием ключа (пароля), скомпрометировать который третьему лицу достаточно сложно²⁴⁹.

Наконец, как представляется, единственным способом сохранения стабильности оборота на рынке криптоактивов в публичных реестрах остается признать добросовестным приобретателя криптоактивов, полагавшегося на данные распределенного реестра, а значит и признать за таким реестром принцип публичной достоверности. В противном случае, на приобретателя криптоактива легла бы обязанность по проверке юридических фактов, лежащих за рамками распределенного реестра, что оказалось бы непосильной задачей в условиях анонимности участников такого реестра.

²⁴⁸ Существуют различные способы анонимизации транзакций, например, возможно осуществление транзакции через несколько разных кошельков с дроблением первоначального перевода на части с последующим «собираанием» его на счете получателя.

²⁴⁹ Бегичев А.В., Рисовская С.С. Проблемы правового регулирования наследования криптовалют // Наследственное право. 2023. № 3. С. 15 - 18.

Принцип специалитета означает, что реестр ведется пообъектно, а его структурной единицей является раздел, содержащий описание определенного объекта, которое должно соответствовать действительности. В случае изменения определенных свойств объекта, соответствующее изменение должно быть внесено в реестр²⁵⁰.

Применительно к распределенным цифровым реестрам необходимо отметить важную особенность, которая заключается в том, что реестр криптоактивов включает в себя не просто записи о правах на объекты, а сами объекты. В случае если криптоактив удостоверяет какое-то право, оно должно быть привязано к конкретному криптоактиву, поскольку в обороте такое токенизированное право будет выступать именно в виде криптоактива. Таким образом, все существенные свойства токенизированного объекта, а также изменение таких свойств должны отражаться в криптоактиве, из чего можно сделать вывод, что принцип специалитета в отношении распределенного реестра будет соблюдаться всегда.

Наконец, принцип **старшинства** исходит из общего правила *prior tempore potior iure* (первый по времени сильнее по праву) и содержится в некоторых положениях ГК РФ (ст. ст. 342, 342.1, 398). К.И. Новиков указывает, что необходимость данного принципа возникает вследствие развития начала внесения для разрешения коллизий между конкурирующими правами, записанными в реестр²⁵¹.

Применительно к регистрационной системе, основанной на распределенных цифровых реестрах, принцип старшинства соблюдается исходя из технических особенностей такого реестра. Как уже ранее указывалось, время каждой транзакции фиксируется в системе и повторный перевод уже переданного объекта невозможен. Таким образом, принцип

²⁵⁰ Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127 - 169; № 12. С. 68 - 115.

²⁵¹ Новиков К. А. Государственная регистрация пав на недвижимое имущество: предпосылки, цели и главные приемы их достижения: монография. – М.: Проспект, 2019. С. 53.

старшинства превращается из юридического принципа в технологический, обеспечиваемый не лицом-реестродержателем, в силу самого устройства регистрационной системы.

Выделяемый в некоторых исследованиях принцип **единства** реестра предполагает наличие единого реестра, содержащего всю информацию об объектах. По принципу единства ведутся, в частности, Единый государственный реестр недвижимости и Единый государственный реестр юридических лиц. При этом, как отмечается в исследованиях, принцип единства актуален в случаях, когда в реестр вносятся однородные объекты²⁵².

Описанное многообразие криптоактивов не может предполагать их нахождение в едином реестре хотя бы в силу того, что самих систем распределенного реестра существует великое множество²⁵³. При этом технология распределенного реестра позволяет создать отдельный реестр, содержащий однородные криптоактивы, который будет отвечать принципу единства.

Вывод:

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что ключевым и наиболее значимым с точки зрения правового режима криптоактивов свойством распределенного цифрового реестра является защищенность данных от возможного изменения или удаления после внесения их в реестр. При этом для сохранности таких данных нет необходимости в наличии отдельного лица, контролирующего сохранность данных, а также контролирующего осуществление транзакций (реестродержателя или администратора).

Распределенный цифровой реестр подчиняется общим правовым принципам функционирования регистрационных систем юридически

²⁵² Новоселова Л.А., Гринь Е.С. Принципы государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Lex russica. 2019. № 7. С. 9 - 19.

²⁵³ Markovic, Sanja, The Impact of Blockchain on Supply Chain Transparency and Security in Europe (January 01, 2025). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5078905> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5078905>

значимой информации, более того, технические особенности такого реестра предопределяют применимость данных правовых принципов в реестре.

Невозможность существования криптоактива вне реестра обеспечивает соблюдение принципа внесения применительно к таким объектам. В то же время невозможность произвольного внесения изменений в распределенный реестр, в том числе невозможность двойного списания криптоактивов, обеспечивают соблюдение принципа публичной достоверности такого реестра.

В то же время, гарантированная сохранность данных позволяет распределенному реестру отходить от некоторых привычных принципов функционирования реестров юридически значимой информации, в том числе, правопорождающих реестров. Так в ряде случаев публичная достоверность таких реестров может быть обеспечена без соблюдения принципа легалитета или полноценного соблюдения принципа открытости.

В случае с частными реестрами, в которых существует администратор, могут соблюдаться все принципы функционирования, в том числе принцип легалитета, при этом технология распределенного реестра служит дополнительной гарантией сохранности информации, что позволяет создавать юридически значимые реестры с использованием данной технологии.

§ 2. Криптоактив как способ фиксации имущественных прав

Для характеристики правового режима криптоактивов их реестровая природа имеет особое значение. Техническая природа криптоактивов как записей в распределенном реестре породила достаточно популярное в российской юридической науке мнение, что под цифровым правом (криптоактивом) понимается не самостоятельный объект гражданских прав, а

способ закрепления существующих гражданских прав. Указанный подход можно условно назвать «теорией фиксации».

Данная точка зрения была высказана еще на заре законодательного регулирования оборота криптоактивов. В 2018 году данная позиция высказывалась Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при обсуждении законопроекта, вводившего в ГК РФ понятие цифрового права. Согласно экспертному заключению, цифровые права представляют собой «лишь оформление традиционных имущественных прав, причем совершенно разной природы - вещных прав, обязательственных прав, корпоративных прав, исключительных прав и даже личных неимущественных прав». Самому криптоактиву, то есть единице информации, представленной в виде компьютерного кода и защищенного средствами криптографии, отводилась исключительно техническая роль шифра, позволяющего защитить информацию и идентифицировать ее обладателя²⁵⁴.

Еще более однозначен в формулировках С.В. Сарбаш, утверждающий, что «у цифрового права нет и не может быть никакой самостоятельности. Это ложная сущность в ряду субъективных гражданских прав. Цифровое право на самом деле есть лишь форма, т.е. оформление любого известного права: «вещного, обязательственного, корпоративного, исключительного, личного»²⁵⁵. Следует отметить, что автор предполагает возможность токенизации в том числе и личных неимущественных прав, что является достаточно оригинальным предположением для российской правовой науки.

Схожей позиции придерживается А.В. Асосков, также утверждающий, что криптоактивы представляют собой способ фиксации (удостоверения) имущественных прав. Автор приводит сравнение криптоактивов с

²⁵⁴ «Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 № 175-2/2018)

²⁵⁵ Сарбаш С.В., Цифровые права как новый объект гражданского права, // Закон. 2019. № 5. С. 66-74.

бездокументарными ценными бумагами, имеющими, по его мнению, схожий правовой режим²⁵⁶.

Существенным аргументом сторонников указанного подхода является и своеобразная «вторичность» криптоактивов по отношению к имущественным правам, которые были токенизированы. Эта позиция нашла отражение в диссертации В.А. Садкова, который утверждает, что «ценность имеют не сами цифровые финансовые активы и ценные бумаги, а права, зафиксированные при помощи таких юридических конструкций»²⁵⁷. Д.А. Павлова также отмечает, что криптоактив является техническим явлением и представляет собой способ удостоверения прав²⁵⁸.

Указанный подход, несмотря на имеющиеся аргументы в его пользу, вызывает определенные вопросы и требует более детального анализа. Сторонники теории фиксации зачастую приводят в сравнение с цифровыми правами, являющимися токенами-ценными бумагами, уже привычные российскому гражданскому обороту бездокументарные ценные бумаги²⁵⁹.

Некоторые ученые-цивилисты, особенно в России, зачастую не склонны считать бездокументарные ценные бумаги самостоятельным объектом гражданских прав. Р.С. Бевзенко пишет, что бездокументарные ценные бумаги не являются ценными бумагами в их классическом, строгом понимании. Ввиду отсутствия материального субстрата - самой бумаги, документа, правило «право из бумаги следует за правом на бумагу» не действует, так как отсутствует право на бумагу²⁶⁰.

Схожую позицию занимает и С.М. Бойцов, отмечающий, что утрата ценной бумагой материального носителя привела к тому, что от ценной бумаги

²⁵⁶ Асосков А.В., Цифровые права как новый объект гражданского права, // Закон. 2019. № 5. С. 66-74.

²⁵⁷ Садков В.А. Цифровые финансовые активы, как объекты гражданских прав, автореф. дисс. канд. Юр. Наук. М. 2018 С. 12,

²⁵⁸ Павлова Д. А. Цифровые права как объект частноправового регулирования автореф. дисс. канд. юр. наук. С. 23

²⁵⁹ Садков В.А. указ. соч. С. 11

²⁶⁰ Р.С. Бевзенко, Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017 С. 412

остались только закрепляемые ей права, которые и составляют бездокументарную ценную бумагу²⁶¹.

По мнению Л.Р. Юлдашбаевой, бездокументарная ценная бумага представляет собой не особый объект гражданских прав, а способ фиксации прав. То есть воспринимается как совокупность имущественных прав, удостоверенных записью в реестре или на счете депо²⁶².

Указанная точка зрения практически без изменений трансформировалась в теорию фиксации, применимую к правовому режиму токенов-ценных бумаг. С указанной позицией сложно в полной мере согласиться как в контексте криптоактивов, так и бездокументарных ценных бумаг.

При этом следует прежде всего отметить, что юридические характеристики бездокументарной ценной бумаги, определяющие ее правовой режим далеко не всегда аналогичны характеристикам криптоактива (даже тех криптоактивов, которые называют токенами-ценными бумагами (секьюрити-токенами)).

Так, как справедливо отмечает А.А. Маковская, основное отличие бездокументарной ценной бумаги от традиционной документарной заключается в том, что совокупность прав индивидуализируется в обороте не с помощью материального носителя, а благодаря существованию учетного института, вносящего лицо в реестр владельцев ценных бумаг²⁶³.

Данное утверждение подтверждается и положениями законодательства. Так, из системного прочтения статей 142 и 149 ГК РФ следует, что бездокументарными ценными бумагами являются лишь те объекты, которые выпускаются в реестрах, которые в свою очередь ведут уполномоченные лица,

²⁶¹ Бойцов С.М. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 84 - 90.

²⁶² Юлдашбаева Л.Р. Правовое регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций) М. Статут, 1999. 205 с.

²⁶³ Маковская А.А. Применение правил, установленных для ценных бумаг, к акциям в бездокументарной форме // Хозяйство и право. 2007. № 10. С. 52.

имеющие государственную лицензию. Как следствие, возникает особый способ удостоверения имущественных прав, завязанный на доверии к специально уполномоченному лицу, осуществляемому публичные функции (реестродержателю или депозитарию)²⁶⁴.

Таким образом, для проведения аналогии криптоактива с бездокументарной ценной бумагой, такие криптоактивы должны быть выпущены в централизованных (частных) распределенных реестрах, имеющих администратора, деятельность которого лицензируется или иным образом санкционируется государством.

В рамках российской правовой системы такими криптоактивами являются только цифровые права (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права), выпускаемые в частных реестрах, контролируемых операторами информационных систем и операторами инвестиционных платформ, являющихся поднадзорными Банка России. При этом все иное многообразие криптоактивов, в том числе выпущенных в публичных распределенных цифровых реестрах, как представляется, не вписывается в правовой режим бездокументарных ценных бумаг.

При этом, несмотря на вышесказанное, следует отметить, что даже такая аналогия возможна с изрядной долей условности, поскольку функции операторов инвестиционных платформ и операторов информационных систем в ряде случаев, например, при применении смарт-контрактов (часть 2 статьи 4 Федерального закона о ЦФА) не предполагают внесение записей в реестр, это происходит автоматически. Функция операторов в данном случае заключается лишь в поддержании функционирования информационной системы.

При этом даже рассматривая цифровые права как объекты, правовой режим которых в целом совпадает с правовым режимом бездокументарных

²⁶⁴ Кирилловых А.А. Понятие ценной бумаги: теория, практика и современные законодательные новации // Законодательство и экономика. 2014. № 12. С. 43 - 55.

ценных бумаг, следует обратить внимание на особенности, которые не позволяют в полной мере отождествлять цифровой криптоактив и удостоверяемые им права.

Так, несмотря на то, что в статье 128 ГК РФ бездокументарные ценные бумаги прямо названы имущественными правами, в бездокументарной ценной бумаге можно выделить как право на бумагу, так и право из бумаги. Представляется верной точка зрения, что права из бездокументарной ценной бумаги закреплены не в материальном носителе (собственно бумаге), а в решении о выпуске ценной бумаги (если она является эмиссионной ценной бумагой) или в ином документе, определяющем права, заключенные в такой бумаге, в том числе, например, в уставе компании²⁶⁵. В свою очередь права на бумагу записаны по счетам-депо в системе депозитарного учета или учитываются регистратором на лицевом счете²⁶⁶.

Как представляется, о возможности выделить отдельно право на бездокументарную ценную бумагу также свидетельствуют и отдельные нормы ГК РФ. Так, право на бездокументарные ценные бумаги упоминается в п. 2 ст. 149 (учет прав на бездокументарные бумаги) или п. 1 ст. 149.2 (передача прав на бездокументарные ценные бумаги).

Вместе с тем, бездокументарная ценная бумага представляет собой строго определенный в решении о выпуске или ином документе комплекс имущественных (а по мнению некоторых исследователей и личных неимущественных²⁶⁷) прав²⁶⁸, которые обращаются ровно в том объеме, в котором были выпущены. Таким образом множество объектов гражданских прав (имущественных прав) объединяются в один, становящийся объектом оборота с помощью внесения записей в реестр.

²⁶⁵ Габова А.В. указ. Соч. С. 315

²⁶⁶ Габова А.В. указ. Соч. С. 314

²⁶⁷ Добрынина Л.Ю. Понятие и признаки бездокументарных ценных бумаг // Хозяйство и право. 1999. № 6. С. 51.

²⁶⁸ Например, в случае с акцией речь идет о целом ряде прав, включающий права на участие в деятельности компании, право на получение дивидендов, ликвидационную квоту и т.д.

В дополнение к вышесказанному следует согласиться с позицией Т.А. Чистова, который справедливо отмечает, что в процессе оборота бездокументарных ценных бумаг могут существовать периоды, когда одна из сторон обязательства отсутствует. Например, такое возможно до отчуждения акции первому приобретателю или во время нахождения ценной бумаги на казначейском счете лица²⁶⁹. Как видится, аналогичное возможно и в отношении криптоактива, который также возникает до его отчуждения первому приобретателю в момент создания криптоактива его эмитентом в системе.

Таким образом, представляется верным, что цифровые права, как и бездокументарные ценные бумаги, являются не просто имущественными правами, но имущественными правами, удостоверенными записью в реестре (криптоактивом). В свою очередь данный криптоактив может иметь собственный правовой режим. Данное суждение приводит нас к иному подходу правового режима бездокументарных ценных бумаг и, как следствие, тех криптоактивов, которые отвечают критериям бездокументарных ценных бумаг.

При этом подходы к рассмотрению бездокументарных ценных бумаг в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, не тождественного правовому режиму удостоверяемых им имущественных прав, также неоднородны.

Рядом исследователей бездокументарные ценные бумаги рассматриваются в качестве объектов вещных прав²⁷⁰. При этом данные ценные бумаги рассматриваются в качестве «бестелесных» вещей²⁷¹. Сторонниками данного подхода отмечается удобство распространения на

²⁶⁹ Чистов Т.А. Сущность бездокументарных ценных бумаг: неустраненные противоречия и пути их преодоления «Правосудие/Justice», 2025, № 1 С. 145 – 158.

²⁷⁰ Сперанский В.К. Именные эмиссионные ценные бумаги в системе корпоративного и акционерного правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 29 с.; Барулин В.А. Бездокументарные ценные бумаги в гражданском праве России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 157 с.

²⁷¹ Мурзин Д.В. Ценные бумаги - бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М.: Статут, 1998. 176 с.

правоотношения по поводу бездокументарных ценных бумаг вещно-правового режима, в частности, положений о виндикации²⁷².

В других исследованиях предлагается рассматривать бездокументарные ценные бумаги в качестве особого объекта гражданских прав, который в работе Д.И. Степанова назван «идеальной оболочкой»²⁷³.

Суть концепции «идеальной оболочки» заключается в том, что бездокументарная ценная бумага рассматривается как объект идеальной формы, служащая для обособления удостоверенных ею прав, не относимый к вещам или имущественным правам²⁷⁴.

При этом несмотря на постулируемое противопоставление двух вышеназванных подходов²⁷⁵ представляется, что как вещный подход к бездокументарным ценным бумагам, так и концепция «идеальной оболочки» являются однородными подходами, различие между которыми лежит в первую очередь в терминологической плоскости.

Так, сторонниками концепции «идеальной оболочки» прямо отмечается, что имущественное право, возникающее в отношении бездокументарной ценной бумаги, носит абсолютный характер, при этом данное абсолютное право рассматривается как сходное с правом собственности²⁷⁶.

Исследователи при конструировании правового режима бездокументарных ценных бумаг так или иначе заимствуют определенные элементы вещно-правового режима, поскольку иного абсолютного права,

²⁷² Мурзин Д.В. указ. соч. с. 110.

²⁷³ Степанов Д.И. Защита прав владельца бездокументарных ценных бумаг, учитываемых записью на счете. М.: Статут, 2004. 127 с.

²⁷⁴ Шевченко Г.Н. Право на бездокументарные ценные бумаги // Бизнес, менеджмент, право. 2006. № 2. С. 30 – 34 (32-33).

²⁷⁵ Чистов Т.А. указ. соч с. 148.

²⁷⁶ Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты // Право цифровой экономики - 2020 (16) / Рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2020. С. 5 – 78 (10 – 18).

которое можно было бы взять за основу для бездокументарных ценных бумаг, кроме права собственности найти не получается²⁷⁷.

Как представляется, такая аналогия проистекает из истории появления бездокументарных ценных бумаг. Первым шагом к появлению реестрового учета прав видится сам факт появления именных и ордерных ценных бумаг. Привязка права на ценную бумагу и, соответственно, права из ценной бумаги, не только к материальному носителю, но и к конкретному лицу представляется важным преобразованием, направленным на снижение рисков того, что права по ценной бумаге будет осуществлять не то лицо, которому эта бумага изначально предназначалась.

Кроме того, у должника по бумаге таким образом появлялась возможность заранее знать имена кредиторов и уже на этом этапе самому искать своего контрагента, а не ожидать его прихода за исполнением обязательства, что, по мнению А.В. Габова, является важным отличием бездокументарных ценных бумаг от документарных²⁷⁸.

При этом важным преимуществом ордерных ценных бумаг представляется сравнительно простой способ передачи, при котором правообладателя по бумаге можно было достаточно легко поменять путем совершения передаточной надписи (индосамента). Анализируя указанное, следует признать верным, что цепочка индосаментов представляет собой первое подобие реестра транзакций, отражающих смену владельцев актива. Аналогичную цепочку транзакций мы наблюдаем при передаче криптоактивов в системе распределенного реестра.

При этом если представить, чтобы все ордерные ценные бумаги вдруг оказались бы в руках одного хранителя, подтверждающего их достоверность и осуществляющего передаточные надписи по поручению владельцев ценных

²⁷⁷ Никифоров А.Ю. Бездокументарные ценные бумаги как объекты гражданских правоотношений: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 22.

²⁷⁸ Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011. С. 67.

бумаг, этот хранитель оказался бы привычным нам регистратором или депозитарием.

Именно этот процесс начал происходить в середине XX века, когда стала появляться иммобилизация документарных ценных бумаг. Как справедливо отмечает О.М. Шевченко, иммобилизация представляет собой помещение документов, являющихся ценными бумагами, на хранение в депозитарии с одновременным открытием депозитариями счетов для учета прав обладателей обездвиженных ценных бумаг²⁷⁹. Таким образом, физический носитель ценной бумаги сохранялся, но уже не была необходима его передача для передачи прав по нему. Передача происходила автоматически путем внесения депозитарием соответствующей записи.

Наконец, финальным этапом трансформации стал отказ от какого-либо бумажного носителя и переход к обороту ценных бумаг, не имеющих даже обездвиженного носителя. Пионером в дематериализации ценных бумаг были США, где еще в 1968 году государственное казначейство США осуществило первый в истории выпуск бездокументарных ценных бумаг, права на которые учитывались в специальном реестре²⁸⁰.

Анализируя указанные этапы трансформации документарных ценных бумаг в бездокументарные, следует отметить, что бездокументарная ценная бумага, утратив материальный носитель, едва ли перестала быть самостоятельным объектом гражданских прав. Отказ от бумажного носителя не изменил того факта, что закрепленные в ценной бумаге права выступают в обороте как единый объект.

Указанное подтверждает и А.М. Лаптева, говоря, что с одной стороны, бездокументарными ценными бумагами признаются обязательственные и иные права, которые закреплены в соответствии со ст. 179 ГК РФ (ст. 142 ГК

²⁷⁹ Шевченко О.М.: Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы российского права. 2022. №11 (144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-novykh-tehnologiy-na-razvitie-zakonodatelstva-o-rynke-tsennykh-bumag> (дата обращения: 22.06.2026).

²⁸⁰ Никифоров А.Ю. «Бездокументарные ценные бумаги». 2014 // СПС Консультант Плюс.

РФ). Это позволяет говорить о том, что они представляют собой способ фиксации прав. Но, с другой стороны, они являются самостоятельным объектом, который несводим к простой совокупности прав, включенных в него²⁸¹.

Схожей идеи придерживается Е.А. Суханов, говоря, что бездокументарные ценные бумаги, хотя и перестали быть объектами вещных прав, все же не перестают быть самостоятельным объектом гражданских прав²⁸². Автором называется в качестве перспективного подход, предложенный немецкими учеными, о рассмотрении бездокументарных ценных бумаг, как о новом объекте гражданских прав *sui generis*, называемый «ценные права» (Wertrechte) или «эффекты» (Bucheffekte)²⁸³.

Как представляется, вышесказанное актуально и для криптоактивов, обладающих схожими характеристиками с бездокументарными ценными бумагами, а именно криптоактивами, обращающимися в администрируемых реестрах (например цифровыми правами по российскому законодательству). При том, что такие криптоактивы безусловно являются способами фиксации имущественных прав, они также должны считаться самостоятельным объектом гражданских прав.

Свойства распределенного реестра, а именно, обеспечиваемая реестром публичная достоверность и возможность определить принадлежность криптоактива конкретному кошельку, позволяет разделить право «на криптоактив» и право «из криптоактива». При этом фиксация криптоактивов в реестре, независимо от того, является ли реестр публичным или частным не препятствует квалификации, выпускаемых в таких реестрах объектов в

²⁸¹ Лаптева А.М. Цифровое свидетельство: понятие и место в системе ценных бумаг // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 93 - 102.

²⁸² Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

²⁸³ Виганд В. Ценные бумаги, учитываемые записью на счете, - новое имущественное право? // Частное право и финансовый рынок: Сб. статей. Вып. 2 / Отв. ред. М.Л. Башкатов. М., 2014. С. 394.

качестве объектов гражданских прав, что подтверждается примерами других, объектов, имеющих реестровую природу (бездокументарных ценных бумаг).

При этом, представляется важным отметить, что правовой режим несамоценных криптоактивов, выпускаемых в публичных (неадминистрируемых) реестрах, также тяготеет к правовому режиму ценных бумаг, только в свою очередь не бездокументарных, а документарных.

Криптоактив как документарная ценная бумага

Документарная ценная бумага в отличие от бездокументарной представляет собой способ фиксации имущественных прав ввиду того, что в ее основе лежит не доверие лиц к учетному институту, осуществляющему ведение реестра таких прав, а привязка оборачиваемого имущественного права к определенному носителю, первоначально бумажному документу, оттого и названому «*документарными ценными бумагами*».

Некоторые исследователи пытались обнаружить истоки ценных бумаг еще в античности, так, еще в дореволюционной российской юридической литературе высказывалась идея о том, что вексельные правоотношения возникли во времена древней Греции²⁸⁴. При этом доподлинно можно говорить о существовании вексельного оборота в средневековой Европе, где ценные бумаги на предъявителя активно использовались в гражданском обороте²⁸⁵. В ходе развития института ценных бумаг возникали все новые и новые виды, в том числе, именные ценные бумаги, которые стали прообразом современных бездокументарных ценных бумаг.

В конце XIX – начале XX века были определены привычные нам основные юридические признаки ценной бумаги. В контексте настоящего

²⁸⁴ Гусаков А.Г. Конспект лекций по вексельному праву, читанный проф. А.Г. Гусаковым в СПб. Политехническом институте в 1906 - 07 академ. году / Издание Студенческой кассы взаимопомощи при СПб. Политехникуме. СПб.: Литография Трофимова, 1907. С. 6 - 7. Миловидов Н. Вексельное право: Сравнительно-критический очерк. Ярославль: В типографии Г.В. Фальк, 1876 // Временник Демидовского юридического лицея. Книга тринадцатая. Ярославль: Тип. В.В. Фальк, 1877. С. 5.

²⁸⁵ Барац С.М. Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб., 1893. С. 658 – 659.

исследования важнейшим является выявленное немецкими цивилистами свойство ценной бумаги не просто быть подтверждением существования права, но быть самым воплощенным правом.

Подробно об этом говорил и К.П. Победоносцев, отмечая следующее: «если разуметь долговой акт только в смысле доказательства, дающего право на взыскание, этого мало. Для целей кредита необходимо придать акту значение ценности, не подлежащей сомнению, и в качестве ценности вводить акт в быстрое обращение, как ясный представитель ценности, подобно тому, как обращаются деньги: только в этом виде акты удовлетворяют вполне потребностям кредита. Из этих потребностей произошли в новейшее время такие акты, которые служат не просто доказательством долгового права, но вместе с тем и в особенности служат представителями денежных требований, так что требование и акт сливаются в одно, требование неразрывно связано с актом, акт есть требование, и требование есть акт... Акт становится вещью и в этом качестве делается предметом вещного права, - собственности, владения»²⁸⁶. Высказанная автором концепция выражает сразу две идеи, относительно свойств ценной бумаги.

Во-первых, безусловно, ценная бумага является способом закрепления (фиксации) имущественных прав. Ценная бумага не только является способом доказать наличие права, но и, как отмечал Е.А. Нефедьев, вмещает само право в себе²⁸⁷. Как справедливо отмечает А.В. Габов, суть классической теории ценных бумаг состоит в том, что ценная бумага — это всегда строго формальный документ, которым закрепляется право, столь тесно связанное с документом, что их юридическая судьба неразрывна²⁸⁸. В данном случае материальный носитель (документ или собственно «бумага») является

²⁸⁶ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Третья часть: Договоры и обязательства. 2-е изд., с перемена и доп. СПб.: Синодальная тип., 1890. С. 247 – 248.

²⁸⁷ Нефедьев Е.А. Торговое право. М.: Типолитография В. Рихтер, 1900. С. 189 – 190.

²⁸⁸ Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011. 1104 С. 59.

способом утверждения и сохранения такого права для целей удобства и ускорения гражданского оборота.

С данным утверждением следует согласиться и признать, что ценная бумага в ее классическом (документарном) виде представляет собой способ фиксации имущественных прав в такой же степени, в какой способом фиксации имущественных прав может быть и секьюрити-токен.

Вторым не менее очевидным признаком ценной бумаги является то, что также как и бездокументарная ценная бумага, документарная ценная бумага является объектом гражданских прав сама по себе, отдельно от права, которое она в себе содержит. В силу наличия материального носителя такая двойственность становится даже более очевидной, поскольку она может участвовать в гражданском обороте как вещь.

При этом, идея о двойственности правового режима ценной бумаги (объединения в ней вещных и обязательственных прав) высказывалось как дореволюционными учеными²⁸⁹, так и исследователями в более поздний период²⁹⁰.

В то же время, несмотря на привычную для нас двойственную природу ценной бумаги, такая двойственность была очевидна далеко не всегда. В конце XVIII – начале XIX века господствовала иная парадигма, предполагавшая, что ценная бумага не является самостоятельным объектом гражданских прав, а имеет лишь значение доказательства существования закрепляемого права.

Так, немецкий юрист Йозеф фон Вайна в начале XIX века не относил ценные бумаги к материальным объектам, прямо называя такие активы «долгом», указывая на их обязательственную природу²⁹¹.

²⁸⁹ Напр. Нерсесов Н.О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права. Историко-догматическое исследование. Москва. 1889 г., Анненков К. Система русского гражданского права. Т. 1. Введение и общая часть. 3-е изд., вновь пересм. и доп. СПб., 1910. С. 307.

²⁹⁰ Напр. Шретер В. Советское хозяйственное право (право торгово-промышленное). М.; Л.: Госиздат, 1928 С. 237 – 239.

²⁹¹ Josef von Wayna, Antwort auf die Stock-Jobbery, und der Handel mit Staatspapieren nach dem jetzigen Zustande, politisch und juristisch betrachtet (Wien: Gerold, 1821) P. 27–33.

В другой фундаментальной работе, посвященной правовой природе государственных облигаций Николас фон Генер также отмечал, что указанные ценные бумаги представляют собой долг со специфичным способом обращения. Тем не менее, по мнению исследователя, указанный способ обращения не предопределяет правовой режим самого объекта²⁹².

Как справедливо отмечает Ева Миллер, одной из основных проблем такого понимания ценных бумаг было отсутствие правового механизма передачи прав, удостоверенных ценной бумагой. Классические нормы об уступке прав, предполагающие заключения отдельного соглашения, к предъявительским ценным бумагам были неприменимы ввиду отсутствия при передаче прав по предъявительским ценным бумагам отдельного соглашения о цессии²⁹³.

Учеными того времени предлагался различный ответ на вопрос о природе уступки права при передаче прав по ценным бумагам. Некоторые исследователи предлагали считать передачу прав по ценной бумаге способом передачи прав *sui generis*, отличным от стандартной уступки прав требования²⁹⁴.

Другие рассматривали передачу прав по ценной бумаге на предъявителя в качестве способа передачи прав, установленного договором между сторонами. При этом, хотя и было очевидно, что никакого договора об уступке на деле не заключается, этот договор считался подразумеваемым сторонами²⁹⁵.

Наконец некоторые полагали, что передача ценных бумаг не влекла за собой уступку обязательства, и передача осуществлялась путем новации²⁹⁶.

²⁹² Gonner, Von Staatsschulden p. 172–177.

²⁹³ Micheler Eva, Property in securities: Comparative study, Cambridge studies in corporate law, P. 155.

²⁹⁴ Gonner, Von Staatsschulden P. 193.

²⁹⁵ Heinrich Thöl, Das Handelsrecht in Verbindung mit dem allgemeinen deutschen Handelsgesetzbuch, vol. I, 4th edn. (Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1862). P. 321–337; J. Binding, 'Der Vertrag als alleinige Grundlage der Inhaberpapiere', Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht und Wirtschaftsrecht 10 (1866). P. 400.

²⁹⁶ Carl Einert, Über das Wesen und die Form des Literalcontracts wie dieser zur Zeit der Justinianischen Gesetzgebung ausgebildet gewesen und Vergleichung desselben mit dem Wechsel (Leipzig: Tauchnitz, 1852). P. 77–87.

Подход к ценным бумагам как к обязательственным правам (долгу) со специфичным способом уступки прав очень напоминает «теорию фиксации», применительно к криптоактивам. Цифровая форма криптоактива также предполагается лишь особым способом передачи прав, удостоверяемых криптоактивом. Передача криптоактива в таком случае должна считаться специфичным способом «упрощенной» уступки права требования.

Нельзя не отметить, что указанный подход к криптоактивам, несмотря на его удобство, обладает теми же очевидными недостатками, что и подходы к предъявительским ценным бумагам в конце XVIII – начале XIX века.

Передача криптоактива с одного кошелька на другой как правило влечет передачу удостоверенных им прав²⁹⁷. Никакого отдельного соглашения уступка такого права не предполагает. Разве что таким подразумеваемым договором можно считать программный код, используемый при передаче криптоактива.

Другим существенным вопросом, стоявшим перед «теорией фиксации» применительно к ценным бумагам, была необходимость защиты добросовестного приобретателя. Ввиду того, что права по ценной бумаге на предъявителя передавались путем передачи документа, необходимость защиты добросовестного приобретателя при ее обороте возникала достаточно часто²⁹⁸.

Данная проблема актуальна и для оборота криптоактивов, права на которые также передаются путем передачи цифрового объекта с кошелька на кошелек. Вопрос о защите добросовестного приобретателя цифрового юаня, в частности, поднимает Ли Цзяньсин, отмечая, что цифровой юань может быть передан неуправомоченным лицом добросовестному приобретателю²⁹⁹.

²⁹⁷ Что, например, следует из Федерального закона о ЦФА.

²⁹⁸ Micheler Eva *ibid.* p. 155

²⁹⁹ 李建星. 数字人民币私权论 东方法学. 年第 №4– 2022. С. 80 Ли Цзяньсин. «О частных правах на цифровой юань», журнал юридического факультета Восточно-Китайского педагогического университета. 2022, №4.

Две ключевые проблемы: правовая природа передачи права, удостоверяемого криптоактивом и необходимость защиты добросовестного приобретателя криптоактива роднит дискуссии вокруг криптоактивов с теми проблемами, которые стояли перед юристами по поводу ценных бумаг (что характерно – документарных) в начале XIX века.

Применительно к ценным бумагам указанные проблемы были решены путем сдвига господствовавшей парадигмы и изменением самого понимания ценной бумаги. У истоков этих изменений стоял выдающийся немецкий юрист первой половины XIX века Фридрих Карл фон Савиньи. Именно Савиньи одним из первых предположил, что ценная бумага представляет собой материальный объект (вещь), передача которого влечет передачу, содержащегося в ней права³⁰⁰.

Данный подход позволял значительно ускорить оборот ценных бумаг. Вещно-правовой режим позволяет использовать для передачи права более быстрый и простой режим *traditio* (то есть передачу владения), чем более сложную цессию, требующую заключения отдельного соглашения об уступке прав. Ввиду того, что прусское и австрийское гражданское право начала XIX века знало институт защиты добросовестного приобретателя вещи, по мнению Савиньи, признание ценной бумаги вещью являлось наиболее предпочтительным для защиты владельца ценной бумаги от посягательств третьих лиц³⁰¹.

Идея о том, что документарная ценная бумага является вещью, несмотря на ее кажущуюся простоту представляется прорывной. В.А. Белов прекрасно объясняет это, говоря, что «наличие ценной бумаги документа (вещи) позволяет организовать обращение удостоверенных им субъективных прав по образцу и подобию оборота вещей – объектов права собственности»³⁰².

³⁰⁰ Savigny, *Das Obligationenrecht als Theil des heutigen römischen Rechts*, vol. II (Berlin: Bei Veit und Comp, 1853) p. 97–100.

³⁰¹ Savigny, *ibid* p. 110.

³⁰² Белов В.А. Общие положения о ценных бумагах: некоторые юридические заблуждения // Законодательство. 2009. № 2. С. 11.

Действительно, правовой режим вещи очень удобен, особенно в части способов передачи и защиты субъективного права.

При этом важно отметить, что такой вещный режим, позволяющий передавать обязательственные права в форме *traditio*, по своей сути является юридической фикцией. К такому выводу позволяет прийти высказанная Н.О. Нерсесовым мысль о том, что «ценность» ценной бумаги выражается отнюдь не в материальном носителе, который закрепляет право, сколько в самом праве³⁰³. Такая на первый взгляд очевидная мысль приводит к выводу о том, что экономическая ценность ценной бумаги, что является ключевой характеристикой объекта гражданских прав, проистекает не из его физических свойств, а из тех прав, которыми наделяется владелец такой бумаги.

При этом можно с достаточной долей уверенности констатировать, что современная юридическая наука признает возможность существования документарной ценной бумаги, не имеющей материального (бумажного) носителя. Это стало возможно благодаря развитию технологий криптографии, правда несколько иной, чем распределенный цифровой реестр.

Благодаря появлению электронной цифровой подписи создавать документарную ценную бумагу стало возможно без составления бумажного документа. Такую возможность признали изначально в американском законодательстве, которое позволило распространить положения единообразного торгового кодекса США (UCC) о векселях на электронные документы³⁰⁴. Схожие положения появлялись и в некоторых европейских законодательствах³⁰⁵.

В российской юридической науке также с достаточно давних пор высказывается предположение о возможности распространять нормы о

³⁰³ Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М. Статут. 1998. С. 140.

³⁰⁴ Amual S., Dewey J., Seul J. The Blockchain: A Guide for Legal and Business Professionals. Albuquerque, 2016. p. 59 - 60.

³⁰⁵ Напр., Богустов А. А. Ценные бумаги в праве Польши: сравнительно-правовой анализ // Бюллетень нотариальной практики. – 2008. – № 1. – С. 17–21.

документарных ценных бумагах на объекты, созданные в электронной форме. Первоначально это было связано с внешнеторговыми документарными ценными бумагами³⁰⁶.

Так, К.А. Малюков справедливо полагает, что составленный в электронной форме коносамент может быть приравнен к выполненному на бумажном носителе в случае соблюдения требований к форме документа³⁰⁷.

Ошибочность подхода, при котором «документарность» ценной бумаги отождествляется с «бумажностью» отмечает С.А. Хабаров, справедливо указывая, что такой подход вступает в противоречие с понятием «электронного документа», упомянутым в статье 434 ГК РФ³⁰⁸.

О.М. Шевченко также предлагает проводить указанное различие, отмечая, что необходимо отличать ценные бумаги в форме электронных документов от ценных бумаг, учитываемых в форме записи по счетам³⁰⁹.

Тот факт, что речь в данном случае идет именно о документарных ценных бумагах легко объясняется тем, что отличие бездокументарной ценной бумаги от документарной заключается не в материальности или нематериальности объекта, а в способе учета прав.

В случае с бездокументарной ценной бумагой речь идет об учете прав в реестре, который ведет лицо-реестродержатель, обладающей специальной лицензией на ведение реестра³¹⁰.

В свою очередь для документарной ценной бумаги характерна привязка удостоверяемого права к носителю, обладающему определенными

³⁰⁶ Карев Я.А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование. М.: Статут, 2006. 319 с.

³⁰⁷ Малюков К.А. Электронные документы в международной морской перевозке грузов // Право и экономика. 2016. № 7. С. 33 - 41.

³⁰⁸ Хабаров С.А. К вопросу о ревизии основных понятий главы 7 («Ценные бумаги») Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. 2017. № 4. С. 30 - 34.

³⁰⁹ Шевченко О.М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 76 - 86.

³¹⁰ Увакина Т.В. Электронная акция как иллюстрация тенденции цифровизации имущества в современном российском законодательстве // Гражданское право. 2019. № 3. С. 13 - 16.

свойствами. Такой носитель должен обеспечивать возможность идентификации закрепленного права³¹¹, защищенность носителя от подделки³¹², а также предусматривать возможность реализации права путем предъявления такого носителя³¹³.

Это может быть сделано с помощью создания бумажного документа по определённой законом форме и удостоверением собственноручной подписью обязанного лица или в электронном виде с применением средств криптографической защиты.

Применительно к криптоактивам Д.А. Павлова справедливо отмечает, что способ учета цифровых прав предопределяет их правовой режим³¹⁴. Только, как представляется, речь идет не о правовом режиме нового вида субъективных гражданских прав, а о правовом режиме привычных нам документарных ценных бумаг.

В литературе отмечается, что особенностью криптоактива является его обращение в информационной системе³¹⁵.

Для большинства распределенных реестров, в которых осуществляется обращение криптоактивов, отсутствует учетный институт – администратор реестра. Таким образом, правовой режим бездокументарных ценных бумаг, суть которого заключается в доверии к институту – реестродержателю, не подходит для описания правового режима токенизированного имущества, выпускаемого в частных распределенных реестрах.

При этом, в случае с публичными распределенными цифровыми реестрами существует привязка токенизированного права к определенному объекту – криптоактиву, который существует в распределённом реестре.

³¹¹ Габов А.В. указ. соч. с. 70

³¹² Бушев А.Ю. Цифровые ценные бумаги и защита прав их обладателей // Закон. 2021. № 10. С. 27 - 38.

³¹³ Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М., 2007. С. 182 - 183.

³¹⁴ Павлова Д.А. Цифровые права как объект частноправового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2025. С. 27.

³¹⁵ Кузьменков М.Ю. Правовое регулирование трансграничного оборота цифровых активов: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. / М.Ю. Кузьменков. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2022. С. 20.

Благодаря тому, что технология распределенного реестра обеспечивает публичную достоверность внесенных в него записей (криптоактивов), такая система создает своеобразное подобие фиксирующего имущественные права документа, где гарантией аутентичности фиксируемого права, является обеспеченный технологией криптографии принцип публичной достоверности реестра.

Следует согласиться с утверждением Ю.В. Кузнецова, что технология блокчейн позволила наделить криптоактивы многими свойствами материальных, т.е. бумажных, документов, а именно свойствами, обеспечивающими целостность информации, ее защищенность от неправомерных и злонамеренных действий, а также выполнение функций предъявления документа с целью публичной легитимации его держателя³¹⁶.

Указанное роднит такие криптоактивы с документарными ценными бумагами, где вместо бумажного или электронного документа используется новая форма обращения имущественных прав – форма цифрового криптоактива, которая позволяет осуществлять оборот прав с использованием цифровых технологий.

Таким образом, несамоценный криптоактив, независимо от того, организовано ли его обращение аналогично документарным или бездокументарным ценным бумагам, безусловно является способом фиксации (удостоверения) имущественных прав. При этом указанный вывод не значит автоматически, что такой криптоактив не является самостоятельным объектом гражданских прав.

Л.А. Новоселова и О.А. Полежаев отмечают возможность оборота криптоактивов как самостоятельных объектов гражданских прав, если

³¹⁶ Кузнецов Ю.В. Криптоактивы как документарные ценные бумаги// Закон. 2018. № 9. с. 96 – 105.

существует в достаточной степени крепкая правовая связь между криптоактивом и правом, которое он удостоверяет³¹⁷.

Указанная проблема отсылает к правовому режиму ценных бумаг, в которых правовая связь между материальным носителем и содержащимся в нем правом настолько велика, что в обороте они выступают как единый объект³¹⁸. Такая прочная связь позволяла некоторым авторам даже говорить о том, что в случае уничтожения ценной бумаги погибало и право, закрепленное в ней³¹⁹. И хотя современное законодательство и доктрина не столь категоричны и допускают возможность восстановления прав по ценной бумаге в случае ее утраты или уничтожения³²⁰, сам факт существования указанной позиции в известной мере говорит о существовании крепкой правовой связи между правом и его материальным носителем.

Представляется, что единственным способом установить достаточно прочную связь между токенизированным имуществом и криптоактивом было бы предоставление обладателю криптоактива судебной защиты против любого другого лица, претендующего на данное право. Таким образом, на уровне закона и судебной практики должно быть установлено, что обладатель криптоактива имеет преимущество перед всеми другими лицами, получившими данное право, например, по договору цессии или путем внесения в реестр депозитария или регистратора.

Именно так, к примеру, работает токенизированный реестр недвижимости в Грузии, где обладателем объекта считается обладатель

³¹⁷ Новоселова Л.А., Полежаев О.А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11 с. 165 – 172.

³¹⁸ Агарков М.М. Основы банковского права: Курс лекций; Учение о ценных бумагах: Научное исследование. 2-е изд. С. 188 - 212.

³¹⁹ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 269.

³²⁰ см. напр. Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве: Учебное пособие по спец. курсу. В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Центр ЮрИнфоР, 2007. Т. 2. С. 497 - 565; Аргунов В.В. Вызывное производство в гражданском процессе / Вступ. ст. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2006.

соответствующего криптоактива в публично достоверном распределенном реестре³²¹.

Подобное предложение высказывалось и Томасом Негеле, который предложил так называемую «оговорку о токене» (tokenization clause)³²², в соответствии с которой передача объекта должна быть возможна только с помощью криптоактивов и что исполнение обязательств освобождает от долга только то лицо, которое уполномочено распоряжаться криптоактивом. Автором предлагалось использовать для подтверждения специальную ссылку оборачиваемого имущества на криптоактив. В свою очередь криптоактив также должен содержать указание на токенизируемое имущество, например, через tokenID. Это позволило бы создать связь между криптоактивом и токенизируемой вещью или имущественным правом и будет соответствовать требованиям публичности³²³.

Верной представляется и мысль, высказанная Ю.С. Харитоновой и Л.В. Санниковой. Авторы полагают, что важнейшим для признания того или иного явления объектом гражданских прав является экономическая ценность и оборотоспособность такого объекта. Именно экономическая ценность объекта обуславливает его востребованность у участников имущественного оборота, а соответственно, и участие в имущественном обороте³²⁴. Ввиду изложенного представляется верным объектом гражданских прав признать любой объект, имеющий экономическую ценность и способный к самостоятельному обращению.

Следует обратить внимание и на то, что законодательствами большинства стран, так или иначе регулирующих оборот криптоактивов, они отнесены к объектам гражданских прав. Так, Япония одной из первых стран

³²¹ Зубарев А.В., Голованова Е.А. Перспективы использования технологии блокчейн в кадастровых системах // Научный вестник ИЭП им. Гайдара.ру. 2018. № 8. С. 37 - 38.

³²² По аналогии с оговоркой о ценной бумаге (security clause), предполагающей, что права, зафиксированные в ценной бумаге передаются только путем передачи ценной бумаги (Meier-Hayoz/Crone Wertpapierrecht p. 1ff

³²³ Nagele T., The legal nature of token, p. 91-92.

³²⁴ Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 32-33.

определила правовой режим криптоактивов и отнесла к объектам гражданских прав, в том числе, и секьюрити-токены (В Законе о финансовых инструментах и обмене Financial Instruments and Exchange Act No. 25 of 1948) они получили закрепление как «права, передаваемые в электронной форме и записанные в электронной форме»³²⁵.

По схожему пути пошли и законопорядки, более тяготеющие к континентальной правовой системе. Так, в законе Лихтенштейна криптоактив (токен) обозначен как объект права *sui generis*³²⁶.

Таким образом, вне зависимости от того, создан ли несамоценный криптоактив по аналогии с бездокументарной ценной бумагой (в случае его выпуска в частном распределенном реестре) или документарной (если он выпущен в публичном неадминистрируемом реестре), такой криптоактив следует считать не просто техническим способом закрепления права, но считать самостоятельным объектом гражданских прав.

При этом вполне справедливой представляется точка зрения, высказанная А.А. Карцхией о том, что в зависимости от характера правоотношений и вида объекта цифровые права опосредуют обязательственные, корпоративные, интеллектуальные и иные имущественные субъективные гражданские права, выраженные в цифровой форме и признаваемые законом и могут следовать правовому режиму соответствующей категории гражданских прав³²⁷.

Принимая указанный подход, необходимо понять, к каким объектам гражданских прав относится криптоактив. Анализируя правовую природу

³²⁵ Fukuda M., Suda H. Amendments to Financial Instruments and Exchange Act. 30 April 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internationallawoffice.com/Newsletters/Capital-Markets/Japan/Nagashima-Ohno-Tsunematsu/Amendmentsto-Financial-Instruments-and-Exchange-Act#> (дата обращения 05.08.2024).

³²⁶ T. NÄGELE, *Sekundärmarkt für Security Token*, p. 9.

³²⁷ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий Дис. ... докт. юрид. наук. Москва, с. 22.

криптоактива, представляется, что наиболее точным была бы характеристика криптоактива как объекта абсолютных прав.

Вывод:

Распространенный в российской юридической науке подход, относящий криптоактивы исключительно к техническим способам удостоверения (фиксации) имущественных прав представляется недостаточно полно отражающим правовую природу таких объектов.

Так, свойством закрепления (фиксации) имущественных прав обладают не все криптоактивы, а только криптоактивы, относящиеся к несамоценным. Кроме того, криптоактивы в силу своей способности к самостоятельному обращению и возможности объединять в себе различные имущественные права представляются имеющими признаки самостоятельного объекта гражданских прав не тождественного удостоверяемым правам.

При этом, приводимая в исследованиях аналогия правового режима несамоценных криптоактивов и бездокументарных ценных бумаг не учитывает, что ключевым для правового режима бездокументарных ценных бумаг является наличие лица, профессионально осуществляющего учет прав на такие ценные бумаги. В то же время среди криптоактивов таким признаком обладают только криптоактивы, выпускаемые в частных распределенных цифровых реестрах (например, криптоактивы, признаваемые цифровыми правами по российскому праву).

Как представляется, все иные несамоценные криптоактивы имеют больше сходств с документарными ценными бумагами, ввиду того, что предполагают удостоверение имущественных прав определенным носителем, который хоть и не является физической бумагой, но выполняет те же функции в обороте.

§ 3. Кriptoактив как объект субъективных гражданских прав.

При исследовании правового режима криптоактивов важным выводом является возможность отнести их не только к способам закрепления (фиксации) гражданских прав, но и к самостоятельным объектам субъективных гражданских прав и, как следствие, объектам гражданских правоотношений.

Под объектами субъективных гражданских прав в отечественной юридической науке понимались разные сущности, будь то вещи³²⁸, действия субъектов гражданских правоотношений³²⁹, как вещи, так и действия (дуалистическая концепция)³³⁰.

Оригинальный подход к объекту субъективного гражданского права изложен в статье В.А. Белова. Автор под объектом субъективных гражданских прав понимает любую субстанцию, имеющую определенное юридическое значение (например – предопределяющая содержание правоотношения) и притом юридически не совпадающая с его субъектами и содержанием, а также не входящая в число юридических фактов³³¹. Несмотря на то, что такое определение дается «от противного», оно, как представляется, достаточно полно отражает понятие объекта.

Автором в контексте данного определения в качестве приемлемого объекта правоотношения (объект субъективного гражданского права по мнению автора тождественен объекту правоотношения) рассматриваются вещи. При этом автор также указывает, что помимо вещей определение объекта охватывает собой и иные сущности, не относящиеся к субъектам,

³²⁸ Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права. М., 1907. С. 99., Grimm Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник права: Журнал Санкт-Петербургского юрид. об-ва. 1905. Кн. 8. С. 104, Берновский К.О. Объект права. Харьков, 1931. С. 8, Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 184.

³²⁹ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 184.

³³⁰ Мейер Д.И. Русское гражданское право. 10-е изд. Пг., 1915. С. 94, Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М., 2003. С. 115.

³³¹ Белов, В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В. А. Белов // Правоведение. – 2007. – № 2. – С. 44–59.

содержанию правоотношений и юридическим фактам, например энергию, результаты интеллектуальной деятельности, нематериальные блага и т.д.³³².

Другой небезынтересный подход был предложен Ю.Н. Андреевым, который предлагает разграничивать первичный объект правоотношения, под которым понимаются фактические действия субъектов правоотношения и конечный объект, к которым относятся материальные и нематериальные блага, в том числе перечисленные в качестве объектов гражданских прав в статье 128 ГК РФ³³³.

Как представляется, криптоактивы могут рассматриваться в качестве объектов субъективных гражданских прав (гражданских правоотношений) в рамках подхода, предложенного В.А. Беловым, ввиду того, что они отвечают предложенным критериям, а именно, они не являются субъектами правоотношений или какими-либо характеристиками субъекта (например действиями), не составляют содержания правоотношений и не относятся к юридическим фактам.

Криптоактивы могут рассматриваться и в качестве «конечных» объектов гражданских правоотношений в рамках классификации Ю.Н. Андреева, поскольку они являются разновидностью нематериальных благ, имеющих экономическую ценность.

Определив, что криптоактив может считаться объектом субъективных гражданских прав необходимо сделать следующий важный шаг к определению места криптоактивов в системе объектов гражданских прав, а именно определить, объектом каких правоотношений может являться цифровой токен в рамках разделения правоотношений на абсолютные и относительные.

³³² Белов В.А. Указ. соч. С. 50.

³³³ Андреев Ю.Н. Об объектах гражданских прав, правоотношений и гражданско-правового регулирования: дискуссионные аспекты// Цивилист. 2023. № 5 С. 39 – 48.

В юридической науке выделяются различные подходы к разделению правоотношений на абсолютные и относительные. В основе классического подхода, выраженного в трудах классиков немецкой цивилистики, лежит противоположность между определённой и неопределённой ответчика в притязаниях по поводу таких правоотношений³³⁴.

Так, абсолютными правоотношениями признаются те, в которых управомоченному лицу противостоит неопределенный круг лиц, в то время как относительными те, в которых управомоченное лицо связано с конкретным обязанным лицом.

Более поздние исследования так или иначе дополняли сложившуюся дихотомию абсолютных и относительных правоотношений. Так, М.М. Агарковым был предложен такой критерий разграничения указанных правоотношений как структура правовой связи между управомоченным лицом и обязанным лицом (в случае относительного правоотношения) и всеми иными лицами (в случае правоотношения абсолютного)³³⁵.

Указанные подходы были развиты и О.С. Иоффе, который предложил такой критерий разграничения абсолютных и относительных правоотношений как способ удовлетворения интереса управомоченного лица. Так, интерес в абсолютном правоотношении удовлетворяется лицом за счет его собственных действий в то время, как в случае относительного правоотношения такой интерес удовлетворяется за счет действий обязанного лица³³⁶.

При этом вне зависимости от выбранного критерия разграничения в качестве абсолютных прав рассматриваются вещные права, а также права на результаты интеллектуальной деятельности, в то время как под относительными правами понимаются права обязательственные и

³³⁴ Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1 / Пер. с нем. С.В. Пахмана; Под ред. П.Д. Калмыкова. СПб.: Тип. Н.К. Мартынова, 1874 С. 94.

³³⁵ Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. С. 110.

³³⁶ Иоффе О.С. «Правоотношение по советскому гражданскому праву». Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. С. 61.

корпоративные³³⁷. Соответственно объектами абсолютных правоотношений принято считать вещи и результаты интеллектуальной деятельности. В то же время объектами относительных правоотношений являются действия обязанных лиц.

Рассматривая криптоактив как объект субъективных прав (правоотношений) следует оценить возможность отнесения одного к объектам либо абсолютных, либо относительных правоотношений.

Признание криптоактивов в качестве объектов относительных правоотношений предполагает их признание в качестве разновидности прав требования. Криптоактивы в данном ключе уже были отчасти рассмотрены в предыдущем параграфе, поскольку упомянутая ранее «теория фиксации» применительно к несамоценным криптоактивам предполагает признание их в качестве обязательственных прав требования. Так, по мнению Е.А. Суханова, гражданско-правовой режим цифрового права не представляет собой некий особый режим, а лишь традиционный правовой режим имущественных прав³³⁸.

Указанный подход предлагает рассматривать криптоактив тождественным, фиксируемому в нем праву, и без сомнения отсылает нас к концепции документарных ценных бумаг, существовавшей до Савиньи, в рамках которой ценные бумаги признавались разновидностью долга (обязательства), а передача ценной бумаги в качестве особой разновидности цессии.

Принимая указанный подход в отношении цифровых токенов, необходимо ответить на ряд вопросов, стоявших перед правовым регулированием оборота ценных бумаг еще в XIX веке, а именно, как защитить добросовестного приобретателя токена и каким образом

³³⁷ Об этом напр. Ю.Н. Андреев. Указ. соч. С. 41.

³³⁸ Суханов, Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 10–25.

осуществляется передача права (путем цессии или способом *sui generis*). Решением именно этих вопросов в свое время стал перевод ценной бумаги из плоскости относительных правоотношений в плоскость абсолютных (концепция «вещной» ценной бумаги).

Данный подход требует ответа на поставленные вопросы путем внесения соответствующих изменений в законодательство, устанавливающих правила обращения цифровых токенов и гарантии для добросовестных приобретателей оных, которые в действующем законодательстве отсутствуют хотя бы на уровне правового режима бездокументарных ценных бумаг.

Еще одним существенным недостатком относительно-правового подхода к правовому режиму токенов является то, что данный подход не является универсальным и применим только к определенным видам криптоактивов, а именно к токенизированному имуществу.

Именно в токенизированном имуществе (несамоценных криптоактивах) можно найти то самое относительное правоотношение, в котором есть очевидная правовая связь между уполномоченным и обязанным лицом. Найти подобную связь в иных криптоактивах затруднительно.

При этом попытки обнаружить относительные правоотношения в отношениях по поводу криптовалюты предпринимались неоднократно. Так, Л.А. Новоселова в 2017 году рассматривая вопрос о правовой природе биткоинов, приходила к выводу, что «биткоин является обязательственным правом требования, возникающим на основании соглашения между участниками соответствующей системы расчетов», предметом которого, по ее мнению, можно признать «действия... участников платежной системы, связанные с принятием биткойна как средства расчетов»³³⁹.

При этом автором не были приведены аргументы, свидетельствующие о наличии какого-либо соглашения между участниками сети биткоин, которое

³³⁹ Новоселова Л.А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 11, 15.

могло бы быть источником таких обязательственных прав. В более поздних работах Л.А. Новоселова справедливо отошла от идеи признания криптовалют обязательственными правами³⁴⁰.

Другой вариант подхода к криптовалюте как к виду обязательственных прав предлагает М.А. Успенский, который предлагает считать обязанными лицами по криптовалюте валидаторов сети блокчейн, а суть обязательства заключается в валидации по консенсусу³⁴¹.

Данный подход представляется неверным все по той же причине. М.Л. Башкатов справедливо отмечает, что в отличие от цифровых прав, при обладании цифровыми деньгами у лица отсутствует возможность что-либо у кого-либо требовать³⁴². Между участниками системы распределенного реестра отсутствует какое-либо, даже неформальное соглашение. «Правила информационной системы» представляют собой программные алгоритмы и, как справедливо отмечает Л.Ю. Василевская, не могут считаться договором между участниками сети³⁴³. Более того со стороны участников распределенного реестра не требуется совершения каких-либо действий при осуществлении транзакций отдельными лицами. Все процессы, в том числе «валидация» транзакций осуществляются автоматически. В случае возникновения ошибки в системе у участника распределенного реестра, потерявшего в результате данной ошибки свои токены, не будет возможности предъявить законные требования к иным участникам системы.

При этом представляется необходимым отметить, что несмотря на то, что участники публичных распределенных реестров действительно функционируют в качестве гражданско-правового сообщества, способного

³⁴⁰ Например, Новоселова Л.А., Полежаев О.А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах, Закон. 2020 № 11 С. 167.

³⁴¹ Успенский М.А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве. Закон. 2023 № 9 С. 87 - 101.

³⁴² Башкатов М.Л. Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве. Дисс. канд. юр. наук. С. 83.

³⁴³ Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права, Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102) май С. 111-119.

принимать обязательные для других участников решения, такое сообщество не является юридическим лицом, а является, как справедливо отмечается в литературе, неправосубъектным образованием³⁴⁴. Следовательно, быть стороной какого-либо относительного правоотношения сообщество участников распределенного реестра не может.

Схожую позицию относительно возможности применения к криптовалютам норм об обязательствах занимают и некоторые зарубежные исследователи, отмечая, что криптовалюты, выпущенные в публичных распределенных реестрах не дают начало никакому праву требования к лицу, выпускающему их, или к третьему лицу³⁴⁵. Таким образом, неверным представляется утверждение Е.Ю. Баракиной о том, что расчеты криптовалютой являются формой безналичных расчетов³⁴⁶, ввиду того, что безналичные расчеты предполагают наличие обязательственного права требования.

Таким образом, попытки определить правовую природу криптовалюты в качестве обязательственного права требования представляются безосновательными ввиду того, что в отношении классических криптовалют, выпущенных в публичном распределенном реестре, невозможно определить стороны обязательства не только ввиду анонимности (псевдонимности) ее участников, но и автоматического характера осуществляемых в таком распределенном реестре действий и как следствие, отсутствия волеизъявлений отдельных лиц.

Схожие аргументы можно представить и в отношении произведений искусства в форме невзаимозаменяемых токенов (NFT), которые могут вовсе не давать их обладателю никаких прав кроме права считаться обладателем

³⁴⁴ Политкин И.А. Объединительные основы гражданско-правовых сообществ // Цивилист. 2025. № 4. С. 81.

³⁴⁵ Daniel Haeblerli, Stefan Oesterhelt & Urs Meier. Homburger. Switzerland. В книге: Blockchain & Cryptocurrency Regulation. First Edition. Zurich, Switzerland: Contributing Editor Josias Dewey, 2019. P. 444.

³⁴⁶ Баракина Е.Ю. Финансово-правовое регулирование внедрения систем распределенного реестра в национальную платежную систему. Автореф. дисс. канд. юр. наук. М. 2020. С. 15-16.

этого самого криптоактива³⁴⁷. При этом для указанного токена наличие какого-либо обязанного лица может вовсе не предполагаться.

Таким образом, рассмотрение цифровых токенов в качестве объектов относительных правоотношений встречает целый ряд трудностей, в первую очередь обусловленных тем, что далеко не все цифровые токены могут рассматриваться в качестве содержащих правовую связь между управомоченным и обязанным лицом.

С другой стороны, возможность рассмотрения криптоактивов как объектов абсолютных прав на первый взгляд также не является однозначной. К абсолютным правам относят, как правило, вещные права и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности.

При этом, как отмечал В.К. Райхер, абсолютными правами являются права, предполагающие связь управомоченного с неопределенным числом пассивных субъектов, это — право, которое существует и действует «безлично, против всякого — совершенно одинаковым образом», «совершенно независимо от каких-либо особых отношений к другим лицам»³⁴⁸.

Указанное определение применимо к криптоактивам. Криптоактив, находясь на кошельке обладателя, сам по себе (даже в случае, если такой токен удостоверяет обязательственное право) обязательственным правом не является. При этом обладатель криптоактива, хранящий его на своем кошельке, вправе защищать криптоактив против неопределенного числа субъектов, которые могли бы на этот криптоактив посягать.

Особенно это очевидно применительно к самоценным токенам, не предполагающим вообще никакой «второй стороны». Так, Р.М. Янковский

³⁴⁷ Загребельный Б.В. Проблема классификации в правовом регулировании NFT в Российской Федерации // Право и практика. 2025. №2. С 226-229.

³⁴⁸ Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (К проблеме деления хозяйственных прав) // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 144–204.

справедливо отмечает, что права на криптовалюту носят абсолютный характер³⁴⁹.

При этом, как уже отмечалось ранее, и несамоценные криптоактивы не тождественны удостоверяемым ими правам, а схожи скорее с материальным носителем – документарной ценной бумагой, что позволяет говорить об абсолютном характере правоотношений применительно к таким криптоактивам.

Тем не менее признание криптоактивов объектами абсолютных прав входит в противоречие с принципом *numerus clausus* в соответствии с которым перечень абсолютных прав должен быть закрытым и устанавливаться законом³⁵⁰.

Можно представить два варианта решения данной проблемы. Первый – внесение в законодательство нового вида абсолютных прав и соответствующего ему нового объекта прав – криптоактива. Второй – отнесение криптоактивов к уже существующему виду объектов гражданских прав, по поводу которых возникают абсолютные правоотношения.

Пожалуй, наиболее популярной среди российских юристов точкой зрения относительно правового режима криптовалют является отнесение их к объектам права *sui generis*. Возможность рассматривать криптоактивы (не только криптовалюты, но и иные цифровые токены) в качестве новых объектов гражданских прав базируется на имеющемся в ГК РФ открытом перечне объектов гражданских прав.

Так, статья 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные

³⁴⁹ Янковский Р.М. (2020). Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги. Право. Журнал Высшей школы экономики, (4), С. 43-77.

³⁵⁰ Янковский Р.М. указ. соч, С.50.

бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Указанная формулировка предполагает наличие некоего «иного» имущества помимо вещей, которые могут быть объектами гражданских прав. При этом норма выстроена таким образом, что содержание нового объекта гражданских прав может быть абсолютно любым. Это позволяет многим исследователям распространять правовой режим «иного» имущества на целый ряд вновь появляющихся объектов, таких как виртуальное имущество³⁵¹, аккаунты³⁵², «большие данные»³⁵³ и т.д.

При этом само понятие «иное имущество» стало практически самостоятельным юридическим термином. На самом же деле следует скорее говорить просто об «имуществе», потому что «иным» исходя из текста закона оно является по отношению к вещам, таким образом, например, имущественные права являются в понимании ГК РФ таким же «иным» имуществом.

Безусловно, наличие открытого перечня объектов гражданских прав подталкивает исследователей к мысли, что и криптоактивы можно отнести к этому абстрактному имуществу (иному имуществу). Так сторонником отнесения криптоактивов к имуществу является, например Л.Г. Ефимова³⁵⁴, А.Ю. Толкачев и М.Б. Жужалов³⁵⁵.

³⁵¹ Например: Перепелкина Я.А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования. Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29) С. 45-59; Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх, «Вестник гражданского права», 2014, № 1 // СПС КонсультантПлюс.

³⁵² Ахмадуллина А.Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях. Lex Russica, Том 75 № 12 (193) 2022, с. 43.

³⁵³ Рожкова М. А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data // Закон.ру. 22 апреля 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/blog/2019/4/22> (дата обращения: 11.12.2025).

³⁵⁴ Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля. «Цивилист», 2022, № 4 С. 7.

³⁵⁵ Толкачев А.Ю., Жужалов М.Б. Криптовалюта как имущество — анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 9. С. 91-135.

Некоторые ученые, как например Н.А. Петраков, предлагают ввести в ГК РФ новую категорию – «цифровое имущество», которая в действительности также является разновидностью имущества³⁵⁶. Указанная категория должна охватывать собой в том числе и цифровые токены.

Российская судебная практика также переняла подход, признающий криптоактивы (по крайней мере криптовалюту) имуществом. Так, в кассационном определении по «делу Царькова» суд установил, что криптовалюту можно относить к «иному» имуществу.

Предложения об отнесении цифровых токенов, по крайней мере некоторых, встречаются и в диссертационных исследованиях. Так, Д.В. Никитин предлагает относить цифровые валюты к движимому имуществу, применяя к ним субсидиарно положения ГК РФ о деньгах³⁵⁷.

На уровне решений высших судов также установлена практика признания криптоактивов имуществом, в недавнем Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 2-П от 20.01.2026 Суд, помимо прочего, признал цифровую валюту разновидностью имущества и признал возможность судебной защиты прав на такое имущество³⁵⁸.

Наконец, в рамках законодательных новелл 2026 года, в Федеральном законе «О цифровых валютах и цифровых правах» криптоактивы (цифровая валюта и цифровые права также названы имуществом).

При этом, за исключением нескольких вышеназванных авторов, большинство исследователей сходятся на том, что в качестве «иного» имущества криптовалюты должны рассматриваться как объекты абсолютных прав. Об этом говорит, например Л.Г. Ефимова, отмечая, что цифровые валюты нельзя признать ни вещами, ни имущественными правами. При этом,

³⁵⁶ Петраков Н.А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав «Цивилист», 2024, № 1 С. 64.

³⁵⁷ Никитин Д.В. Правовой режим цифровой валюты: цивилистическое исследование автореф. дисс. канд. юр. наук, С. 14.

³⁵⁸ Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации URL: <https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/37788/> (дата обращения: 26.02.2026)

по мнению автора, на криптовалюты возникает совершенно новое абсолютное право³⁵⁹. Сторонником признания цифровых валют объектом абсолютных прав *sui generis* является и Р.М. Янковский³⁶⁰.

Применительно к другому виду самоценных криптоактивов – произведениям искусства, созданным в виде невзаимозаменяемых токенов (NFT) исследователи придерживаются схожей позиции. Так, по мнению Д.Р. Загидуллина и Н.С. Пулявиной NFT, токен представляет собой цифровой аналог материального носителя произведения искусства³⁶¹. Схожую точку зрения высказывает Н.В. Щербак, сравнивая NFT токен с физической подписью автора на холсте³⁶².

Исходя из изложенного становится очевиден главный недостаток признания криптоактивов объектами абсолютного права *sui generis*. Недостаток этот заключается в том, что наличие открытого перечня объектов гражданских прав делает подобную квалификацию бессодержательной. Как верно отмечает Р.М. Янковский, признание криптовалюты «иным» имуществом является лишь мерой паллиативной помощи³⁶³. Правовой режим нового объекта должен строиться с нуля.

При этом чаще всего любое абсолютное право, предлагаемое исследователями для правового режима криптоактивов, оказывается сходным до степени смешения с вещными правами. По сути, любое подобное абсолютное право *sui generis* является фикцией, позволяющей применять нормы о вещных правах в отношении объектов, которые не являются вещами в рамках традиционной парадигмы гражданского права.

³⁵⁹ Ефимова Л.Г. указ. соч. С. 9.

³⁶⁰ Янковский Р.М. указ. соч. С. 50.

³⁶¹ Загидуллин Д.Р., Пулявина Н.С. Перспективы развития технологии блокчейна в формате NFT // Лизинг. 2021. № 1. С. 40 - 44.

³⁶² Щербак Н.В. Digital art в условиях электронной коммерции // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43 - 61.

³⁶³ Янковский Р.М. указ. соч. С. 54.

Связано это с тем, что создать новое абсолютное право, которое не походило бы ни на вещные, ни на исключительные права, практически невозможно. Новые объекты будут тяготеть либо к одному, либо к другому. При этом, как представляется, криптоактив по своим свойствам, а следовательно, и правовому режиму больше тяготеет именно к вещам.

Возможность отнесения криптоактивов к объектам вещных прав, в первую очередь права собственности – концепция, широко обсуждаемая как в российской, так и в зарубежной юриспруденции. По данному пути пошли многие государства при формировании правового регулирования оборота криптоактивов.

В российской юридической литературе также происходят попытки проанализировать возможность отнесения криптоактивов к объектам вещных прав³⁶⁴. Большинство таких попыток сводятся к отрицанию вещного подхода к цифровым токенам и констатации невозможности существования права собственности на криптоактивы.

Чаще всего такие попытки сводятся к повторению из работы в работу тезиса о том, что криптоактив не является объектом вещных прав, поскольку таким объектом может быть только вещь, которая является предметом материального мира³⁶⁵. При этом указанный тезис, как правило, приводится как аксиома, не требующий никаких доказательств, самоочевидное утверждение. Так, например, М.А. Успенский считает нецелесообразными любые разговоры о вещной природе криптовалюты, поскольку она не имеет материальной формы,³⁶⁶ каких-либо доказательств данной позиции автор, разумеется, не привел.

³⁶⁴ Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. с. 157 – 180; Петраков Н. А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1 (47). С. 64

³⁶⁵ Успенский М.А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве // Закон. 2023. № 9. С. 87 - 101.

³⁶⁶ Успенский М.А. указ. соч. С. 87 - 101.

При ближайшем рассмотрении указанный тезис не кажется таким уж самоочевидным и требует более детального анализа с учетом того, что в российском законодательстве отсутствуют положения, прямо указывающие на то, что именно является объектом вещных прав. Так, статья 209 ГК РФ предполагает объектом права собственности имущество, что является более широкой категорией, нежели категория вещи, но при этом самого определения вещи ГК РФ не содержит.

К сожалению, очень мало работ прямо анализируют признак материальности (телесности) и его правовые свойства. Среди таковых Г.С. Васильев предполагает, что телесность (пространственная ограниченность) вещи предопределяет правовой режим вещи в силу возможности совершения в отношении нее ряда действий, мыслимых только в отношении телесного объекта, среди таковых автор называет хищение и перемещение³⁶⁷.

А.Н. Лысенко среди свойств, детерминированных телесностью вещи, называет также возможность найти или потерять, приобрести в силу приобретательной давности, переработать, самовольно построить, обменять, сдать и получить в аренду, уничтожить, вещь³⁶⁸.

Необходимо отметить, что некоторые из указанных действий можно совершить не только в отношении вещи. Так, например, хищение, в определенной форме возможно и применительно к информации или результатам интеллектуальной деятельности. «Найти» или «потерять» можно информацию. Сколько раз мы в своей жизни забывали пароли, а потом снова «находили» их.

Тем не менее стоит признать, что подход, относящий к объектам вещных прав исключительно материальные объекты, можно признать классическим для российской цивилистической литературы. При этом в работах, специально

³⁶⁷ Васильев Г.С. Движимые вещи // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 278 - 325.

³⁶⁸ Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010. 200 с.

посвященных объектам вещных прав, приводится определение вещи как «предмет материального мира, могущий быть в обладании человека, и служащий удовлетворению большинства его потребностей»³⁶⁹. Признак материальности (телесности) вещи характерен как для российской современной³⁷⁰, так и дореволюционной литературы³⁷¹. При этом Ю.С. Гамбаров также вводит помимо телесности признаки имущественной ценности, оборотоспособности и самостоятельности. При этом следует отметить, что ни один из указанных признаков, помимо собственно телесности не является уникальным для вещей.

В свою очередь дореволюционная литература без сомнения восходит к классикам немецкой юриспруденции. Телесность как нахождение в пространстве называется в качестве признака вещи и Г. Дернбургом³⁷². Подобный подход разделялся и многими другими авторами школы пандектного права, так, Л. Энекцерус определял вещь как пространственно ограниченный, лишенный воли телесный предмет природы³⁷³.

Авторы допускают возможность существования бестелесных вещей, относя к ним имущественные права. Данный подход безусловно восходит к римскому понятию вещи (*res*) и делению данной категории на телесные (*res corporales*) и бестелесные (*res incorporales*). В институциях Гая – одном из наиболее ранних сохранившихся до наших дней произведений римской юриспруденции о бестелесных вещах сказано следующее:

“*Incorporales sunt, quae tangi non possunt.*”³⁷⁴

При этом, под бестелесными вещами римские юристы подразумевали не вещи в привычном нам смысле, а имущественные права³⁷⁵. Как справедливо

³⁶⁹ Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 1.

³⁷⁰ Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010 с.

³⁷¹ Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права: Часть Общая. СПб., 1911. Т. 1. С. 571 - 574.

³⁷² Дернбург Г. Пандекты. Т.1, ч.2. Вещное право. СПб., 1905. С. 183.

³⁷³ Энекцерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. М., 1949. Т. 1. Полутом 1. С. 257.

³⁷⁴ Бестелесные – те, до которых нельзя дотронуться... (Институция Гая книга 2, перевод Д.В. Дождева).

³⁷⁵ Римское частное право: учеб. / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Юрист, 2004. с. 148.

отмечает Д.В. Дождев, объектами права собственности могли быть только *res corporales*, при этом для *res incorporales* принадлежали своему обладателю на праве схожем с правом собственности, но не являвшемся им³⁷⁶.

На более поздних этапах развития немецкой цивилистической мысли категория имущественных прав обособилась настолько, что понятие «вещь» применялась уже исключительно к телесным вещам.

Работы классиков пандектного права легли в основу разработки Германского Гражданского Уложения, что привело к появлению параграфа 90 ГГУ, в котором указано, что «Вещами в смысле закона являются только телесные предметы» (*Sachen im Sinne des Gesetzes sind nur körperliche Gegenstände*).

Таким образом вещный подход к криптоактивам может быть принят лишь в двух случаях. Или при отрицании вышеуказанной парадигмы о телесности объектов вещных прав, то есть ухода от парадигмы о том, что вещами могут считаться только телесные объекты или в случае модификации понятия телесности.

Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, «различные объекты гражданских прав... отличаются друг от друга именно своим правовым режимом, а не физическими или экономическими свойствами»³⁷⁷. Таким образом, существование отдельного правового режима – например, вещи должно быть обосновано набором признаков, отличающих правовое регулирование в рамках одного правового режима от регулирования в рамках другого. Является ли в настоящий момент материальность (телесность) таким признаком?

Как видится считать телесность, по крайней мере, как пространственную ограниченность, предопределяющую правовую природу объекта, не вполне справедливо. Так, существует целый ряд объектов, пусть и наделенных

³⁷⁶ Дождев Д.В. указ.соч. С. 358.

³⁷⁷ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

телесностью, но вещь в гражданско-правовом смысле не являющихся. Например, А.А. Гусева справедливо указывает, что небесные тела к вещам не относятся в силу того, что правопорядок не признает их таковыми³⁷⁸. Нецелесообразно относить к вещам в юридическом смысле, например, листья на деревьях или мусор на свалке до тех пор, пока они не станут объектами гражданского оборота³⁷⁹. Отдельным вопросом является телесность объектов микромира (наночипы, колонии бактерий и т.д.) ввиду того, что они не могут быть восприняты непосредственно органами чувств.

Существуют и совершенно обратные примеры, когда вещами для целей гражданского оборота признаются объекты не в полной мере обладающие признаком телесности. Самый очевидный пример подобного рода – земельный участок.

В работе Кристиана фон Бара «Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия «вещь» в европейском вещном праве» автор достаточно последовательно доказывает два важных тезиса.

Первый из них это суждение о том, что категория вещи включает в себя одновременно два вида объектов. Во-первых, это так называемые «подлинные вещи» - те, которые не зависят от правовых предписаний, они имеют самостоятельно сложившуюся и распознаваемую внешнюю форму, *corpus*, и именно поэтому они и могут выступать объектами вещных прав. Во-вторых, это так называемые нормативные вещи, которые не существуют сами по себе: они обязаны своим существованием концепции вещных прав, их породило юридическое воображение, воплотившееся в юридических нормах³⁸⁰. К. Фон

³⁷⁸ Гусева А.А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 76 - 93.

³⁷⁹ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М. 1999, с. 422

³⁸⁰ Бар Кристиан фон. Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия «вещь» в европейском вещном праве // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 114.

Бар приводит в качестве примера нормативной вещи, в том числе, обязательственные притязания или права участия в юридических лицах³⁸¹.

Казалось бы, налицо классическое деление *res corporales* и *res incorporales* известное еще по Институциям Гая. Однако автор относит к нормативным вещам также и земельный участок прямо отмечая, что в большинстве правопорядков он относится к объектам права собственности.³⁸²

Отнесение земельных участков к нормативным вещам объясняется, в том числе, его вполне физическими (телесными) характеристиками. Обычные вещи легко отделить от других, потому что они имеют форму и границы. Это позволяет нам владеть ими. С земельным участком все сложнее. Его границы не так очевидны, ведь он простирается не только по поверхности, но и вглубь, и вверх, его невозможно «пощупать» целиком.

Такое расхождение восприятия земельного участка и обычного восприятия телесной вещи может преодолеть только правопорядок. Таким образом, сам факт существования земельных участков как объектов вещных прав возможен лишь благодаря положениям вещного права о земельных участках. Земельные участки, по общему признанию, - вещи, имеющие физический субстрат, тем не менее они являются нормативными вещами. По мнению автора, земельный участок — это плод юридического воображения. Земельные участки не существуют сами по себе, поэтому они физически неотделимы друг от друга. Их индивидуализация является плодом деятельности юристов³⁸³.

Схожие мнения высказывались и российскими правоведами. Так Д.В. Дождев отмечает, что «земельный участок - нематериальное явление, объектом права собственности будет то, что признано земельным участком...

³⁸¹ Бар Кристиан фон, там же, С. 115.

³⁸² Бар Кристиан фон, там же, С. 115.

³⁸³ Бар Кристиан фон, там же, С. 116 – 117

его границы, которые совершенно условны, - это то, что в БТИ нарисовано, а не то, что на самом деле происходит на земле»³⁸⁴.

Другой сторонник существования категории бестелесных вещей - А.В. Саженов аналогичным образом рассуждает о правовой природе квартиры в многоквартирном доме. Границы квартир исключительно формальные, и очерчены они пределами имеющегося права собственности. Там, где наше право сталкивается с правом нашего соседа, и проходит граница. Хозяин квартиры может вбить гвоздь в стену и это будет в пределах права. Однако если он пробьет стену насквозь, он затронет права своего соседа, при этом, где именно проходит граница права одного хозяина и другого непонятно. Таким образом автор делает вывод, что квартиры, несмотря на то что их можно потрогать, относятся к вещам бестелесным, которые не имеют естественных материальных границ³⁸⁵.

В недавнем апелляционном определении Оренбургский областной суд также пришел к выводу, что земельный участок является «нормативной бестелесной вещью»³⁸⁶.

Следует согласиться с позицией К.И. Скловского о том, что «в природе вообще не существует вещей. Вещь — это продукт социальности, результат деятельности человеческого общества, направленной на разрыв природных связей и создание явлений, чуждых природе, утративших с ней связь... Вещь идентифицируется через определенную совокупность экономически и социально важных свойств, которые опять-таки никак не сводятся к описанию физических или химических свойств объекта»³⁸⁷. Данное утверждение можно

³⁸⁴ Дождев Д.В. Самой идеей вещного права мы преодолеваем зависимость от материальных вещей // Закон. 2016. № 6. С. 8.

³⁸⁵ Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 159.

³⁸⁶ Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 23.01.2025 по делу N 33-227/2025 (УИД 56RS0009-01-2023-004110-69) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁷ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. С. 856.

дополнить лишь тем, что вещь должна идентифицироваться не только через физические и социально-экономические, но и через юридические признаки.

Примечательно, что правовой режим иных объектов гражданских прав устанавливается с помощью совокупности юридических признаков и только категория вещи некоторыми исследователями определяется через физические свойства. Таким образом, представляется, что признаки, характерные для правового режима вещи, следует искать не в физической природе объекта, а в его юридических характеристиках.

Как представляется, важнейшей юридической характеристикой вещи является возможность ее находиться во владении лица. Владение является базовой категорией вещного права и предопределяет иные характеристики вещи. Например, передача владения была необходима для передачи права собственности на вещь еще начиная с римского права³⁸⁸.

Владение долгое время рассматривалось как фактическое явление. Владением считалось установление фактической власти над вещью в соединении с волей держателя обладать вещью как собственной (субъективный признак)³⁸⁹.

Владение таким образом является проявлением господства лица над вещью. В свою очередь возможность такого господства определялась Г.Ф. Пухтой в качестве основного свойства вещи³⁹⁰.

При этом дальнейшее развитие юридической мысли пришло от фактического подхода к формальному, то есть владению через основания (титулы). Как справедливо отмечает Д.В. Дождев, титул позволяет выявить подлинного, юридического владельца, отличного от фактического

³⁸⁸ Дождев Д.В. Римское частное право, м. 2022 С. 412.

³⁸⁹ Savigny F.C. v. Das Recht des Besitzes. Eine zivilistische Abhandlung. 7. Aufl. / A.F. Rudorff (Hg.). Wien: C. Gerolds Sohn, 1865. S. 109

³⁹⁰ Пухта Г.Ф. Курс Римского Гражданского Права. Т. I / Проф. Г.Ф. Пухта; пер. с последн. нем. изд. проф. Рудорффа; изд. Ф.Н. Плевако. М., 1874. С. 96–98.

держателя³⁹¹. При этом, по мнению автора, владение представляет собой правовое явление формальным выражением одного из физических свойств вещи, а именно испытывать силовое воздействие, быть объектом физического взятия (и соответственно, физической утраты)³⁹². Таким образом, владение понимается уже не совсем как физическое господство, а как юридическое явление.

В. Плеханов применительно к криптоактивам указывает, что одной из основных особенностей криптоактивов для целей права является их способность к исключительному контролю через приватный ключ³⁹³. В отличие от иных цифровых объектов криптоактивы невоспроизводимы и не подвержены копированию, то есть не могут находиться в двух местах одновременно³⁹⁴, что позволяет обладателю осуществлять исключительное присвоение такого объекта³⁹⁵. Такой исключительный контроль (господство), как видится, может считаться формой владения.

При этом, как представляется, владение может осуществляться не только физически (с помощью человеческого тела и органов чувств), но любое иное эксклюзивное господство лица над объектом, которое может достигаться и с помощью технологий. Так, воздействие на уже упомянутые ранее объекты микромира, в том числе их физическое держание или передача осуществляются не непосредственно руками человека (эти объекты человек даже не сможет увидеть), а с помощью технологий (машин, компьютеров, микроскопов и т.д.).

Вместо физического господства лица над вещью в отношении криптоактивов такое господство осуществляется посредством технологий, что, однако, не умаляет степени такого господства.

³⁹¹ : Дождев Д.В. Владение в системе гражданского права (часть 2) // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 1 с 4 – 78.

³⁹² Дождев Д.В., указ.соч. С. 70-72.

³⁹³ Плеханов В. Указ. соч. С. 58.

³⁹⁴ Об этом упоминалось ранее при разборе проблемы «двойной траты».

³⁹⁵ Плеханов В. Там же. С. 59.

О возможности рассмотрения обладания ключом (паролем) от криптокошелька в качестве аналога владения справедливо упоминает и Е.А. Суханов в контексте анализа современных доктринальных позиций в зарубежной юридической науке³⁹⁶.

Утверждение о невозможности физического обладания цифровым объектом уже не кажется таким однозначным, если допустить что человек в современном мире уже живет в симбиозе с компьютерами, которые окружают его в повседневной жизни. Такой подход уже имеет сторонников в среде юристов, так в США еще в 2014 году Верховный суд в деле *Riley v. California*³⁹⁷ запретил полиции в ходе проведения следственных действий изымать телефон подозреваемого без наличия специального ордера, аналогичного ордеру на арест самого лица. В особом мнении судья Робертс написал следующее: «Пришельцы, прилетевшие на Землю, вероятно восприняли бы телефон как часть анатомии современного человека». Еще более последовательно позиции о единстве человека и компьютера отстаивает Тимоти Ву³⁹⁸.

Вместе с тем, существуют и иные юридические признаки криптоактивов, делающие их схожими с вещами. Так, А.В. Саженов указывает, что важнейший признак права собственности, который отличает его от обязательственных прав, это возможность передачи права с помощью передачи владения (*traditio*)³⁹⁹.

Традиция как способ передачи права называется Г. Дернбургом в качестве одного из отличий телесных вещей от бестелесных (имущественных прав)⁴⁰⁰.

³⁹⁶ Суханов Е.А. Законопроект об искусственном интеллекте и гражданско-правовые проблемы цифровизации. *Lex russica*. 2026;79(6) С. 18.

³⁹⁷ Официальный сайт Верховного Суда США URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/13/13-132_819.c.

³⁹⁸ Электронный ресурс URL: Timothy Wu, Professor of Law, Colum. L. School, Brookings Inst. Judicial Issues Forum: Constitution 3.0: Freedom, Technological Change and the Law (Dec. 13, 2011).

³⁹⁹ Саженов А.В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве, Закон № 9 сентябрь 2018 С. 106 – 121.

⁴⁰⁰ Дернбург Г. Пандекты. Т.1, ч.2. Вещное право. СПб., 1905. С. 183.

Передача криптоактива от одного лица к другому происходит путем переноса криптоактива из кошелька одного лица на кошелек другого с помощью транзакции в системе распределенного реестра⁴⁰¹. Такая передача вполне может рассматриваться как передача в смысле ст. 224 ГК РФ, согласно которой для передачи необходимо фактическое поступление вещи во владение приобретателя или указанного им лица.

В отличие от цессии – другого способа передачи гражданских прав, традиция позволяет удовлетворить требования лица, которому нужен конкретный объект, при этом не так важно материален он или нет. Покупатель криптоактива заинтересован не в действиях третьего лица, а в получении объекта, что обеспечивается передачей владения, то есть традицией.

При этом еще с римских времен известны способы осуществить традицию без непосредственной (телесной) передачи объекта из рук в руки, например *traditio longa manu* или *traditio symbolica*⁴⁰².

Другим взаимосвязанным аргументом против бестелесных вещей считается невозможность их защиты вещно-правовыми способами, в частности виндикацией.

Как справедливо отмечает итальянский юрист Уго Маттеи, возможность восстановления физического контроля над вещью проистекает из абсолютной природы права собственности и общей обязанности всех воздерживаться от завладения чужим имуществом. Автор отмечает, что виндикация является уникальным и определяющим для вещного права институтом⁴⁰³.

В советской юридической науке схожую позицию высказывал А.А. Рубанов, говоря, что нормы о защите права собственности и в первую очередь

⁴⁰¹ Об этом ранее в главе 1.

⁴⁰² Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. М., 2022. С. 412.

⁴⁰³ Маттеи У. Основные принципы права собственности // Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М.: Юристъ, 1999. С. 266.

о виндикации, являются стержневыми для права собственности и обеспечивают закрепленность вещи за индивидом⁴⁰⁴.

Применительно к криптоактивам виндикация возможна в первую очередь для невзаимозаменяемых криптоактивов, то есть криптоактивов, имеющих уникальные характеристики, позволяющие индивидуализировать их. Свойство уникальности, присущее невзаимозаменяемым криптоактивам, позволяет считать их правовой режим схожим с индивидуально определенными вещами, в отношении которых возможна виндикация, что в контексте цифровых токенов означает перемещение криптоактивов с кошелька владеющего несобственника на кошелек владеющего собственника.

При этом, как представляется, возможность виндикации существует и для взаимозаменяемых криптоактивов в том случае, если утраченные криптоактивы можно обособить от иных аналогичных криптоактивов. Кроме того, как справедливо отмечает М.Л. Башкатов, даже взаимозаменяемые токены, такие как криптовалюта, являются индивидуализированными объектами, каждая криптомонета (в том числе ее дробная единица) являются индивидуальным объектом с технической точки зрения⁴⁰⁵. Но даже при отсутствии индивидуальной определенности в некоторых случаях криптоактивы можно обособить. Например, если все утраченные криптоактивы оказались на одном кошельке, на котором отсутствуют иные криптоактивы, то такие токены возможно индивидуально определить.

В отношении утраченных собственником взаимозаменяемых криптоактивов, которые невозможно выделить в кошельке владельца среди других аналогичных токенов, следует применять нормы о смешении вещей, определяемых родовыми признаками. Подобные ситуации известны со времен римского права⁴⁰⁶ и в отношении них следует применять иные, чем

⁴⁰⁴ Рубанов А.А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // Развитие советского гражданского права на современном этапе / Отв. ред. В.П. Мозолин. М.: Наука, 1986. С. 105.

⁴⁰⁵ Башкатов М.Л. указ. соч. С. 103.

⁴⁰⁶ Дождев Д.В. Указ. соч. С. 422.

виндикация способы защиты права, такие как кондикция или возмещение убытков.

Таким образом, несмотря на то что криптоактив не является телесным (именно в значении пространственной ограниченности), тем не менее он имеет объективную (пусть и цифровую) форму, которая позволяет ему через посредство технологий обращаться и быть охраняемым как объект материального мира. Эта особенность отличает криптоактивы от объектов исключительного права.

Дело в том, что исключительное право возникает на нематериальный объект. Речь в данном случае идет не о физической категории материи, поскольку, как справедливо отметил В.О. Калятин, электромагнитные импульсы, составляющие основу цифровых технологий с точки зрения физики вполне материальны⁴⁰⁷.

Исключительное право защищает объект, хотя и выраженный в материальном носителе, но являющийся по природе идеальным. Исключительное право защищается без привязки к конкретному материальному носителю⁴⁰⁸. Из этого следует, что исключительное право не может быть украдено, правообладателя нельзя лишить этого права против его воли или лишить владения результатом интеллектуальной деятельности. Результат интеллектуальной деятельности можно лишь использовать помимо воли правообладателя, но сам результат интеллектуальной деятельности от правообладателя никуда не девается ввиду его идеальной природы. Этим обусловлены и специфические способы защиты исключительного права такие как компенсация за нарушение исключительного права (ст. 1301 ГК РФ).

С другой стороны, криптоактив не является по своей природе идеальным объектом. С точки зрения философии идеальными являются

⁴⁰⁷ Калятин В.О. Структура авторского права использования произведения: актуальные проблемы // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 60–70.

⁴⁰⁸ Рожкова М.А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности. Журнал российского права № 9 — 2014 С. 5.

объекты, относящиеся к сфере психического или существующими в человеческом сознании⁴⁰⁹. При этом криптоактив в отличие от результата интеллектуальной деятельности существует не в сознании автора или изобретателя, а имеет объективную форму, пусть и цифровую, но все же относящуюся к сфере материального мира. Он может быть похищен помимо воли обладателя, а также перемещен с одного кошелька на другой. Для обладателя важен именно факт обладания конкретным криптоактивом.

Таким образом, абсолютное право на криптоактив может строиться только по модели вещных прав. Телесность, если и является признаком вещи, то речь идет не о физической, а о юридической (нормативной) телесности.

Об этом, в частности, упоминает В. Плеханов, отмечая, что понятие телесности должно адаптироваться к достижениям технического прогресса. Автор справедливо указывает, что современная доктрина из трех основных свойств телесности, а именно, чувственной воспринимаемости, пространственной ограниченности и фактической контролируемости делает акцент именно на последнем⁴¹⁰.

Данное утверждение представляется справедливым. При этом на основании ранее сказанного в настоящей работе, следует отметить, что к признакам такой «нормативной» телесности, помимо контролируемости (то есть способности быть объектом владения) являются также возможность обращаться путем фактической передачи (*traditio*) и защищаться путем виндикации (если вещь индивидуально определена).

Следует согласиться с Ф.Ю. Толкачевым и М.Б. Жужаловым, что подход к вещам требует учитывать для правовой квалификации объекта то, что не должно иметь юридического значения, а именно физическую телесность⁴¹¹.

⁴⁰⁹ Философский энциклопедический словарь под ред. Л.Ф. Ильичева, М. Советская энциклопедия, 1983, с. 197.

⁴¹⁰ Плеханов В. Указ. соч. С. 65.

⁴¹¹ Толкачев Ф.Ю. Жужалов М.Б. Толкачев А.Ю., Жужалов М.Б. Криптовалюта как имущество - анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 116.

Наконец, важнейшим преимуществом вещного подхода к криптоактивам является универсальность данного подхода. Восприятие токена в качестве объекта вещных прав или по крайней мере абсолютных прав, схожих с вещными, позволяет сконструировать единый правовой режим для всего многообразия цифровых токенов.

Так, представляется, что правовой режим вещи является практически единственным правовым режимом, способным объяснить правовую природу самоценных криптоактивов.

Решением данной проблемы могло бы стать признание в отношении криптоактивов правового режима вещей. При этом, как представляется, подобное признание не потребовало бы существенных изменений действующих правовых норм. В отличие от Германского гражданского уложения, российский Гражданский кодекс не содержит определения вещи, а следовательно, допускает признание вещами нематериальных объектов.

Появление цифровых криптоактивов, в особенности самоценных, сделало существование бестелесных вещей лишь более очевидным, поскольку децентрализованный способ учета таких прав позволяет напрямую осуществлять и защищать вещные права на такие объекты.

В зарубежных правовых системах концепция бестелесной вещи также имеет длинную историю и получила новое дыхание с появлением в нормативном регулировании оборота криптоактивов.

Зачастую речь идет не только о государствах англо-американской правовой системы, которая традиционно не проводит различия между вещными и обязательственными правами.

Некоторые государства, относящиеся к системе континентального права, такие как Лихтенштейн, предусматривают отнесение криптоактивов к объектам права собственности. Так, Томас Негеле справедливо отмечает, что

данные в цифровой форме, к которым и относятся цифровые токены, удобнее всего регулировать именно как объекты права собственности⁴¹².

Китайский юрист Ли Цзяньсин отмечает, что для китайского права не характерно указание, что право собственности распространяется исключительно на материальные объекты, что позволяет распространять нормы о праве собственности на цифровые юани⁴¹³.

Последним значимым достижением на пути признания концепции бестелесных вещей стал немецкий закон о цифровых ценных бумагах. Так, Германия, ставшая родоначальником концепции «телесности» вещи и даже прямо установившая эту концепцию в своем гражданском кодексе в новом законе установила, что к электронным ценным бумагам, включая бездокументарные ценные бумаги, а также крипто-ценные бумаги (Kryptowertpapiere)⁴¹⁴, применяются правила параграфа 90 ГГУ о вещах⁴¹⁵.

Конечно, немецкий законодатель не пошел на прямую конфронтацию с параграфом 90 и не стал исключать из понятия вещи указание на ее материальность, но, в сущности, установил режим объекта права *sui generis* (цифровой ценной бумаги) полностью идентичным правовому режиму вещей.

Как представляется, указанный подход может быть применен и в российском праве, что с одной стороны, позволит установить для криптоактивов удобный правовой режим, а с другой, не потребует кардинальной смены цивилистической парадигмы и установления на уровне закона категории бестелесных вещей.

Схожая позиция была выражена и на уровне международного *soft law*. Так, Международный институт унификации частного права в 2023 году

⁴¹² Nagele T. The legal nature of token. p. 147

⁴¹³ 李建星. 数字人民币私权论 东方法学. 年第 №4– 2022. С. 80. Ли Цзяньсин. «О частных правах на цифровой юань», журнал юридического факультета Восточно-Китайского педагогического университета. 2022, № 4.

⁴¹⁴ По существу, речь идет о секьюрити-токенах.

⁴¹⁵ eWpG § 2 Abs. 3; Vig Zs. Inhaberschuldverschreibungen auf der Blockchain – Kryptowertpapiere und Wertpapiere *sui generis* aus Sicht der Praxis // Zeitschrift für Bank- und Kapitalmarktrecht. 2022 № 6, С. 442–449.

выпустил принципы о цифровых активах в частном праве (DAPL Principles), в рамках которых была предпринята попытка гармонизации норм о цифровых активах (разновидностью которых являются и криптоактивы) и вещно-правовых норм.

Принципы исходят из юрисдикционной нейтральности и не используют прямо такое понятие как владение, ограничиваясь нейтральной категорией «контроль», тем не менее международным институтом сделан вывод о возможности применения к таким объектам вещных прав. При этом конкретная квалификация таких объектов в качестве вещей или иного имущества отнесена на уровень национального законодательства⁴¹⁶.

Вывод:

Таким образом, правовой режим криптоактивов обусловлен, в первую очередь, особенностями технологии распределённого реестра, который лежит в основе оборота криптоактивов. Ключевым и наиболее значимым с точки зрения правового режима криптоактивов свойством распределенного цифрового реестра является защищенность криптоактивов от произвольного изменения или удаления в реестре. При этом такая сохранность обеспечивается технологически.

Технологические особенности распределенного реестра позволяют дополнительно обеспечивать соблюдение принципов традиционных регистрационных систем, таких как принципы внесения и публичной достоверности без необходимости соблюдения иных принципов (например, принципа легалитета). При этом невозможность «двойного списания» токенов с кошелька обеспечивает сохранность криптоактивов в пределах конкретного кошелька.

Несмотря на реестровую природу криптоактивов нельзя сказать, что криптоактивы выполняют лишь техническую функцию фиксации

⁴¹⁶ UNIDROIT PRINCIPLES ON DIGITAL ASSETS AND PRIVATE LAW URL: ^<https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf> (дата обращения: 23.07.2026).

имущественных прав. Несмотря на то, что некоторые криптоактивы действительно удостоверяют имущественные права, даже такие криптоактивы могут считаться объектами гражданского оборота, а следовательно, и объектами гражданских прав сами по себе.

Приводимая аналогия секьюрити-токенов и бездокументарных ценных бумаг представляется не вполне верной и применимой далеко не ко всему многообразию несамоценных криптоактивов. При этом большинство выпускаемых несамоценных криптоактивов по своей природе схожи скорее с документарными, чем с бездокументарными ценными бумагами исходя из особенностей учета закрепляемых такими криптоактивами прав.

При этом несамоценные криптоактивы, как и иные криптоактивы выступают в гражданском обороте как самостоятельные объекты гражданских прав и как представляется, могут быть объектами абсолютных прав.

Как видится, такое абсолютное право не может быть сконструировано по модели исключительного права ввиду того, что криптоактив не имеет идеальной природы. Представляется, что единственной моделью, по которой может быть сконструирован режим цифрового токена как единого (независимо от вида криптоактива) объекта гражданского права, это правовой режим вещи.

Криптоактив несмотря на то, что является нематериальным (бестелесным) объектом обладает основными юридическими признаками вещи, а именно возможностью быть объектом эксклюзивного господства (цифрового аналога владения), обращаться путем фактической передачи (*traditio*) и защищаться путем истребования из чужого незаконного владения (*виндикации*). Если в 1900 году, когда появился параграф 90 ГГУ телесная вещь была единственным объектом, отвечавшим указанным признакам, то спустя более чем сто лет, цифровые технологии изменили оборот таким образом, что существуют иные объекты, отвечающие им.

При этом для распространения на криптоактив правового режима вещи совершенно необязательно признавать токен вещью или устанавливать на законодательном уровне концепцию бестелесной вещи. Достаточно указать, что оборот криптоактивов производится по правилам применимым к вещам. По такому принципу уже сейчас организован оборот некоторых криптоактивов в праве Германии.

Глава 3. Кriptoактивы, как объекты гражданского оборота

§ 1. Понятие и признаки смарт-контракта для целей правового регулирования

Кriptoактивы, вне зависимости от того, считаем ли мы их видом бестелесных вещей или «иным» имуществом так или иначе являются объектами гражданского оборота. Гражданский оборот, являясь социально-правовым явлением предполагает совокупность изменений носителей гражданских прав и обязанностей⁴¹⁷. В свою очередь предпринимательский оборот представляет собой часть гражданского оборота, в рамках которой переход гражданских прав и обязанностей осуществляется в ходе осуществления предпринимательской деятельности.

Предпринимательский оборот обеспечивается совершением сделок, в рамках которых экономические блага переходят от одного субъекта предпринимательской деятельности к другому, а также от предпринимателя к потребителю и обратно. Безусловно, с развитием технологий kriptoактивы также встраиваются в эти отношения и значение kriptoактивов для предпринимательского оборота постоянно возрастает.

При этом оборот kriptoактивов обладает своими особенностями, отличающими его от отношений, возникающих по поводу традиционных объектов гражданских прав.

Одной из основных таких особенностей является возможность использования технологий, опосредующих заключение и исполнение договоров, возникающих по поводу kriptoактивов. Речь, разумеется, идет об «умных» договорах или смарт-контрактах (прямая калька с английского языка *smart contract* – умный договор).

⁴¹⁷ Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В.А. Белов // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 6 – 77.

Осмысление смарт-контрактов началось задолго до появления конкретных технологий, позволяющих такие договоры создавать, так еще в 1996 году Ник Сабо предложил определение умного договора как набора обещаний, определенных в цифровой форме, включая протоколы, в рамках которых стороны выполняют эти обещания⁴¹⁸.

Впервые смарт-контракты появились в блокчейн-сети Ethereum в 2015 году, появление смарт-контрактов стало ключевым этапом перехода от blockchain 1.0 к blockchain 2.0⁴¹⁹. Первое определение смарт-контракта на базе распределённого цифрового реестра также было дано в технической документации Ethereum, так смарт-контракт представляет собой компьютерную программу, которая может контролировать оборот криптоактивов (в данном случае токенов Ethereum) и перемещать криптоактивы между различными кошельками в зависимости от наступления определенных в такой программе условий⁴²⁰.

Исходя из изложенного и принимая во внимание определение смарт-контракта при юридическом осмыслении данного явления сложилось два основных подхода к правовой природе смарт-контракта.

Первый подход, который можно условно назвать «техническим», предполагает, что смарт-контракт не имеет собственной правовой природой, а является исключительно техническим средством — программным кодом, созданным для перемещения криптоактивов от одних лиц к другим⁴²¹. В рамках наиболее радикального изложения данного подхода смарт-контракт не является сделкой, а является неправовым, техническим действием, направленным на передачу криптоактива⁴²².

⁴¹⁸ Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets? (1996). URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 24.12.2025)

⁴¹⁹ Санникова Л.В. Харитонов Ю.С., Цифровые активы: правовой анализ Монография, М., 2020 С. 228.

⁴²⁰ Официальный сайт проекта Ethereum. URL: <https://ethereum.org/ru/learn/#smart-contracts> (дата обращения: 24.12.2025)

⁴²¹ Grimmelmann J. All Smart Contracts Are Ambiguous // Journal of Law and Innovation. 2019. Vol. 2. No. 1. P. 2

⁴²² URL: <https://ethereum.org/ru/learn/#smart-contracts> (дата обращения: 24.12.2025)

Такой подход характерен, как правило, для IT специалистов, которые выводят на первый план именно техническую сторону объекта, игнорируя его правовую природу. При этом указанными специалистами отмечается значение смарт-контрактов для ведения предпринимательской деятельности, как способа передачи экономических благ от одних лиц к другим⁴²³.

В то же время рассмотрение смарт-контракта в качестве компьютерной программы (программного кода) характерно и для многих юридических работ в России и за рубежом, посвященных данной тематике.

Так, Дж. Щербовски указывает, что смарт-контракты – это компьютерные программы, которые функционируют в блокчейне и могут управлять активами в автоматическом режиме⁴²⁴. Специалист в области цифрового права Дж. Файрфилд также указывает, что смарт-контракт представляет собой, в первую очередь, компьютерную программу, направленную на передачу цифровых активов в системе распределенного реестра⁴²⁵. Схожей позиции придерживается и И.Т. Булгаков, называя смарт-контракт программным кодом, который исполняется автоматически при наступлении определенных условий⁴²⁶.

Стоит сразу отметить, что подобный подход к смарт-контрактам очень напоминает ранние концепции, применяемые к самим криптоактивам. Разделение права и программного кода было характерно для криптоанархистских концепций, образовавшихся вокруг появления Bitcoin.

При этом представляется, что, как и любая юридико-нигилистическая концепция, разделяющая технологию и право, подход к смарт-контракту как к

⁴²³ Lauslahti K., Mattila J., Seppala T. Smart Contracts - How will Blockchain Technology Affect Contractual Practices. URL: <https://www.etla.fi/wp-content/uploads/ETLA-Raportit-Reports-68.pdf> (дата обращения: 31.12.2025).

⁴²⁴ Szczerbowski J.J. Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation. Proceedings of the 12th Annual International Scientific Conference «New Trends» 2017. Private College of Economic Studies Znojmo. P. 333.

⁴²⁵ Fairfield J.A.T. Smart Contracts, Bitcoin Bots, and Consumer Protection. Washington and Lee Law Review Online. Vol. 71. Issue 2. Article 3. September 2014. P. 38; Szczerbowski J.J. Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation. Proceedings of the 12th Annual International Scientific Conference New Trends 2017. Published by Private College of Economic Studies Znojmo. November 2017. P. 333.

⁴²⁶ Булгаков И.Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн // Закон. 2016. № 12. С. 85.

неправовому явлению сталкивается с целым рядом практических проблем. Так, Г.В. Цепов и А.В. Иванов справедливо отмечают, что рассмотрение смарт-контракта исключительно с технической стороны приводит к игнорированию правового значения такого договора и способно привести к принятию неправосудных решений⁴²⁷.

Так, в 2019 году 9 Арбитражный апелляционный суд принял решение, в соответствии с которым постановил, что «действующим законодательством РФ неизвестен такой способ защиты права, как обязательство обеспечить возврат криптовалюты на цифровые кошельки пропорционально размеру вклада. Указанный способ защиты права не указан в ст. 12 ГК РФ, а значит, не является законным способом защиты права и не может быть использован»⁴²⁸.

Подобное решение, не воспринимающее заключенное в рамках распределенного цифрового реестра соглашение в качестве гражданско-правового договора, является ярким примером правового нигилизма и создает риск лишения стороны такого соглашения возможности защитить свои права.

При этом нельзя отрицать тот факт, что смарт-контракт имеет техническую природу и действительно является компьютерной программой (программным кодом). Так, А.И. Савельев справедливо отмечает, что программный код смарт-контракта может рассматриваться с позиций действующего законодательства в качестве программы для ЭВМ⁴²⁹.

Вместе с тем, В.С. Белых, М.О. Болобонова отмечают такой дуализм правовой природы смарт-контрактов, говоря, что с одной стороны — это технологическое решение, включающее компьютерный протокол, которое

⁴²⁷ Цепов Г.В., Иванов Н.В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149 – 172.

⁴²⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 09АП-76537/2019 по делу № А40-164942/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁹ Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 105.

может не являться соглашением, с другой стороны - соглашение сторон в электронной форме, имеющее юридическую силу⁴³⁰.

Схожую позицию высказывает и Л.А. Новоселова, отмечая, что с технической точки зрения смарт-контракт можно назвать программным кодом на платформе блокчейн, инициирующего блокчейн транзакциями и организующего внесение записей в блокчейн⁴³¹.

Однако, следует согласиться с Е.В. Зайнутдиновой, что рассмотрение смарт-контракта в качестве программы для ЭВМ является юридической оценкой формы, а не содержания указанного явления и не проливает свет на правовую природу, заключаемых на базе распределенного цифрового реестра соглашений⁴³². Программа для ЭВМ как результат интеллектуальной деятельности является лишь средством, опосредующим существования соглашения, но она не влияет на существо возникающих между сторонами смарт-контракта правоотношений.

Как представляется, ввиду того, что смарт-контракт – это программа, функционал которой направлен на передачу криптоактива с одного кошелька на другой, и при этом правообладатель смарт-контракта как программы для ЭВМ чаще всего не является стороной соглашения по передаче таких активов нельзя сказать, что смарт-контракт не имеет никакой иной правовой природы кроме программы для ЭВМ.

Как ранее было установлено, криптоактив представляет собой бестелесную вещь или по крайней мере объект по своим юридическим свойствам схожий с вещью, права на которую передаются путем передачи объекта (*traditio*). Таким образом, смарт-контракт, представляющий собой алгоритм, направленный на передачу криптоактива следует по крайней мере

⁴³⁰ См.: Белых В.С., Болобонова М.О. Проблемы правового регулирования смарт-контрактов в России // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: Монография / Отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., 2019. С. 104.

⁴³¹ Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 32.

⁴³² Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Новосиб., 2022. С. 22.

относить к юридическим фактам ввиду того, что он является основанием возникновения гражданского правоотношения. Указанное приводит нас ко второму возможному подходу к понимаю правовой природы смарт контракта, в соответствии с которым он представляет собой не просто техническое явление – программный код, а явление юридическое, имеющее правовое значение.

Попытки дать юридическую квалификацию смарт-контрактов предпринимались практически сразу после начала широкого применения технологии. Первым значимым вопросом, вставшим перед исследователями, стал вопрос об определении смарт-контракта.

В результате чего еще в 2016 году А.И. Савельев предложил свое определение смарт-контракта как договора в форме программного кода на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость такого договора по наступлении заранее определенного в нем обстоятельства⁴³³.

Несколько позже Л.Г. Ефимовой и О.Б. Сиземовой было предложено иное определение смарт-контракта в качестве компьютерной программы (кода), которая может быть заключена только с использованием технологии blockchain и позволяет автоматически заключать, исполнять и прекращать различные договоры по наступлении заранее установленных юридических фактов⁴³⁴.

Схожее определение было предложено Ю.В. Трунцевским и В.В. Севальневым, определяющим смарт контракт как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в

⁴³³ Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

⁴³⁴ Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1.

распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств⁴³⁵.

Е.В. Зайнутдинова предлагает определять смарт-контракт в качестве договора, заключаемого в децентрализованной распределенной информационной системе, предусматривающий автоматизированное исполнение обязательств и опосредующий оборот цифровых прав и цифровой валюты⁴³⁶.

Другими авторами, например В.В. Уткиным, выдвигаются определения не содержащие указания на распределенный цифровой реестр в качестве сущностного признака смарт-контракта. Автор указывает, что смарт-контракт представляет собой сделку, заключаемую с использованием удаленной идентификации в форме компьютерного алгоритма, исполнение которой после заключения не зависит (полностью или частично) от воли и добросовестности сторон⁴³⁷. Схожую позицию занимает и Е.В. Олейник⁴³⁸.

Представляется, что для того, чтобы определить правовые характеристики смарт-контракта необходимо выделить признаки, которые позволят сделать вывод о правовой природе отношений, опосредуемых «умным» договором.

Впервые в отечественной юридической литературе попытка выделить признаки смарт-контрактов была осуществлена А.И. Савельевым, выделившим следующие правовые характеристики смарт-контракта: «существование исключительно в электронной среде и с обязательным

⁴³⁵ Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118 – 147.

⁴³⁶ Зайнутдинова Е.В. дисс. канд. юр. наук с. 10.

⁴³⁷ Уткин В.В. К вопросу о правовом регулировании смарт-контрактов // Хозяйство и право. 2022. № 11. С. 92 – 98.

⁴³⁸ Олейник Е.В. Смарт-контракт: понятие и перспективы развития в России // Материалы VI Международного научного конгресса. Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система / под научной редакцией А.В. Шарковой, О.Н. Васильевой, Б. Оторовой. 2018. С. 310.

использованием электронной подписи, основанной на технологии асимметричного шифрования;

- особая форма изложения условий (условия такого договора изложены на одном из языков программирования, а реализуются посредством использования базы данных blockchain);

- заключение по модели договора присоединения (условия «умного» контракта формируются одной из сторон - той, которая пишет программный код, другие участники присоединяются к его условиям «как есть»);

- повышенная степень определенности договора (вероятность различного толкования содержания условий компьютером исключена, поскольку язык программирования, на котором излагаются условия «умного» контракта, относится к категории строго формализованных языков), что обуславливает отсутствие необходимости применения к нему традиционных средств толкования договора;

- направленность на распоряжение цифровым активом (договор опосредует перемещение (изменение принадлежности) определенной обособляемой ценности, существующей в электронной форме, от одной стороны договора к другой)».⁴³⁹

Указанные признаки можно рассматривать в качестве отправной точки при исследовании правовой природы смарт-контрактов. При этом следует отметить, что указанный перечень не является полностью исчерпывающим и ввиду того, что был определен на заре развития смарт-контрактов страдает некоторыми «детскими» болезнями.

Несколько иной набор признаков предлагает в своей работе В.В. Уткин:

- форма сделки - компьютерный алгоритм (цифровая форма);

⁴³⁹ Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3; Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94 – 117.

- заключение с использованием удаленной идентификации;
- особый способ исполнения обязательств - частичное или полное самовыполнение (добросовестность исполнения, как правило, не зависит от воли сторон)⁴⁴⁰.

Г.В. Цепов и Н.В. Иванов отмечают, что фундаментальным признаком, отличающим смарт-контракт от традиционных гражданско-правовых договоров, является то, что исполнение его сторонами вытекающих из него обязательств, осуществляется при помощи информационных технологий на основании заранее сформулированных сторонами условий при наступлении определенных обстоятельств, не требующих отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон⁴⁴¹.

Ю.С. Харитонов и Л.В. Санникова к признакам смарт-контрактов относят, во-первых, использование исходных кодов на компьютерах для составления смарт-контракта, во-вторых, отсутствие двусмысленности толкования контракта, и, в-третьих, существование их в децентрализованной системе⁴⁴².

По мнению Р. О'Шилдерса, смарт-контракт может быть определен как любое соглашение в цифровой форме, которое: а) написано в виде компьютерного кода; б) запускается на платформе блокчейн или с использованием иной аналогичной технологии распределенного реестра; в) автоматически исполняется без необходимости вмешательства человека⁴⁴³.

К.М. Арсланов выделяет в качестве основных признаков смарт-контрактов децентрализованность, одноранговость и неизменяемость⁴⁴⁴. Е.А.

⁴⁴⁰ Уткин В.В. К вопросу о правовом регулировании смарт-контрактов // Хозяйство и право. 2022. № 11. С. 92 – 98.

⁴⁴¹ Цепов Г.В. Иванов Н.В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. №3. С. 149 – 172.

⁴⁴² Hsiao J. I. H. Smart Contract on the Blockchain-Paradigm Shift for Contract Law // US-China L. Rev., 2017. № 14. P. 685.

⁴⁴³ O'Shields R. Smart Contracts: Legal Agreements for the Blockchain // North Carolina Banking Institute. 2017. Vol. 21. Iss. 1. P. 177 – 194.

⁴⁴⁴ Арсланов К.М. Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? // Гражданское право. 2021. № 6. С. 18 – 23.

Кириллова и Т.Э. Зульфугарзаде дополняют эти основные признаки дополнительными, такими как прозрачность, автоматизация, безопасность, защищенность от мошенничества и экономическая эффективность⁴⁴⁵.

Е.В. Зайнутдинова выделяет два юридически значимых признака смарт-контракта, а именно: 1) автоматизированное исполнение такого договора и 2) заключение договора в форме программного кода (выступающей разновидностью письменной формы)⁴⁴⁶.

Как видно из указанных определений именно самоисполнимость смарт-контракта является наиболее общим признаком, встречающимся практически в каждой классификации. Как справедливо отмечает Р. Де Кара, именно самоисполнимость (программируемость) смарт-контракта и позволяет назвать такой договор «умным»⁴⁴⁷.

При этом данное свойство не следует абсолютизировать. Следует не согласиться с позицией Е.Д. Автоновой, что понятие умного договора выхолащивает значение концепта обязательственных отношений – обязанность должника в совершении действий и коррелирующее право требования кредитора по ст. 307 ГК РФ не имеют смысла: за стороны все сделает автоматизированная система⁴⁴⁸.

Представляется, что смарт-контракт не исполняет сам себя, но сами стороны соглашаются на исполнение договора с использованием программных средств.

При этом, как представляется, самоисполнимость (то есть способность соглашения быть заключенным и исполненным без вмешательства человека) не является единственным признаком смарт-контракта. В противном случае

⁴⁴⁵ Кириллова Е.А. Зульфугарзаде Т.Э. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 124 с. с. 14 – 15.

⁴⁴⁶ Зайнутдинова Е.В. дисс канд. юр. наук, с. 29.

⁴⁴⁷ De Cara R. The Legal Meaning of Smart Contracts // *European Review of Private Law*. 2018. Vol. 26. Iss. 6. P. 737.

⁴⁴⁸ Автонова Е.Д. Смарт-контракты в современном российском праве: возможности реализации технологии // *Плехановский барометр*. 2017. №4. С 25 – 28.

юридическая характеристика смарт-контракта сводилась бы исключительно к констатации его в качестве своеобразного способа исполнения обязательства из договора, что, как верно отмечает Е.В. Зайнутдинова, не в полной мере отражает все стороны правовой сущности «умного» договора⁴⁴⁹.

Следует также учесть, что самоисполнимость договора – явление не уникальное для гражданского оборота. Самоисполнимый договор может существовать не только в системе распределенного реестра.

Так, рядом исследователей отмечалось, что самоисполнимые договоры существуют как минимум с XIX века – с появлением первых вендинговых автоматов, как справедливо замечает Н. Сабо⁴⁵⁰. Действительно, автомат по продаже товаров можно считать самоисполнимым договором, когда в обмен на брошенную в автомат монетку, можно получить встречное предоставление автоматически, без участия человека со стороны продавца.

Кроме того, обеспечить самоисполнимость договора возможно на базе иного программного обеспечения, нежели система распределённого реестра, о чем, в частности, упоминает В.В. Уткин⁴⁵¹. Возможность существования таких соглашений, отмечается, в том числе, в принципах УНИДРУА⁴⁵².

Наконец В.О. Калятиным предложена ироничная концепция, в рамках которой смарт-контракты появились еще в Древнем Риме, где возможность заключения и исполнения договора могла быть возложена на раба, который не являлся субъектом права, а, следовательно договор заключался и исполнялся как-бы сам собой без участия правосубъектных лиц⁴⁵³.

Исходя из изложенного следует не согласиться с авторами, полагающими, что самоисполнимость является единственным признаком

⁴⁴⁹ Зайнутдинова Е.В. дисс канд. юр. наук, С. 26.

⁴⁵⁰ Szabo N. Szabo, The idea of Smart Contracts, 1997. URL: <http://szabo.best.vwh.net/idea.html>.

⁴⁵¹ Уткин В.В. Указ. соч. С. 94.

⁴⁵² Unidroit Principles of International Commercial Contracts 2016. UNIDROIT International Institute for the Unification of Private Law, Rome, 2016. P. 34.

⁴⁵³ Сделка с последствием: перспективы и риски применения смарт-контрактов в России // Российская газета. 2020. <https://rg.ru/2020/02/11/sdelka-s-posledstviem-perspektivy-i-riski-primeneniia-smart-kontraktov-v-rossii.html> (дата обращения: 14.11.2025)

смарт-контракта. Признание данного признака таковым привело бы, с одной стороны, к чрезмерно широкому пониманию смарт-контракта, а с другой, стороны, серьезно ограничило бы правовую характеристику одного.

Из вышесказанного следует, что смарт-контрактом следует признать не любой договор, обладающий признаком самоисполнимости, а договор, составленный с использованием определенных технических средств, таких как система распределенного реестра. Но почему технология в данном случае должна предопределять правовую сущность явления?

Как представляется, распределенный цифровой реестр в случае со смарт-контрактами является не только технической основой для такого договора, но и предопределяет некоторые из его правовых особенностей. Связано это с уже упомянутым ранее свойством распределенного реестра, а именно, неизменяемостью информации в блоках, являющихся элементами такого реестра.

Представляется важным отметить, что важным свойством смарт-контракта, предопределяемым распределенным цифровым реестром, в котором он функционирует, является то, что он опосредует передачу криптоактивов от одного лица к другому. Этот признак смарт-контракта не является основным, а является следствием функционирования смарт-контракта в системе распределенного реестра. Таким образом смарт-контракт опосредует передачу права собственности на криптоактив от одного лица к другому.

В литературе справедливо отмечается, что смарт-контракт описан на формальном языке – языке программирования, который одновременно делает этот договор строго определенным и обеспечивает самоисполнимость такого договора⁴⁵⁴. Формальность смарт-контракта означает, что он написан на языке

⁴⁵⁴ Künnapas K. From Bitcoin to Smart Contracts: Legal Revolution or Evolution from the Perspective of *de lege ferenda*? The Future of Law and eTechnologies. Springer International Publishing AG Switzerland, 2016. P. 126.

программирования, который не допускает двоякого толкования положений такого договора, о чем упоминает А.И. Савельев⁴⁵⁵.

При этом программируемость смарт-контракта не означает, что стороны такого договора находятся в неравном положении, при котором существует программист, определяющий условия договора, и другая сторона, принимающая такие условия «as is». Как верно отмечается исследователями программируемость смарт-контракта позволяет обоим сторонам договора влиять на его условия, собирая договор как «конструктор»⁴⁵⁶.

При этом, как представляется, формальность договора характерна и для договоров, заключаемых вне распределенного реестра. Возвращаясь к примеру с вендинговым автоматом видно, что покупка товара в таком автомате также представляет собой выполнение программы.

Как видится, когда на указанное условие наслаивается еще и система распределенного реестра, гарантирующая сохранность и достоверность вносимой информации, договор на базе такой системы становится не просто самоисполнимым, но и ненарушаемым, имеющим «нулевую толерантность к неисполнению»⁴⁵⁷.

М.А. Гармашев отмечает, что автоматическое исполнение смарт-контракта обеспечивает невозможность нарушения такого соглашения, а значит, отпадает и необходимость в применении принуждения к нарушителю условий договора⁴⁵⁸. Следует, однако, дополнить это утверждение тем замечанием, что невозможность нарушения смарт-контракта обеспечивается не любой технологией, а именно криптографическими технологиями, примером которой является технология распределенного реестра.

⁴⁵⁵ Савельев А.И. указ. соч. с. 97.

⁴⁵⁶ Идрисов И.Д. Правовые вопросы использования автоматизированных систем сообщений в электронной торговле // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 36. С. 53.

⁴⁵⁷ Filippi P.D., Wright A. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia // SSRN. 2015. P. 26. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2580664 (дата обращения: 28.01.2024)

⁴⁵⁸ Гармашев М.А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Legal Bulletin. 2023. № 2. С. 77 – 87.

Е.В. Зайнутдинова справедливо указывает, что технология распределенного реестра обеспечивает гарантированность такого исполнения договора⁴⁵⁹. И действительно, иной самоисполнимый договор, хотя бы и основанный на технологиях программирования, можно нарушить путем неправомерного поведения.

В вендинговый автомат, например, можно вложить фальшивые деньги и недобросовестно получить встречное предоставление. Программное обеспечение можно взломать и получить незаконный доступ к активам, составляющим предмет самоисполнимого договора. В системе распределенного реестра, в рамках которой происходит транзит криптоактивов, такое недобросовестное поведение нереализуемо. Единственный способ обмануть такую систему это использовать программные ошибки, такие как упомянутая ранее ошибка 51%, но технически такой взлом практически неосуществим.

Со свойствами распределенного цифрового реестра, обеспечивающими неизменяемость и неотменяемость записи связано и такое свойство смарт-контракта как неизменность или необратимость смарт-контракта. К.М. Арсланов отмечает, что неизменяемость является одним из основных свойств смарт-контракта⁴⁶⁰.

Данное свойство предполагает, что смарт-контракт после согласования всех условий и начала его выполнения не может быть изменен или обращен вспять. Точную характеристику неизменяемости смарт-контракта дают Е.А. Кириллова и Т.Э. Зульфугарзаде, отмечая, что «неизменяемость означает, что после добавления информации в существующую структуру данных ее нельзя изменить или удалить»⁴⁶¹. И.И. Василишин и А.П. Назинцева вовсе отмечают,

⁴⁵⁹ Зайнутдинова Е.В. дисс канд. юр. наук, С. 32.

⁴⁶⁰ Арсланов К.М. Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? // Гражданское право. 2021. № 6. С. 18 – 23.

⁴⁶¹ Е.А. Кириллова и Т.Э. Зульфугарзаде, указ. соч. С. 31.

что смарт-контракты разработаны таким образом, что в них не предусмотрены условия нарушения, расторжения⁴⁶².

Таким образом, стороны смарт-контракта избегают риска недобросовестного изменения его содержания. При этом следует согласиться с тем, что неизменность смарт-контракта не является абсолютной и возможна при определенных обстоятельствах.

Так, исследователями справедливо отмечается, что смарт-контракт может быть изменен в случае, если сама программа предполагает возможность изменения соглашения или предусматривает условия, при которых такое соглашение может быть изменено⁴⁶³. Кроме того, смарт-контракт может быть перезаключен. Заключение нового смарт-контракта, изменяющего предыдущий, является основным способом изменения такого соглашения⁴⁶⁴. В данном случае прежнее обязательство будет новировано новым обязательством на новых условиях.

Таким образом, изменение условий смарт-контракта в привычном виде возможно только в случае, если самой программой допустимо такое изменение. В противном случае любое изменение договора возможно только через его перезаключение.

Аналогичным образом свойство необратимости влияет и на прекращение смарт-контракта. Возможность остановить исполнение самоисполнимого договора в системе распределенного реестра у стороны будет исключительно в случае, если это предусмотрено самой программой⁴⁶⁵.

⁴⁶² Василишин И.И., Назинцева А.П. Смарт-контракт: отдельные проблемы определения и правовой регламентации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 1 (846). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-otdelnye-problemy-opredeleniya-i-pravovoy-reglamentatsii> (дата обращения: 18.01.2026).

⁴⁶³ Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Процессуальные аспекты использования смарт контрактов в гражданском обороте по праву России и зарубежных стран // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 247.

⁴⁶⁴ Pombejra B.N. The Rise of Blockchain: an Analysis of the Enforceability of Blockchain Smart Contracts. Thammasat University Faculty of Law. 2016. P. 24.

⁴⁶⁵ Вахабава М. Проблемы правовых последствий, порождаемых смарт-контрактами // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 22 – 30.

В случае если смарт-контракт не предусматривает возможности его прекращения, стороны не смогут прекратить правоотношения. Единственная возможность для сторон расторгнуть такой договор, как отмечает Е.В. Зайнутдинова, является заключение нового смарт-контракта, направленного на расторжение имеющегося⁴⁶⁶.

Однако, следует отметить, что подобный механизм не является расторжением договора в гражданско-правовом понимании, а представляет собой новую сделку, направленную на создание правовых последствий схожих с расторжением договора, а именно, на возврат сторонам всего полученного по такому договору. Так, в случае обмена одной криптовалюты на другую, расторжение такого смарт-контракта будет представлять собой обратную мену.

Е.В. Зайнутдинова также отмечает важную особенность, связанную с неизменяемостью смарт-контракта, а именно тот факт, что изменение или прекращение такого договора любым из возможных способов возможно только по соглашению сторон⁴⁶⁷. Таким образом исключается возможность «насильственного» изменения договора.

Так *clausula rebus sic stantibus* – правило, позволяющее изменить условия договора или прекратить договор в связи с существенным изменением обстоятельств (статья 451 ГК РФ) оказывается неприменимой в явном виде к смарт-контрактам. Сторона может потребовать изменения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, но если другая сторона договора на это не пойдет, то лицу придется обращаться в суд.

При этом суд может возложить на стороны обязанность по изменению условий смарт-контракта только в случае, если сама программа позволяет такое изменение осуществить⁴⁶⁸. В противном случае единственной опцией

⁴⁶⁶ Зайнутдинова Е.В. дисс канд. юр. наук, С. 161.

⁴⁶⁷ Зайнутдинова Е.В. дисс канд. юр. наук, С. 157.

⁴⁶⁸ Зайнутдинова Е.В. дисс канд. юр. наук, С. 158.

для суда будет обязать лица расторгнуть договор и заключить его на новых условиях, то есть фактически прекратить обязательство новацией. При этом текущее прочтение положений ГК РФ не предполагает возможности суда обязать стороны перезаключить договор.

Аналогичная проблема возникает при желании изменить или расторгнуть договор в связи с существенным его нарушением (пункт 2 статьи 450 ГК РФ).

Таким образом, широкое использование смарт-контрактов может потребовать внесения изменений в ГК РФ, направленные на установление возможности понуждения к изменению договора особым способом – путем перезаключения «умного» договора.

При этом, как представляется, свойства распределенного реестра, обеспечивающие самоисполнимость, неизменяемость и необратимость смарт-контракта, не являются суррогатом правовых принципов договорного оборота и не должны подменять их. Следует не согласиться с исследователями, считающими, что применительно к смарт-контракту отсутствует принцип добросовестности. Напротив, справедливым выглядит утверждение А.А. Волоса и К. Кужановой, что принцип добросовестности сохраняет свое действие в отношении смарт-контракта и позволяет восполнить противоречия между условиями договора, изложенными в человекочитаемом виде и их программным выражением⁴⁶⁹.

С использованием системы распределённого реестра связаны и иные дополнительные признаки смарт-контрактов, такие как децентрализованность и одноранговость, предполагающие заключение договора между участниками сети без привлечения посредников. Как будет показано далее, участие посредника возможно, в том числе, в системе распределенного реестра, но его

⁴⁶⁹ Волос А.А. Кужанова К. Смарт-контракты: юридическая интерпретация поведения сторон в свете принципа добросовестности // Закон. 2024. №9. С. 162 – 169.

участие не является необходимым для совершения простейших сделок по передаче криптоактивов внутри системы.

Безопасность и защищенность смарт-контрактов от мошенничества как свойства смарт-контрактов неоспорны. С одной стороны, следует согласиться с Е.А. Кирилловой и Т.Э. Зульфугарадзе, что поскольку в основе смарт-контрактов и распределенного реестра лежат криптографические методы защиты информации, они обеспечивают надежное хранение данных и препятствуют несанкционированному доступу третьих лиц к такой информации⁴⁷⁰. Верно и то, что система распределенного реестра, для которой характерно децентрализованное хранение данных, обеспечивает их сохранность и защищенность от удаления.

С другой стороны, технология распределенных реестров сама по себе не обеспечивает полную защиту участников от неправомерных действий, что отмечает, в частности, Р.В. Безуглов⁴⁷¹. Более того, представляется, что вышеупомянутые свойства необратимости и неотменяемости смарт-контрактов могут стать эффективным орудием для мошенников и иных недобросовестных участников оборота.

Верно и то, что смарт-контрактам свойственны и технические уязвимости, к которым помимо уже упомянутой ошибки 51% относятся и иные технологические риски. Так, А.А. Карцхия справедливо указывает на риски безопасности распределенных реестров, исходящие от развивающихся технологий квантовых вычислений, благодаря которым может появиться возможность взламывать системы распределенных реестров и перемещать криптоактивы помимо воли обладателей⁴⁷². Ответ на этот вызов может

⁴⁷⁰ Кириллова, Т.Э Зульфугарадзе указ. соч. С. 15.

⁴⁷¹ Безуглов Р.В. Конвергентный подход к технологии блокчейн и криптовалютам: проблемы правового регулирования. Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография М. Юстицинформ, 2023. 672 с.

⁴⁷² Карцхия А.А. Новые горизонты ИТ и инноваций: корпоративный аспект // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2025. № 5. С. 25–33.

потребовать существенного технологического усовершенствования существующих систем.

Таким образом, безопасность данных при осуществлении смарт-контрактов можно считать преимуществом данной технологии, но ни в коем случае нельзя считать имманентно присущим им свойством.

В связи с изложенным, следует признать, что двумя определяющими для права характеристиками смарт-контрактов являются, во-первых, их функционирование в рамках системы распределенного реестра. Данное свойство является основным и предопределяет предмет таких соглашений – криптоактивы и детерминирует такие свойства смарт-контрактов, как необратимость, ненарушаемость, защищенность данных. При этом второе важное свойство – самоисполнимость или программируемость не обусловлено первым и может быть достигнуто с помощью иных технологических средств. Таким образом, не следует относить к смарт-контрактам, называемые в таком качестве программируемые договоры, предметом которых являются цифровые рубли, поскольку такие договоры не связаны с распределенным цифровым реестром и из вышеназванных свойств обладают лишь свойством самоисполнимости, что следует из определения, данного в концепции, предложенной Банком России⁴⁷³.

Только совокупность обоих свойств позволяет отличить смарт-контракт от иных соглашений, возникающих в распределенном реестре по поводу криптоактивов и иных самоисполнимых (программируемых) договоров.

Вывод:

Смарт-контракт, несмотря на то, что представляет собой компьютерную программу (программный код), является явлением не только техническим, но

⁴⁷³ Концепция платформы коммерческих смарт-контрактов опубликована на официальном сайте Банка России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=32630&ysclid=mt1ur41r33387919985> (дата обращения 20.07.2026).

и правовым, поскольку влечет за собой передачу криптоактивов, являющихся объектами гражданских прав.

Несмотря на довольно длительную историю применения смарт-контрактов, общепринятого понятия данного явления в юридической науке так и не появилось. Как видится, такое определение может быть сформулировано при выявлении признаков смарт-контрактов.

Выделяемые в юридической науке признаки смарт-контрактов в различных исследованиях разнятся, при этом, важнейшими для правовой квалификации признаками смарт-контрактов являются его самоисполнимость и функционирование в рамках системы распределенного цифрового реестра.

При этом эти два признака присущи смарт-контракту в совокупности, что позволяет отличить такое соглашение от иных самоисполнимых договоров, использующих иные технологии и, как следствие, не обладающими свойствами необратимости и неизменяемости, свойственными смарт-контрактам. В свою очередь свойство самоисполнимости позволяет отличить смарт-контракт от иных транзакций в распределенном цифровом реестре.

Таким образом смарт-контракт можно определить как соглашение, заключаемое с помощью технологии распределенного цифрового реестра, предполагающее автоматическое исполнение его условий и, если иное не предусмотрено программой, неизменность и необратимость этих условий. Определив основные признаки смарт-контракта, становится возможным определить и его правовой режим.

§ 2. Правовой режим смарт-контракта

Как видится, правовая природа содержания смарт-контракта (а не его формы как программы для ЭВМ) лежит в плоскости договорного права. Следует согласиться с А.А Карцхией, что в смарт-контракте предметом, так же, как и в классическом договоре, выступают товары или услуги, стороны,

закрывающие смарт-контракт, выражают согласие выполнить условие контракта, стороны имеют права и обязанности⁴⁷⁴.

Технические свойства смарт-контракта при этом, как видится, не противоречат договорной сущности этого явления. Так, Е.В. Зайнутдинова справедливо указывает, что самоисполнимость не означает, что стороны смарт-контракта бездействуют и вынесены за пределы договорных отношений. Стороны выражают согласие на исполнение обязательства с использованием компьютерной программы, и посредством их заранее выраженного согласия осуществляется исполнение смарт-контракта (как договора) в блокчейне. При этом именно стороны определяют обстоятельства, по наступлении которых происходит исполнение смарт-контракта⁴⁷⁵.

Вместе с тем, взгляды исследователей на правовую природу смарт-контрактов могут быть самыми различными. Наиболее дискуссионным вопросом, касающимся правовой природы смарт-контракта, является вопрос о том, является ли смарт-контракт договором сам по себе или является лишь техническим способом исполнения договорного обязательства.

Подход, относящий смарт-контракт к способам исполнения обязательств, представляется обоснованным, поскольку ключевой особенностью смарт-контракта является его исполнение, а именно самоисполнение, что отмечалось ранее.

При этом данная позиция часто рассматривается с позиций правового нигилизма. Так, авторами, которые стараются подчеркнуть, что смарт-контракт не является договором в гражданско-правовом смысле, а представляет собой только компьютерную программу (код), часто высказывается идея о том, что смарт-контракт — это программа, направленная на исполнение договора.

⁴⁷⁴ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 34.

⁴⁷⁵ Зайнутдинова Е.В. дисс. канд. юр. наук. С. 19.

Указанный подход был впервые озвучен еще «отцом» смарт-контрактов Н. Сабо, указывавшем, что смарт-контракт является компьютерной программой, осуществляющей исполнение контракта⁴⁷⁶.

М. Мекки отмечает, что смарт-контракт не является договором, но представляет собой компьютерную программу, которая автоматизирует обстоятельства⁴⁷⁷. Схожей позиции придерживается и Дж. Клейн⁴⁷⁸.

Указанная позиция озвучивается и в диссертационном исследовании В.М. Камалаяна. Автор отмечает, что смарт-контракт представляет собой лишь способ исполнения договора, в то время как сам договор заключается на бумаге или в электронной форме⁴⁷⁹.

Данные позиции представляются спорными ввиду того, что несправедливо разделяют договор и способ его исполнения. Безусловно смарт-контракт предполагает особый способ исполнения договора при помощи компьютерной программы, но при этом представляется верным, что такая компьютерная программа является договором сама по себе, будучи, как было установлено из определения смарт-контракта ранее, соглашением сторон, порождающим взаимные права и обязанности.

В данном контексте интересна классификация смарт-контрактов, предложенная коллективом исследователей, подразделившими смарт-контракты на внешние, в рамках которых существует некий человекочитаемый договор, поверх которого наслаивается программа, исполняющая договор и внутренние, в рамках которой договор или прямо выражен в форме программного кода или напрямую связан с программой, представляя собой front-end этой программы⁴⁸⁰. Схожая классификация

⁴⁷⁶ Szabo Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets . Available at: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения 04.02.2026)

⁴⁷⁷ Mekki M. (2018) The contract, the subject of smart contracts Dalloz IT/IP, no 7–8, pp. 409–417.

⁴⁷⁸ Klein J. (2019) Rethink the contract in the digital age Journal of PO science jurists, no 6, pp. 68–75.

⁴⁷⁹ Камалаян В.М. Правовые особенности заключения и исполнения банковских договоров в цифровой экономике автореф. дисс. канд. юр. наук С. 17.

⁴⁸⁰ Гринь О.С. Гринь Е.С. Гринь Олег Сергеевич, Гринь Елена Сергеевна, Соловьев Александр Владимирович Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. №8

представляется со ссылкой на немецкоязычную доктрину Д.В. Федоровым⁴⁸¹. В рамках данной классификации внешний смарт-контракт рассматривается в качестве не договора, но технического способа исполнения обязательства.

При этом, как отмечает В.М. Камалян, смарт-контракт в любом случае не может являться гражданско-правовым договором ввиду невозможности выражения условий договора в нечеловекочитаемой форме⁴⁸².

Следует не согласиться с данной позицией ввиду того, что смарт-контракт даже будучи компьютерной программой имеет все признаки договора, а именно, является двух или многосторонней сделкой (договор-сделка), порождающей взаимные права и обязанности (договор-правоотношение)⁴⁸³. Именно в результате работы компьютерной программы – смарт-контракта возможна передача криптоактива от одного лица к другому. При этом воля сторон на совершение этой сделки выражается в форме «щелчка мыши»⁴⁸⁴.

Тезис о невозможности договора в нечеловекочитаемой форме также является спорным. Любой программный код направлен на выполнение машиной команд, излагаемых человеком. Таким образом любая программа может быть «переведена» в человекочитаемую форму путем вычленения ее функций⁴⁸⁵.

Тот факт, что «перевести» код в человекочитаемый вид может только профессионал – программист не должно быть препятствием для возможности существования договоров в такой форме. Самые обычные договоры зачастую

(153). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-konstruktsiya-smart-kontrakta-yuridicheskaya-priroda-i-sfera-primeneniya> (дата обращения: 28.02.2026).

⁴⁸¹ Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

⁴⁸² Камалян В.М. Правовые особенности заключения и исполнения банковских договоров в цифровой экономике автореф. дисс. канд. юр. наук С. 17

⁴⁸³ Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 4-е изд. - Москва: Статут, 2020. С. 11–12.

⁴⁸⁴ Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 96 – 119.

⁴⁸⁵ Buchleitner C., Rabl T. Blockchain und Smart Contracts. Revolution oder alter Wein im digitalen Schlauch? // Ecolx. 2017. № 1. P. 9.

сложно назвать в полной мере «человекочитаемыми». Как справедливо отмечает А.И. Савельев, очень небольшое число людей вообще читает многочисленные пользовательские соглашения ввиду их сложности⁴⁸⁶. При этом тот факт, что для толкования условий многих классических договоров зачастую нужен профессиональный юрист, а в случае составления договора на иностранном языке еще и переводчик, не говорит о невозможности существования таких договоров.

Таким образом, определение условий смарт-контракта, пусть и существующего лишь в форме компьютерного кода, охватывается понятием толкования условий договора и не препятствует его квалификации в качестве договора.

Отдельным аргументом в пользу возможности квалификации смарт-контракта в качестве договора является и то, что как справедливо отмечают Ю.С. Харитонов и Л.В. Санникова, предметом таких договоров являются криптоактивы, существующие исключительно в цифровой форме, таким образом, форма компьютерной программы является наиболее естественной формой соглашения, возникающего по поводу таких объектов⁴⁸⁷.

Как следствие, в случае с «внешним» смарт-контрактом, договором может считаться «человекочитаемый» договор, который в таком случае должен считаться предварительным договором в значении статьи 429 ГК РФ, а смарт-контракт будет являться основным договором с условиями, оговоренными в предварительном договоре, выраженные в форме программного кода.

В случае с «внутренним смарт-контрактом» деления на предварительный и основной договор нет. Смарт-контракт представляет собой единственный договор. В противном случае пришлось бы признать, что

⁴⁸⁶ Савельев А.И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях. Закон. 2018. № 5. С. 122 – 144.

⁴⁸⁷ Санникова Л.В. Харитонов Ю.С. указ. соч. с. 231

исполнение обязательства существует само по себе без договора, поскольку иного основания возникновения обязательства из смарт-контракта кроме самой компьютерной программы просто нет.

Таким образом следует согласиться с Л.Г. Ефимовой, что смарт-контракт одновременно имеет и черты традиционного договора и технического способа его заключения, исполнения и прекращения⁴⁸⁸.

При этом справедливо и то, что само по себе исполнение обязательства не лишено правового содержания. М.И. Брагинский справедливо указывал, что исполнение обязательства представляет собой совершение действий (воздержание от действий) в натуре⁴⁸⁹, таким образом рассматривая смарт-контракт в качестве способа исполнения договора, мы фактически отдаем ему роль фактического действия.

Исполнение обязательства представляет собой юридическое действие (в зависимости от квалификации сделку или юридический поступок)⁴⁹⁰. При этом, как верно отмечается в литературе, юридическое действие – независимо от квалификации осуществляется субъектом права – лицом, выражающим волю на исполнение обязательства⁴⁹¹.

При этом самоисполнимость смарт-контракта предполагает, на первый взгляд, отсутствие действий лиц, направленных на достижение нужного правового эффекта. Это следует и из абзаца 2 статьи 309 ГК РФ, предусматривающего, что условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства

⁴⁸⁸ Ефимова Л.Г., Михеева И.В., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78 - 105

⁴⁸⁹ Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 4-е изд. - Москва: Статут, 2020. с. 403

⁴⁹⁰ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с., Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права // Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 213.

⁴⁹¹ Толстой В.С. Исполнение обязательств. М.: Юридическая литература, 1973. С. 12.

отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки.

Разрешая данный вопрос следует согласиться с исследователями, утверждающими, что смарт-контракт все-же можно считать способом исполнения обязательств, воля на который выражена сторонами такого соглашения при его заключении.

Так, Е.В. Зайнутдинова предполагает, что воля лиц на использование смарт-контракта выражается в форме заранее выраженного согласия лиц на самоисполнение в том числе и на неизменяемость и необратимость договора. Согласие выражается при заключении смарт-контракта посредством конклюдентных действий⁴⁹².

Е. Д. Суворов предлагает несколько иной подход, в соответствии с которым воля на исполнение договора совпадает с волей на его заключение. При этом заключение договора и передача криптоактива в рамках смарт-контракта рассматриваются как единое действие, тем самым классический смарт-контракт, предполагающий передачу криптоактива от одного лица другому, рассматривается как реальный договор купли-продажи⁴⁹³. Данное утверждение следует дополнить тем, что в случае, если встречным предоставлением по смарт-контракту являются не деньги, а иные цифровые активы, такой договор следует считать договором мены.

При этом, по мнению автора, такой договор считается исполненным при выбытии цифрового актива с кошелька должника по его воле, дальнейшее перемещение актива внутри смарт-контракта уже не считается исполнением⁴⁹⁴.

⁴⁹² Зайнутдинова Е.В. дисс. канд. юр. наук. С. 141

⁴⁹³ Суворов Е.Д. К вопросу о месте цифровых технологий в рамках института исполнения обязательств // Закон. 2020. № 8. С. 111 – 124.

⁴⁹⁴ Суворов Е.Д. указ. соч. с. 116

Акцент на способ исполнения договора, как ключевую правовую характеристику смарт-контракта, делают и некоторые другие авторы⁴⁹⁵.

Подавляющее большинство исследователей при этом единодушны в понимании того, что смарт-контракт не является самостоятельным видом договора ввиду того, что в форме смарт-контракта могут существовать сделки различных видов.

При рассмотрении смарт-контракта в договорно-правовом аспекте также можно выявить несколько направлений. Так, часть исследователей рассматривает смарт-контракт в качестве договора в электронной форме, подобного тем, которые заключаются с применением электронной цифровой подписи.

Одной из наиболее распространенных точек зрения на правовую природу смарт-контракта является отнесение его к разновидностям электронной формы договора, аналогичного простой письменной форме. Так, Е.Ю. Матвеева указывает, что смарт-контракт не является какой-либо новой правовой конструкцией, а представляет собой простую письменную форму сделки с использованием электронных средств⁴⁹⁶.

Схожую позицию занимают Е.М. Фомина и А.Е. Коптенков, отмечая, что смарт-контракт является электронной формой выражения гражданско-правового договора, составленного в соответствии с требованиями законодательства и размещенного в распределенном реестре в виде кода на языке программирования⁴⁹⁷. А.А. Волос также отмечает, что смарт-контракт

⁴⁹⁵ Захаркина А.В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 1(47). С. 78 - 79.

⁴⁹⁶ Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 6. С. 97 - 104

⁴⁹⁷ Фомина Е.М., Коптенков А.Е. Гражданско-правовая характеристика «смарт-контрактов» // Энигма. 2021. № 31. С. 44.

представляет собой форму договора, а именно электронную форму с использованием программного кода⁴⁹⁸.

Утверждение о том, что смарт-контракт представляет собой форму сделки, представляется справедливым, учитывая, что форма сделки является способом выражения воли сторон на заключение договора⁴⁹⁹.

Отнесение смарт-контракта к разновидности письменной формы сделки подтверждается в том числе и положениями законодательства. Так положения ГК РФ об особенностях письменной формы сделки могут распространяться на смарт-контракты. Так, пункт 1 статьи 160 ГК РФ «Письменная форма сделки» определяет, что письменная форма считается соблюденной при совершении сделки с помощью электронных либо иных технических средств.

При этом следует не согласиться с теми авторами, которые утверждают, что смарт-контракт представляет собой именно сделку в электронной форме.

Следует исходить из различия электронной формы документа, которая представляет собой человекочитаемый документ, воспринимаемый с помощью компьютера, но который может быть перенесен в аналоговый формат, и документа в цифровой форме, который представляет собой машиночитаемый программный код (двоичную форму), который не может существовать в иной форме, нежели цифровой и создающий правовые последствия только в цифровой среде⁵⁰⁰.

М.А. Шапиро справедливо отмечает, что содержание смарт-контракта закодировано в алгоритмах. И действительно, не являющиеся

⁴⁹⁸ Волос А.А. Юридическая квалификация смарт-контрактов // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: Теория и практика: Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2019. С. 23.

⁴⁹⁹ Злобин А.Н. Гражданское право РФ в схемах и ответах // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. Т. 14. № 1. С. 42 - 46.

⁵⁰⁰ Об этом, в частности, Санникова Л.В. Харитоновна Ю.С., Цифровые активы: правовой анализ Монография, М., 2020 с.17

программистами стороны смарт-контракта не могут должным образом понять смысл алгоритмов, в которых отображены условия соглашения⁵⁰¹.

К аналогичным выводам приходят, в частности М.А. Бажина и Е.П. Щекочихина, говоря, что понятие электронного документа, закрепленное в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», не может рассматриваться в качестве необходимой основы для разработки правового регулирования применения смарт-контрактов ввиду различий между понятиями цифровой и электронной формы⁵⁰².

Таким образом смарт-контракт следует считать не просто инструментом электронного документооборота, а специфическим способом совершения сделки – цифровым или совершением сделки посредством компьютерной программы. Об этом, в частности, упоминает Л.А. Новоселова, отмечая, что смарт-контракт представляет собой особенную форму оформления и реализации сделок⁵⁰³.

При этом, как представляется, появление цифровой формы совершения сделок не потребует внесения изменений в ГК РФ, в части формы сделок. Следует не согласиться с исследователями, полагающими, что смарт-контракт является новой формой сделки наряду с устной, простой письменной и нотариальной⁵⁰⁴.

М.И. Брагинский определял цель соблюдения письменной формы сделки в обеспечении большей определенности сделки и минимизации оснований для будущих споров⁵⁰⁵. Из этого можно сделать вывод, что разграничение форм сделки в зависимости от цели должно проводиться по

⁵⁰¹ Шапиро М.А. Применение смарт-контракта и его правовое регулирование // Столыпинский вестник. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-smart-kontrakta-i-ego-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 24.12.2025)

⁵⁰² Бажина М.А., Щекочихина Е.П. Правовые предпосылки применения смарт-контрактов // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. 2024. Т. 11429. № 2. С. 94 - 101.

⁵⁰³ Новоселова Л. "Токенизация" объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12 (491). С. 29 - 44.

⁵⁰⁴ Гармашев М.А. Указ. соч. С. 80.

⁵⁰⁵ Брагинский М.И., Витрянский В.В., Договорное право. Книга первая: общие положения, М. 2011, С. 341.

степени защищенности сторон такой сделки и простоты доказательства наличия и содержания сделки.

Безусловно криптографические технологии, лежащие в основе системы распределенных цифровых реестров обеспечивают достаточную защищенность сделок с криптоактивами в рамках смарт-контракта. Но, как представляется, эта защищенность не позволяет сделать вывод о том, что смарт-контракт является альтернативой более защищенным формам сделок, например, нотариальной форме или тем более не является альтернативой государственной регистрации сделок.

Как было установлено ранее, система распределенного цифрового реестра не гарантирует полной безопасности совершаемой сделки и подвержена ошибкам, а, следовательно, не гарантирует полной сохранности данных.

Кроме того, технологии криптографии, обеспечивающие защищенность транзакции, являются не уникальным явлением для смарт-контрактов. Так, в основе усиленной электронной подписи также лежат криптографические технологии, что делает надежность смарт-контракта, как минимум, сопоставимой с документом, подписанным усиленной электронной подписью.

При этом в случае электронной подписи государство в лице федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности берет на себя ответственность за проверку криптографических протоколов (исходя из пп. 4, 5 п. ст. 8 Федерального закона № 63-ФЗ)⁵⁰⁶. В случае с распределенными цифровыми реестрами такого одобрения государством криптографической технологии не происходит.

Как видится, смарт-контракты, в случае если конкретные технические решения будут одобрены уполномоченным государственным органом, могут стать аналогичны соглашениям, заключенным с использованием усиленной

⁵⁰⁶ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // «Российская газета», № 75, 08.04.2011.

электронной подписи там, где наличие такой подписи сейчас обязательно, например, для участия в государственных закупках по Федеральному закону № 44-ФЗ⁵⁰⁷.

В первую очередь подобное государственное признание возможно для смарт-контрактов, функционирующих в частных распределенных реестрах, администратор которых может быть поднадзорен государству.

Таким образом, как справедливо отмечается в литературе, сделка в электронной форме, с точки зрения гражданского права, не представляет собой новой формы сделки, а является разновидностью письменной формы сделки⁵⁰⁸. Аналогичным образом цифровая форма сделки должна считаться разновидностью простой письменной формы. При этом преимущества технологии распределенных реестров способны сделать смарт-контракт альтернативой письменным договорам с повышенной степенью защищенности.

Популярной среди исследователей является точка зрения об отнесении смарт-контрактов к способам обеспечения исполнения обязательств.

В качестве способа обеспечения исполнения обязательств смарт-контракт определяют и правила некоторых операторов информационной системы, осуществляющих выпуск ЦФА. Так, правилами платформы Атомайз под смарт-контрактом понимается программное средство, которое обеспечивает исполнение обязательств по любым сделкам, связанным с любыми видами цифровых прав, а также обязательств, возникающих в связи с признанием выпуска цифровых прав несостоявшимся⁵⁰⁹.

Отнесение смарт-контрактов к способам обеспечения исполнения обязательств поднимает вопрос о понятии способа обеспечения исполнения

⁵⁰⁷ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Российская газета № 80 от 12.04.2013.

⁵⁰⁸ Матвеева Е.Ю. Указ. соч., с. 101

⁵⁰⁹ Официальный сайт Банка России URL: <https://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/98365/1912> (дата обращения: 18.01.2026).

обязательств и о возможности говорить о таких способах в узком и в широком смысле.

Так, способ обеспечения исполнения обязательства в узком смысле предполагает наличие некоего права, которое кредитор может реализовать в случае нарушения должником основного обязательства⁵¹⁰. Таким образом, способ обеспечения предполагает наличие отдельного обеспечительного обязательства чаще всего акцессорного по отношению к основному обязательству⁵¹¹.

Такое понимание способа обеспечения исполнения обязательств рассматривается Б.М. Гонгало. Автор указывает, что способ обеспечения исполнения обязательств имеет своей единственной целью сделать так, чтобы обязательство было исполнено надлежащим образом, что отличает их от иных мер, направленных на исполнение обязательств и защиту интересов управомоченного лица, но имеющих иную основную функцию⁵¹².

Данный подход к понятию способа обеспечения исполнения обязательств встречается и в советской доктрине⁵¹³ и воспринимается в юридической литературе как господствующий⁵¹⁴.

В соответствии с указанным подходом смарт-контракт безусловно не может считаться способом обеспечения исполнения обязательств ввиду того, что не создает отдельного от основного обязательства, направленного на то, чтобы основное обязательство было исполнено надлежащим образом⁵¹⁵.

Об этом, в частности говорят О.С. Гринь, Е.С. Гринь и А.В. Соловьев, отмечая неопределенность того, что именно, в случае со смарт-контрактом

⁵¹⁰ Вебер Х. Обеспечение обязательств (Kreditsicherungsrecht)/ пер. Ю.М. Алексеева, О.М. Иванова М. 2009, с. 7.

⁵¹¹ Гринь О.С. Основные подходы к пониманию способов обеспечения исполнения обязательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 10. С. 44 - 51.

⁵¹² Гонгало Б.М. Обеспечение исполнения обязательств. М. Спарк, 1999 С. 59

⁵¹³ Советское гражданское право: Учебник. В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. В.А. Рясенцева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1986. С. 493

⁵¹⁴ Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. СПС Консультант Плюс, С. 20

⁵¹⁵ Гринь О.С. указ.соч. С. 44 - 51.

можно будет считать обеспечительным обязательством, а что основным для целей применения норм ст. 329 ГК РФ⁵¹⁶.

При этом определение обеспечения исполнения обязательства в широком смысле слова исходит из расширительного понимания функционального подхода, в соответствии с которым способом обеспечения обязательства считается мера, направленная на выполнение определенных функций, а именно стимулирующей и защитной⁵¹⁷.

Способом обеспечения исполнения обязательств в широком смысле, таким образом, будет любая мера, направленная на стимулирование должника к исполнению обязательств и защищающая кредитора от такого неисполнения вне зависимости от того, являются ли эти функции единственными присущими такой мере и от того, возникает ли при реализации такой меры факультативное обязательство.

Указанный подход, по мнению исследователей позволяет относить к способам обеспечения исполнения обязательств такие явления как расчеты по аккредитиву и договор условного депонирования (эскроу)⁵¹⁸.

При таком подходе смарт-контракт также можно считать способом обеспечения исполнения обязательств.

Обеспечительная функция смарт-контракта выделяется, в частности, Л.Г. Ефимовой и О. Б. Сиземовой. Авторами отмечается, что техническая сущность смарт-контракта, а именно его необратимость и неизменяемость, является новым для гражданского права способом обеспечения исполнения обязательств⁵¹⁹.

⁵¹⁶ Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8. С. 51 - 62.

⁵¹⁷ Брагинский Витрянский, указ. соч. с. 462- 465

⁵¹⁸ Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев указ. соч. С. 59.

⁵¹⁹ Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23 – 30.

Об обеспечительном характере смарт-контракта говорят и А.А. Волос, и К. Кужанова, также указывая на технические особенности смарт-контракта⁵²⁰. Схожей позиции придерживается А.Ю. Чурилов⁵²¹.

К непоименованным способам обеспечения исполнения обязательств смарт-контракт относит Е.Е. Богданова, отмечая, что смарт-контракт является способом исполнения лишь тех обязательств, в которых передача имущественного предоставления происходит в виртуальном мире⁵²².

Технические свойства смарт-контракта действительно определяют его обеспечительные функции. Так, самоисполнимость направлена на надлежащее исполнение обязательства и устранение из него «человеческого фактора», что является своеобразной заменой стимулирующей функции обеспечения исполнения обязательств. В свою очередь неизменяемость и необратимость смарт-контракта имеет защитную функцию, предупреждая возможное нарушение обязательства.

При этом следует согласиться с авторами, указывающими на риски «абсолютизации» функционального подхода к обеспечению обязательств, связанных с размытием понятия «способ обеспечения исполнения обязательств»⁵²³.

Авторами предлагается разделять способы обеспечения исполнения обязательств, к которым относятся только способы обеспечения в узком смысле, и обеспечительные меры, функционально схожие с такими способами, но имеющими дополнительные функции или не представляющие собой отдельного обязательства.

Применительно к смарт-контракту отсутствие обеспечительного акцессорного обязательства отмечает А.В. Захаркина, при этом указывая, что

⁵²⁰ Волос А.А., Кужанова К. Смарт-контракты: юридическая интерпретация поведения сторон в свете принципа добросовестности // Закон. 2024. № 9. С. 162 – 169.

⁵²¹ Чурилов А.Ю. К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта // Юрист. 2020. № 7. С. 25 – 30.

⁵²² Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. № 7. С. 108 – 118.

⁵²³ Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. указ. соч. с. 51 – 62.

смарт-контракт обладает обеспечительной функцией ввиду его технологических особенностей⁵²⁴.

Возможность отнесения смарт-контрактов к обеспечительным мерам отмечает и Е.В. Зайнутдинова⁵²⁵.

Об обеспечительном характере смарт-контракта упоминают также Ю.С. Харитонова и Л.В. Санникова, сравнивая смарт-контракт с упоминаемыми ранее договором эскроу и аккредитивами⁵²⁶.

Как видится, понятие способа обеспечения обязательства можно применять к смарт-контрактам только в случае рассмотрения этого понятия в широком смысле, при котором оно будет включать в себя не только традиционные способы обеспечения, но и иные обеспечительные меры, к которым может относиться и смарт-контракт.

Отдельного внимания заслуживает позиция, что смарт-контракт с точки зрения договорного права представляет собой специальную договорную конструкцию. Понятие специальной договорной конструкции отсутствует в действующем российском законодательстве, при этом многократно встречается в доктрине. К специальным договорным конструкциям, в частности, относятся договор присоединения, рамочный договор, публичный договор и т.д.

По мнению О.С. Юренковой специальная договорная конструкция обобщает признаки отдельных договоров, закрепляя специальные требования к их субъектному составу и содержанию, процедурам их заключения и (или) исполнения, а также расторжения⁵²⁷. Специальная договорная конструкция

⁵²⁴ Захаркина А.В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 1. С. 66 – 82.

⁵²⁵ Зайнутдинова Е.В. дисс. канд. юр. наук. С. 28

⁵²⁶ Санникова Л.В. Харитонова Ю.С. указ. соч. С.233.

⁵²⁷ Юренкова О.С. Специальные договорные конструкции о предоставлении субъективного права требования заключения и исполнения гражданско-правовых договоров в будущем: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 11.

является оболочкой для договоров различного вида формируя общие основы регулирования.

П.А. Меныленин указывает, что специальная договорная конструкция не образует самостоятельный договорный вид (род), но представляет собой специальный правовой режим гражданско-правовых договоров практически любого вида (рода)⁵²⁸.

Схожего мнения придерживается В.В. Витрянский, указывая, что совокупность норм, регулирующих специальную договорную конструкцию, применима практически к любым видам гражданско-правовых договоров⁵²⁹. Автор также указывает, что договор, подпадающий по набору известных признаков под правовую модель той или иной специальной договорной конструкции, подчиняется одновременно нормам, регулирующим конкретный вид договора, и нормам, регулирующим специальную договорную конструкцию⁵³⁰.

Наиболее точно функции специальных договорных конструкций охарактеризовала Е.Ю. Матвеева, отмечая, что функционал специальных договорных конструкций заключается в наделении основного договора теми или иными специальными характеристиками и условиями⁵³¹.

Впервые отнесение смарт-контрактов к специальным договорным конструкциям предлагают в своей работе Л.Г. Ефимова и О.Б. Сизимова, отмечая, что специальные договорные конструкции отражают особенности заключения или специальные правовые последствия любого гражданско-правового договора, если он отвечает указанным законом признакам. При этом признаки смарт-контракта как специальной договорной конструкции, по

⁵²⁸ Меныленин П.А. Предварительный договор в российском гражданском праве: автореф. дис. ...канд. юр. наук. М., 2011. С. 28.

⁵²⁹ Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.

⁵³⁰ Витрянский В.В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 55–59.

⁵³¹ Матвеева Е.Ю. Специальные договорные конструкции – дефинитивное определение // Юридическая наука. 2022. №5. С. 69 – 76.

мнению авторов, является форма смарт-контракта, особенность заключения такого соглашения, особенность его исполнения и предмет – криптоактив⁵³².

Данную позицию разделяют многие отечественные исследователи, в частности О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьев⁵³³, А.В. Серкина, О.В. Борисова⁵³⁴, Е.В. Зайнутдинова⁵³⁵ и некоторые другие исследователи.

При этом существует и противоположенная позиция, в рамках которой отнесение смарт-контрактов к специальным договорным конструкциям недопустимо. Так Е.Ю. Матвеева указывает, что специальные договорные конструкции — это правовые феномены, применение которых налагает на стороны законодательно установленные дополнительные обязанности или предоставляющие сторонам дополнительные права. При этом законом не установлены какие-либо правовые особенности применения смарт-контрактов, которые бы такие права и обязанности устанавливали⁵³⁶.

Данный подход представляется обоснованным, при этом следует отметить, что ГК РФ уже содержит норму, регулирующую смарт-контракт, а именно уже упомянутая в настоящей работе статья 309 ГК РФ, при этом данная статья не налагает никаких дополнительных прав и обязанностей на стороны смарт-контракта. С другой стороны, ранее в настоящей работе указывались и другие положения ГК РФ, в которые необходимо внести изменения, связанные с работой смарт-контрактов, в первую очередь, в части изменения и прекращения смарт-контракта.

В случае имплементации таких норм в законодательство можно будет полноценно говорить о смарт-контракте, как о специальной договорной конструкции, пока таких изменений нет, говорить об этом, как справедливо

⁵³² Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23–30.

⁵³³ Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. указ. соч. С. 60.

⁵³⁴ Серкина А.В., Борисова О.В. Смарт-контракт: юридическая природа и сфера его применения // Студенческие научные исследования: Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. В 2 частях (Пенза, 20 мая 2022 года). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 99.

⁵³⁵ Зайнутдинова Е.В. дисс. канд. юр. наук. С. 71

⁵³⁶ Матвеева Е.Ю. указ. соч. С. 72

отмечает А.Я. Ахмедов, можно говорить лишь с определенной долей условности⁵³⁷.

Вывод:

В результате рассмотрения различных подходов к правовому режиму смарт-контракта можно сделать вывод о том, что смарт-контракт представляет собой комплексное, многоаспектное правовое явление. Интегративный подход к пониманию смарт-контракта должен учитывать, различные правовые характеристики смарт-контракта. Такая многоаспектность смарт-контрактов отмечается и некоторыми исследователями⁵³⁸.

Смарт-контракт представляет собой компьютерную программу (программный код), служащую для автоматизации передачи криптоактивов в рамках распределённых цифровых реестров, таким образом смарт-контракт может считаться программой для ЭВМ с точки зрения российского гражданского права.

В то же время, с точки зрения содержания, смарт-контракт представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в форме компьютерной программы, которая является разновидностью простой письменной формы договора. При этом средства криптографии, лежащие в основе распределённых цифровых реестров, позволяют обеспечить большую защищенность сторон смарт-контракта, сопоставимую с договорами, заключенными с помощью усиленной электронной подписи. Кроме того, смарт-контракт может рассматриваться как способ исполнения договорных обязательств, а также способ обеспечения исполнения обязательств (при широком понимании этого явления), а также в перспективе как специальную договорную конструкцию.

⁵³⁷ Ахмедов А.Я. К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // Право и цифровая экономика. 2020. № 2 (08). С. 22 - 25.

⁵³⁸ Захаркина А.В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 1(47). С. 78 – 79; Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23-30; Волос А.А. Гражданско-правовая сущность смарт-контракта // Юрист. 2019. № 7. С. 27

§ 3. Особенности правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием криптоактивов

Как верно отмечал А.Г. Быков право, является юридической формой экономического развития общества⁵³⁹. За последние полтора десятилетия криптоактивы проделали путь от «игрушки» для компьютерных «гиков» до полноценного объекта оборота, капитализация которого насчитывает триллионы долларов. В настоящее время можно говорить о сформировавшемся рынке криптоактивов.

В литературе справедливо отмечается, что последние 7–8 лет для рынка криптоактивов характерна его институционализация, приход на данный рынок крупных игроков и включение криптоактивов в традиционные финансовые продукты⁵⁴⁰. Фактически это означает появление на данном рынке большого количества профессиональных участников гражданского оборота – предпринимателей.

При этом, Е.П. Губин указывает, что право является имманентно присущим экономическим отношениям и неизбежно развивается вслед за ними⁵⁴¹. Развитие экономических отношений на рынке криптоактивов привело и к развитию правового регулирования в этой сфере, которое продолжается по сей день.

Как видится, большая часть существующего правового регулирования в сфере криптоактивов связана именно с осуществлением предпринимательской деятельности на этом рынке. Кроме того, представляется, что большая часть норм федеральных законов и подзаконных нормативных актов, регулирующих российский рынок криптоактивов, относятся к нормам предпринимательского права. Эти нормы отвечают главному признаку предпринимательско-

⁵³⁹ См.: Быков А.Г., Кененов А.А., Козлов Ю.М. Экономическая политика КПСС и право. М., 1979. С. 19 - 22.

⁵⁴⁰ Низамутдинов Р.Р., Нигматзянова Л.Р. Криптовалюты как новый финансовый актив: риски и возможности // Вестник науки, 4, №. 5 (86), 2025, С. 226–231.

⁵⁴¹ Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с. Автор главы – Е.П. Губин.

правовых норм, являясь сочетанием частно-правовых и публично-правовых средств регулирования⁵⁴².

Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере оборота криптоактивов является приоритетом, в том числе, для иностранных правопорядков⁵⁴³. При этом особенности осуществления предпринимательской деятельности с использованием криптоактивов обусловлены, в первую очередь, особенностями самих объектов и распределенных цифровых реестров, лежащих в их основе.

На рынке криптоактивов возможно осуществление предпринимательской деятельности различных видов, российское законодательство прямо не перечисляет эти виды, в то время как в некоторых зарубежных правопорядках в этой части есть большая определенность. Так Е.В. Зайнутдинова отмечает, что в законодательстве Новой Зеландии предпринимательская деятельность на рынке криптоактивов подразделяется на майнинг, трейдинг и обмен криптовалютами⁵⁴⁴.

Представляется наиболее верным выделить в предпринимательской деятельности на рынке криптоактивов две сферы в зависимости от цели такой деятельности, а именно деятельность по созданию цифровой валюты и деятельность по обеспечению функционирования рынка криптоактивов, являющуюся аналогом привычной деятельности профессиональных участников финансового сектора экономики.

Особняком среди других видов предпринимательской деятельности на рынке криптоактивов стоит деятельность по созданию цифровой валюты. Это связано с тем, что в то время как основное средство платежа на финансовом

⁵⁴² Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Юрист, 2006. С. 167-168.

⁵⁴³ Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. С. 360. Автор главы – Ю.С. Харитонов.

⁵⁴⁴ Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и цифровая валюта: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 1. С. 119.

рынке – деньги эмитируются государством при участии коммерческих банков, цифровая валюта возникает в результате совершения участниками системы действий по внесению записей (блоков) в распределенный цифровой реестр. При этом в зависимости от применяемого в конкретной системе распределенного цифрового реестра алгоритма внесения новых «блоков» информации, создание новой цифровой валюты осуществляется в форме майнинга или стейкинга, что было подробнее описано в главе 1 настоящей работы.

Как майнинг, так и стейкинг осуществляются с целью получения дохода (прибыли) лицом, которое эти операции осуществляет, таким образом представляется, что указанная деятельность может в ряде случаев считаться предпринимательской деятельностью.

Определение майнинга появилось в Федеральном законе о ЦФА и без изменений было перенесено в новый Федеральный закон «О цифровых валютах и цифровых правах», где в пункте 10 части 1 статьи 2 указанного закона майнинг определяется как деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровых валют и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровых валютах за подтверждение записей в информационной системе. При этом, как представляется, указанное определение имеет ряд недостатков, подлежащих корректировке в ходе дальнейшего изменения законодательства.

Первая проблема данного определения связана с используемым понятием «выпуска цифровых валют». Понятие «выпуск» используется в действующем законодательстве в двух значениях. Первое из них используется применительно к ценным бумагам и упоминается в пункте 2 статьи 2 Федерального закона № 39-ФЗ, где под выпуском ценных бумаг, по существу,

понимается совокупность ценных бумаг, имеющих одинаковые условия эмиссии⁵⁴⁵. В указанном значении слово «выпуск» используется применительно к выпуску цифровых прав в пункте 25 статьи 2 пореформенного закона «О цифровых валютах и цифровых правах», где он определяется как совокупность всех цифровых прав, возникших на основании одного решения о выпуске цифровых прав.

Другое значение слова «выпуск», встречающееся в законодательстве – синоним понятию «эмиссия», то есть под выпуском понимается процесс в рамках которого эмитентом создается новый объект⁵⁴⁶. В этом значении, например, слово употребляется в составе понятия «отчет об итогах выпуска», «решение о выпуске» или «осуществление выпуска», что отмечается в литературе⁵⁴⁷. В данном значении слово «выпуск» использовалось в дореформенном законодательстве, применительно к выпуску ЦФА, где он определялся в качестве действия по внесению в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов их первому обладателю⁵⁴⁸. Действующее законодательство при этом сохранило эту двойственность, указывая в частности на *решение о выпуске цифровых прав*⁵⁴⁹ и указание на *осуществление выпуска ЦФА*⁵⁵⁰.

В то же время в Федеральном законе «О цифровых валютах и цифровых правах» применительно к цифровой валюте понятие выпуска используется только в контексте майнинга, само по себе определение выпуска цифровой валюты не дается. При этом в дореформенном законодательстве под выпуском цифровой валюты понимались действия с использованием объектов российской информационной инфраструктуры и (или) пользовательского оборудования, размещенного на территории Российской Федерации,

⁵⁴⁵ Любарская Н.В. Недействительность выпуска акций // Юрист. 2004. № 5. С. 41.

⁵⁴⁶ Ларина Т.В., Абрамов С.Г. Действие правовых норм в сфере рынка облигаций // Юрист. 2004. № 9. С. 29.

⁵⁴⁷ Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011. С. 611.

⁵⁴⁸ Часть 3 статьи 2 Федерального закона о ЦФА.

⁵⁴⁹ Пункт 15 части 1 статьи 2.

⁵⁵⁰ Пункт 3 части 1 статьи 1.

направленные на предоставление возможностей использования цифровой валюты третьими лицами⁵⁵¹. Данное определение было крайне неудачным и критиковалось в юридической литературе⁵⁵². Так, указанное определение оставляло за пределами правового поля осуществление майнинга на иностранном оборудовании, таким образом, исключение такого определения из закона является скорее благом.

Как представляется, использование самого термина «выпуск», применительно к майнингу или стейкингу, является некорректным с точки зрения действующего законодательства ввиду того, что как в первом (выпуск как совокупность активов с одинаковыми условиями размещения), так и во втором (выпуск как эмиссия) значении понятие выпуска предполагает наличие эмитента, создающего объект по своему решению. Применительно к криптоактивам понятие выпуска корректно, если создание криптоактива осуществляется путем минтинга (например, упомянутый в пункте 25 части 1 статьи 2 Федерального закона «О цифровой валюте и цифровых правах» выпуск цифровых прав).

В то же время цифровая валюта, исходя из ее определения, данного в части 1 статьи 1 нового закона, не имеет эмитента, она создается не по решению лица (решению о выпуске), а создается в системе автоматически при выполнении условий протокола по итогам майнинга или стейкинга. Таким образом, представляется нецелесообразным сохранение в законодательстве понятия «выпуска», применительно к цифровой валюте и майнингу и корректнее говорить о создании нового объекта в распределенном цифровом реестре (то есть выпуске в широком смысле слова), а не о «выпуске» в значении, установленном российским законодательством о ценных бумагах или законодательством о криптоактивах. Указанное подтверждается и

⁵⁵¹ Часть 2 статьи 14 Федерального закона о ЦФА.

⁵⁵² Ситник А.А. Использование криптовалют в трансграничных расчетах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 8. С. 33 - 41.

российскими судами, верно определяющими майнинг в качестве создания цифровой валюты⁵⁵³.

Иным возможным вариантом решения данной коллизии может быть установление в законодательстве о криптоактивах понятия выпуска как создания криптоактива в распределенном цифровом реестре (то есть выпуска в широком смысле слова), в то же время такой подход выглядит нежелательным, поскольку предполагает уже не двойственность, а тройственность определения этого понятия, что противоречит принципу правовой определенности и влечет необходимость пересмотра иных случаев использования этого термина.

Другим спорным термином в определении майнинга является термин «вознаграждение». Несмотря на то, что полученная в результате майнинга цифровая валюта называется вознаграждением (Федеральный закон прямо упоминает, что результатом майнинга является получение вознаграждения в виде цифровой валюты), применение данного понятия к майнингу представляется некорректным.

М.А. Егорова справедливо отмечает, что гражданское законодательство предусматривает вознаграждения в виде двух основных категорий: как уплату денежной суммы за исполнение встречной обязанности (например, в двусторонних договорах) и как уплату денежной суммы в одностороннем порядке (выплата премии за находку вещи, выплата суммы за победу в конкурсе и т.д.)⁵⁵⁴. Как видится, оба значения понятия «вознаграждение» предполагают наличие фигуры плательщика, которая это вознаграждение

⁵⁵³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 07.10.2022 № Ф08-9836/2022 по делу № А18-3494/2021; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22.11.2022 № Ф08-10197/2022 по делу № А18-3117/2021; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19.05.2023 № Ф01-1789/2023 по делу № А79-9002/2021 // Документы опубликованы не были. СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁵⁴ Оводов А.А. Государственное регулирование торговой деятельности в Российской Федерации (интервью с кандидатом юридических наук, доцентом кафедры предпринимательского и корпоративного права юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Марией Александровной Егоровой) // Юрист. 2013. № 5. С. 3 – 9.

выплачивает, в то же время майнинг не относится к возмездным договорным отношениям и не предполагает наличие плательщика, выплачивающего вознаграждение.

Попытки найти в майнинге или стейкинге признаки договора подряда или возмездного оказания услуг предметом которого выступает поддержание системы распределенного цифрового реестра в обмен на цифровую валюту⁵⁵⁵ неизбежно сталкиваются с неопределенностью второй стороны такого договора. Как было указано ранее, «сообщество майнеров» или «криптосообщество» не являются правосубъектными объединениями и функционируют только для принятия решений внутри реестра путем голосования и, как следствие, не могут быть стороной договора.

Более того цифровая валюта в результате майнинга и стейкинга не передается с кошельков, принадлежащих абстрактному «сообществу», а возникает у лиц, осуществляющих майнинг и стейкинг первоначально, то есть до осуществления этих операций цифровой валюты просто не существует. Таким образом, цифровую валюту корректнее считать не вознаграждением за майнинг и стейкинг, а деятельностью по производству цифровой валюты, то есть способом приобретения прав на криптоактив первоначальным способом.

Наконец, последней значительной неточностью в законодательном определении майнинга видится указание на иные технологии, помимо технологии распределенного реестра в данном определении. Дело в том, что майнинг является способом достижения консенсуса в децентрализованных одноранговых сетях и является способом достижения доверия между анонимными пользователями, что неоднократно отмечалось в тематической научной литературе⁵⁵⁶. Указанные свойства майнинга тесно связаны именно с распределенным цифровым реестром и едва ли целесообразны в других

⁵⁵⁵ Карнушин В.Е. О гражданско-правовой природе майнинга. Майнинг как деятельность в рамках договора простого товарищества // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 4. С. 122 – 131.

⁵⁵⁶ Арашева О. О. Майнинг криптовалют: процесс, риски и влияние вредоносного ПО // Вестник науки. 2024. №3 (72) С. 396 – 398.

информационных системах, по крайней мере в литературе отсутствует указание на возможность существования иных информационных систем, допускающих майнинг. Таким образом, указание в определении майнинга на иные технологии, кроме распределенного реестра, представляется нецелесообразным и чрезмерно расширяющим понятие майнинга.

Исходя из изложенного майнинг корректно понимать как деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию распределенного реестра, в результате которой создается новая цифровая валюта.

Предпринимательский характер майнинговой деятельности косвенно следует из действующих норм законодательства, предусматривающих, что майнинг осуществляется юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями (то есть субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность), внесенными в специальный реестр⁵⁵⁷.

В то же время о предпринимательском характере майнинговой деятельности говорит и то, что такая деятельность носит рисковый характер. Как справедливо отмечается в литературе, майнинг представляет собой, по существу, обмен электричества на цифровую валюту⁵⁵⁸. Вместе с тем алгоритм майнинга устроен таким образом, что лишь первый решивший задачу майнер получает вознаграждение, в то время как прочие жгли свое электричество впустую, что представляется классическим примером предпринимательского риска, понимаемого как потенциальная возможность (опасность) наступления или ненаступления события (совокупности событий), влекущего неблагоприятные имущественные последствия для деятельности предпринимателя по независящим от него обстоятельствам⁵⁵⁹.

⁵⁵⁷ Лабабуева О.С. Понятие и правовая природа майнинга // Хозяйство и право. 2024. № 1. С. 71.

⁵⁵⁸ Янковский Р.М., Попов В.А. Что меняет новый Закон о майнинге? // Закон. 2024. № 9. С. 119 – 123.

⁵⁵⁹ Белых В.С. Теория и практика управления предпринимательскими рисками // Предпринимательское право. 2025. № 2. С. 3.

При этом законодательство прямо предусматривает возможность осуществления майнинга физическими лицами, не имеющими статуса индивидуального предпринимателя без включения в соответствующий реестр, что позволяет некоторым исследователям говорить о непредпринимательском характере такой деятельности⁵⁶⁰. В то же время законодательство прямо не отвечает на вопрос о том, является ли такая деятельность предпринимательской⁵⁶¹ и ввиду того, что все основные признаки предпринимательской деятельности, а именно самостоятельность, риск и направленность на извлечение прибыли при таком майнинге наличествуют, такую деятельность можно считать предпринимательской деятельностью, осуществляемой без регистрации, что допустимо в соответствии с ГК РФ.

Вопрос о предпринимательском характере майнинг-овой деятельности является принципиальным для квалификации возникающих при осуществлении майнинга отношений. Так, действующим (пореформенным) законодательством предусмотрено осуществление майнинга в составе майнинг-пула, то есть коллективно с привлечением организатора, осуществляющего распределение прибыли между участниками. При этом закон характеризует лишь отношения между организатором и участником майнинг-пула как отношения по оказанию услуг, в то время как природа отношений между участниками остается за пределами внимания законодателя. Как представляется, характеристика таких отношений в качестве предпринимательского объединения в форме договора простого товарищества наиболее точно отражает существо таких отношений, при этом, стороной такого договора могут быть лишь лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность.

⁵⁶⁰ Карнушин В.Е. О гражданско-правовой природе майнинга. Майнинг как деятельность в рамках договора простого товарищества // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 4. С. 122 – 131.

⁵⁶¹ В отличие, к примеру, от законодательства Беларуси, где Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» прямо предусматривает, что майнинг, осуществляемый физическими лицами не является предпринимательской деятельностью.

Деятельность по осуществлению стейкинга в законодательстве, в том числе пореформенном, не упоминается несмотря на то, что протокол proof of stake является самым популярным протоколом, используемым при создании цифровой валюты, в следствие чего правовая природа стейкинга должна определяться с оглядкой на схожие правоотношения.

На первый взгляд может показаться, что стейкинг, будучи алгоритмом записи информации в блоки распределенного цифрового реестра, наградой за которое является цифровая валюта, схож с майнингом, при этом, как представляется, стейкинг обладает существенным отличием, влияющим на его правовую природу и не позволяющим использовать единый термин для этих двух операций.

В юридической литературе стейкинг определяется как способ получения новой цифровой валюты, который основан на блокировке уже имеющейся и ее использовании для обеспечения работы сети блокчейн⁵⁶². Данное определение представляется не вполне корректным, ввиду того, что стейкинг, как и майнинг является в первую очередь алгоритмом внесения записей в распределённый цифровой реестр, который не сводится исключительно к получению цифровой валюты. Кроме того, стейкинг возможно осуществлять не только в системе блокчейн, но и в любой другой системе распределенного цифрового реестра.

Таким образом, для целей правового регулирования стейкинг следует определять как деятельность, направленную на внесение записей в информационную систему на основе технологии распределенного реестра, в результате которой создается новая цифровая валюта.

Стейкинг в отличие от майнинга не влечет энергозатрат со стороны лица, осуществляющего стейкинг, такие лица не решают математическую

⁵⁶² Грошев С.А. Налогообложение стейкинга цифровых валют в Российской Федерации: возникновение дохода для целей исчисления и уплаты НДФЛ и налога на прибыль // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 2. С. 30 – 46.

задачу, за решение которой получают вознаграждение, все, что требуется от такого лица – заморозка цифровой валюты в особом смарт-контракте, который случайным образом осуществляет выбор лица, записывающего информацию в блок и получающего вознаграждение. Таким образом, лицо, осуществляющее стейкинг, не несет затрат на его осуществление, что исключает из такой деятельности фактор риска, как следствие, препятствует квалификации такой деятельности как предпринимательской.

При этом к предпринимательской деятельности следует относить так называемый делегированный стейкинг, при котором участник распределённого цифрового реестра передает свою цифровую валюту другому лицу в целях увеличения общей массы валюты, участвующей в стейкинге и, как следствие, повышения шанса получения вознаграждения. Лицо, привлекающее цифровую валюту, выплачивает вкладчикам определенный (часто фиксированный) процент за пользование их цифровой валютой⁵⁶³. С учетом вероятностного характера получения цифровой валюты при стейкинге привлекающее криптоактивы в целях стейкинга лицо несет риск того, что полученный доход не сможет покрывать размер процентов. В то же время риск лица, предоставляющего цифровую валюту для делегированного стейкинга, несет риск неисполнения контрагентом своих обязательств с учетом того, что обладатель фактически передает свою цифровую валюту третьему лицу. Учитывая квазивещную природу криптоактивов, наиболее близкими по правовой природе правоотношениями к делегированному стейкингу является заем родовых вещей ввиду того, что цифровая валюта является невзаимозаменяемым криптоактивом.

Как видится, законодательное оформление майнинга и стейкинга как формы деятельности (в том числе, предпринимательской) на рынке

⁵⁶³ Cong L.W., He Z., Tang K. Staking, Token Pricing, and Crypto Carry. 2022 // URL: <https://www.hec.edu/sites/default/files/documents/Staking%20Paper%20June%202022.pdf> (дата обращения: 13.07.2026)

криптоактивов нуждается в дальнейшем развитии с учетом того значения, которая эта деятельность имеет для всего рынка криптоактивов.

В то же время характеристика в качестве предпринимательской деятельности по минтингу криптоактивов также возможно только в том случае, если выпуск криптоактива в реестре направлен на систематическое получение прибыли и наличествует признак риска. Это возможно, например в случае минтинга несамоценных криптоактивов, удостоверяющих права к эмитенту. В то же время минтинг некоторых криптоактивов, например невзаимозаменяемых криптоактивов в видеоиграх может не иметь признаков такой деятельности.

В то же время следует признать, что предпринимательская деятельность, осуществляемая за рамками майнинга и стейкинга (производства криптоактивов), имеет значительные сходства с предпринимательской деятельностью на финансовом рынке.

Как отмечается в литературе, российская экономика подразделяется на три ключевых сектора – реальный сектор, являющийся базой экономических отношений, финансовый сектор и сырьевой⁵⁶⁴.

Как было установлено ранее – основным преимуществом распределенного цифрового реестра является защищенность, обращаемых внутри него данных от изменений и подделок, а также прозрачность операций, совершаемых в таком реестре. Эти особенности предопределили то обстоятельство, что основным направлением внедрения технологий распределенного реестра стал финансовый сектор.

Это подтверждается и поведением законодателей разных стран, которые в первую очередь стремятся урегулировать криптоактивы в ключе правового регулирования финансового рынка. Это характерно как для европейского

⁵⁶⁴ Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности: практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2023. с. 21.

законодательства⁵⁶⁵, так и для российского, где главным регулирующим и надзирающим органом в сфере предпринимательской деятельности на крипторынке является мегарегулятор финансового рынка.

Следует отметить, что современное состояние рынка криптоактивов таково, что большую часть оборота криптоактивов составляют объекты этапа Blockchain 1.0. (классические криптовалюты) и Blockchain 2.0 (утилитарные токены, токены-ценные бумаги, стейблкоины и цифровые валюты центральных банков)⁵⁶⁶. Иные объекты, выпускаемые в распределенных цифровых реестрах (например, произведения в форме NFT токенов), в настоящее время занимают сравнительно небольшую долю рынка.

Указанное обстоятельство позволяет утверждать, что большая часть выпускаемых криптоактивов является или средством платежа, то есть аналогом денег (криптовалюта), или токенизированными имущественными (в первую очередь денежными) правами, то есть аналогом финансовых инструментов (токены-ценные бумаги). При этом в российской экономике основной оборот криптоактивов приходится на токенизированные долговые инструменты (цифровые облигации)⁵⁶⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что основная часть рынка криптоактивов представляет собой своеобразный аналог традиционного финансового рынка, где вместо традиционных для финансового рынка объектов (денег и финансовых инструментов) обращаются криптоактивы, обладающие схожими функциями. Таким образом и предпринимательская деятельность на данном рынке имеет схожие черты с деятельностью субъектов

⁵⁶⁵ Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU (recast) Text with EEA relevance. URL: <https://clck.ru/3LeHaR> (дата обращения: 20.01.2026).

European Securities and Markets Authority (ESMA), Guidelines on the Conditions and Criteria for the Qualification of Crypto-Assets as Financial Instruments, Final Report № ESMA75453128700-1323. URL: <https://clck.ru/3LeHb5> (дата обращения: 20.01.2026).

⁵⁶⁶ Богданов Е.А. Правовое регулирование цифровых активов: вызовы и перспективы защиты прав участников финансового рынка // Международное публичное и частное право. 2025. № 2. С. 38 – 41.

⁵⁶⁷ Обзор: Анализ рынка долговых ЦФА. Для роста рынка ЦФА требуется развивать инфраструктуру. URL: <https://smart-lab.ru/blog/1065156.php> (дата обращения 29.01.2026).

предпринимательства на финансовом рынке. Следует признать, что Федеральный закон «О цифровых валютах и цифровых правах» в основном регулирует отношения на крипторынке по модели регулирования отношений на финансовом рынке, установленной Федеральными законами от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁵⁶⁸ и от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁵⁶⁹.

Финансовый рынок определяется в литературе как совокупность экономических отношений, возникающих в связи с перемещением свободных денежных средств и иных финансовых инструментов от их владельцев к другим субъектам при возможном активном участии финансовых посредников, для размещения этих средств в целях извлечения максимальной прибыли, но сопровождающихся высокими рисками⁵⁷⁰.

Таким образом, основу предпринимательской деятельности на финансовом рынке составляет посредническая деятельность, направленная на обеспечение оборота денежных средств и финансовых инструментов.

Предпринимательская деятельность на рынке криптоактивов организована по схожему принципу. В рамках данного рынка также можно выделить лиц, осуществляющих посреднические функции по организации оборота криптоактивов.

Говоря о деятельности посредников на крипторынке следует отметить тот факт, что традиционно одним из главных преимуществ децентрализованных реестров, как способа совершения финансовых сделок, считалось отсутствие в такой системе каких-либо посредников и возможность непосредственной передачи активов от одного лица другому (peer-to-peer), минуя банковскую или депозитарную инфраструктуру. О такой возможности

⁵⁶⁸ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // «Собрание законодательства РФ», 15.07.2002, № 28, ст. 2790.

⁵⁶⁹ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // «О рынке ценных бумаг» // «Собрание законодательства РФ», № 17, 22.04.1996, ст. 1918.

⁵⁷⁰ Тропская С.С. Финансовый рынок: проблемы правовой неопределенности // Безопасность бизнеса. 2022. № 4. С. 35 - 34.

упоминали П. Винья и М. Кейси, считая ее новой ступенью в развитии финансового рынка⁵⁷¹.

Об отсутствии посредников, как о преимуществе технологии распределенных реестров, упоминали и российские ученые-правоведы. Так, А.В. Турбанов называет Блокчейн распределенной системой доверия без участия банков или каких-либо других финансовых посредников или регуляторов⁵⁷². Л.А. Новоселова утверждает, что основная особенность цифровых прав, требующая специального режима, выражается в их способности переходить от одного лица к другому без посредников (депозитариев, регистраторов, банков и т.д.)⁵⁷³. Автор также достаточно радикально отмечает, что появление в правовом поле фигуры посредника способно навредить обороту криптоактивов и снизить привлекательность юрисдикции, предусматривающей опосредованное обращение криптоактивов.

Таким подходом руководствовался и законодатель, устанавливая режим цифровых прав. Так, в частности, в пункте 1 статьи 141.1 ГК РФ сказано, что осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Многими «криптоэнтузиастами» наличие посредников представляется «необходимым злом» для более ранних этапов развития финансового рынка, в то время как возможность осуществления сделок без их участия прогрессивным шагом, позволяющим снизить транзакционные издержки и упростить совершение финансовых сделок⁵⁷⁴.

⁵⁷¹ Винья П., Кейси М. Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. С. 11.

⁵⁷² Турбанов А.В. Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 59.

⁵⁷³ Бормашева К., Новоселова Л., Янковский Р., Жужжалов М., Башкатов М., Огородов Д., Есаков Г., Кириллов Д., Успенский М. Оборот цифровых активов в России // Закон. 2020. № 12. С. 21.

⁵⁷⁴ Ethereum Proof of stake (PoS) mechanism. // URL: <https://ethereum.org/en/developers/docs/consensus-mechanisms/poS/> (дата обращения 29.09.2024)

Такой подход представляется не вполне верным. Само по себе наличие посредников стало закономерным итогом развития гражданского оборота. На ранних этапах развития капиталистических отношений сделки на финансовом и товарном рынке совершались непосредственно, путем прямых займов и капиталовложений, поскольку были уделом профессиональных предпринимателей, профессионально и единолично осуществлявших свое дело⁵⁷⁵.

Развитие рынка шло по пути вовлечения в него большего числа людей, что привело к появлению акционерных обществ, привлекающих розничных инвесторов, а также возникновению новых инструментов рынка таких как ценные бумаги и производные финансовые инструменты. Все это способствовало увеличению числа сделок и их усложнению⁵⁷⁶. Усложнение финансового рынка и приток на него все новых и новых участников, в том числе розничных инвесторов сделало необходимым появление профессионалов, опосредующих осуществление таких отношений.

Наиболее распространенными видами посредников на финансовом рынке являются так называемые профессиональные участники рынка ценных бумаг, к которым относятся брокеры, дилеры, депозитарии, регистраторы, доверительные управляющие и т.д. Основой осуществляемой ими деятельности являются сделки, направленные на переход прав на ценные бумаги от одних лиц к другим⁵⁷⁷.

Особое место в этом ряду занимают организаторы торговли, которые хоть и не являются посредниками в юридическом смысле – не заключают посреднических договоров⁵⁷⁸, но осуществляют посредничество в

⁵⁷⁵ Каминка А.И. Основы предпринимательского права. – Пг., 1917. С. 18.

⁵⁷⁶ Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г. Международное частное право и инвестиции: монография. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ. 2012. С. 98.

⁵⁷⁷ Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут. 2011. С. 312

⁵⁷⁸ Варламова А.Н. Категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» для целей конкурентного права // Конкурентное право. 2025. № 4. С. 6 – 12.

экономическом смысле, содействуя продавцам и покупателям в заключении договоров.

Таким образом посредничество не является каким-либо «необходимым злом», затрудняющим гражданский оборот, напротив, как видится, посредничество – это инструмент, призванный упростить деятельность на сильно усложнившемся рынке. В следствие изложенного регулирование посредников на рынке криптоактивов стало одним из основных направлений реформы законодательства в этой сфере.

Как уже отмечалось в настоящей работе Федеральным законом о ЦФА был установлен правовой режим только тех активов, которые обращаются в частных распределенных цифровых реестрах, то есть реестрах, централизованных и контролируемых уполномоченным лицом – оператором информационной системы⁵⁷⁹. Оператор информационной системы, в частности, устанавливает правила обращения таких активов, вносит записи о приобретении и переходе прав на них⁵⁸⁰. То же самое характерно и для рынка утилитарных цифровых прав, где также был предусмотрен администратор реестра – инвестиционная платформа.

Как видится в силу администрируемости регулируемых реестров администраторы таких реестров просто не могут не выполнять функции посредников. А.В. Белицкая отмечает, что на рынке крипто инвестиций функционируют не субъекты-посредники, а квазисубъекты – программы, не имеющие собственной воли⁵⁸¹. При этом зачастую администраторы регулируемых реестров рассматриваются не как посредники, а как лица, призванные обеспечивать техническое функционирование систем,

⁵⁷⁹ Карелина С.А., Фролов И.В. Правовое регулирование обращения криптовалюты и технологий Блокчейн в России: проблемы правоприменения в экономической деятельности и сфере несостоятельности (банкротства) // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: Монография / Коллектив авторов; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М., Юстицинформ, 2019. С. 118.

⁵⁸⁰ В соответствии с ч. 2 ст. 4 Федерального закона № 259-ФЗ.

⁵⁸¹ Белицкая А.В. Трансформация государственной инвестиционной политики в условиях цифровой экономики: российский и зарубежный опыт // Право и цифровая экономика. 2022. №1. С. 22–29.

выпускающих криптоактивы⁵⁸² При этом, несмотря на установленную ГК РФ формальную невозможность распоряжения цифровым правом путем обращения к третьему лицу, эти организации имеют целый ряд функций, присущих классическим посредникам на рынке ценных бумаг.

Исследователями неоднократно отмечалось сходство правовой модели деятельности оператора информационной системы и таких субъектов рынка ценных бумаг как депозитарий и регистратор. Так, Л.А. Новоселова отмечает, что в основе системы учета прав на цифровые финансовые активы находятся записи в информационной системе, вносимые оператором информационной системы по указанию владельца таких активов аналогично тому, как осуществляется регистрационный или депозитарный учет⁵⁸³.

При этом определенный законом функционал оператора информационной системы выходит за рамки тех прав и обязанностей, которые осуществляются депозитариями или регистраторами. Так, например, Федеральный закон наделял операторов информационной системы также функциями расчетного депозитария (расчетного банка)⁵⁸⁴, организатора торговли⁵⁸⁵, элементами дилерской деятельности и деятельности центрального контрагента⁵⁸⁶.

На оператора информационной системы возложена обязанность контроля за соблюдением требований законодательства в том числе возможность блокировать прохождение транзакции в случае нарушения пользователем информационной системы законодательства.

Деятельность оператора инвестиционной платформы, в которой осуществляется выпуск утилитарных цифровых прав также характеризуется многими исследователями как посредническая.

⁵⁸² Ч 2 ст. 4 Федерального закона № 259-ФЗ.

⁵⁸³ Бормашева К., Новоселова Л., Янковский Р., Жужжалов М., Башкатов М., Огородов Д., Есаков Г., Кириллов Д., Успенский М. Оборот цифровых активов в России // Закон. 2020. № 12. С. 21.

⁵⁸⁴ ч. 10 и 11 ст. 5 и ст. 5.1 Федерального закона о ЦФА.

⁵⁸⁵ При осуществлении функций оператора обмена.

⁵⁸⁶ См.: ч. 1 ст. 10 и ч. 1 ст. 10.1 Федерального закона о ЦФА.

Так, Е.А. Останина находит сходства деятельности оператора платформы с паевым инвестиционным фондом, организатором синдицированного кредита, подбирающим синдикат инвесторов; с брокером, формирующим пулы инвестиционных предложений и инвестиционных продуктов с разным уровнем риска. На основании изложенного автор полагает, что оператор платформы действует на основании непоименованного посреднического договора, который ближе к договору комиссии⁵⁸⁷, то есть является посредником в строгом юридическом смысле слова.

А.В. Белицкая сравнивает оператора платформы с доверительным управляющим инвестиционным фондом⁵⁸⁸, также относит их к инвестиционным посредникам.

О.А. Городов отмечает, что операторы инвестиционных платформ осуществляют функции по содействию инвестированию путем предоставления доступа к платформе инвесторам и лицам, привлекающим инвестиции⁵⁸⁹, что также может быть охарактеризовано как посредничество в экономическом смысле.

Таким образом, даже до реформы законодательства о криптоактивах оператор информационной системы и оператор инвестиционной платформы выполняли целый ряд функций присущих различным участникам традиционного рынка ценных бумаг.

При проведении реформы законодательства о криптоактивах перед законодателем стояла задача сохранить регулирование деятельности посредников и при этом расширить их функционал, поскольку у регулируемых операторов отсутствовали многие функции, присущие

⁵⁸⁷ Останина Е.А. Есть ли потребитель в системе Р2Р-финансирования? / Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): Сборник статей / А.А. Богустов, О.Н. Горохова, Д.А. Доротенко и др.; Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019. С. 25.

⁵⁸⁸ Белицкая А.В. Перспективы разработки новых правовых конструкций инвестирования для цифровой экономики // Юрист. 2019. № 3. С. 28 – 33.

⁵⁸⁹ Городов О.А. Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России // Право и цифровая экономика. 2020. № 1. С. 5 – 10.

традиционным посредникам на рынке ценных бумаг, так, на рынке цифровых прав была невозможна деятельность доверительных управляющих, брокеров, акционерных инвестиционных фондов и управляющих компаний паевых инвестиционных фондов и т.д.

Решение данной проблемы было предпринято по двум направлениям. Во-первых путем предоставления доступа на рынок криптоактивов для традиционных участников рынка ценных бумаг. Как справедливо отмечает Е.Н. Абрамова, участники рынка ценных бумаг обладают многолетним опытом работы с финансовыми инструментами и проистекающей из этого обширной клиентской базой⁵⁹⁰, что, как представляется, позволяет интегрировать новые финансовые инструменты в финансовую систему относительно бесшовно.

Так, Федеральный закон «О цифровых валютах и цифровых правах» предполагает предоставление доступа на рынок криптоактивов брокеров и доверительных управляющих, функционирующих на традиционном финансовом рынке (статьи 4 и 5 пореформенного закона). Кроме того, законодательство допускает обращение криптоактивов на организованных торгах, что предполагает доступ на рынок криптоактивов организаторов торговли.

Важным преимуществом подобного шага должно стать увеличение прибыли операторов, бизнес-модель которых в настоящее время основана на получении комиссий за транзакции и является убыточной ввиду небольшого количества таких транзакций и небольших размеров комиссии⁵⁹¹.

При этом очевидно, что возложение столь широкого круга обязанностей на операторов повлечет необходимость значительного увеличения расходов, а

⁵⁹⁰ Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. № 1. С. 11.

⁵⁹¹ Гончарова М. В., Гончаров А. И., Споловихин О. Ю. Экономические интересы и риски участников операций с цифровыми финансовыми активами // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 2. С. 111.

также серьезно увеличит регуляторную нагрузку на них. Кроме того, данный подход вынудит операторов осуществлять деятельность совершенно им не свойственную или вызовет необходимость построения нового рынка «с нуля».

Во-вторых, реформа законодательства предполагает расширение функционала операторов и предоставлении им возможности осуществлять деятельность присущую иным видам посредников на рынке ценных бумаг.

Фигуры операторов информационной системы и операторов обмена сохраняются, при этом функционал операторов информационной системы значительно расширяется, так, у них появляется возможность открывать различные типы счетов и адресов-идентификаторов (кошельков) для своих клиентов (часть 5 статьи 21). При этом операторов информационной системы предполагается включать в реестр цифровых депозитариев, что говорит о сближении их статуса с участниками традиционного рынка ценных бумаг.

Важным достижением реформы стала возможность управления криптоактивами посредником, то есть лицом, не являющимся их обладателем. В дореформенном законодательстве такая конструкция была невозможна в силу причин юридического характера ввиду того, что технически распоряжение ЦФА осуществлялось с помощью кода (ключа), находящегося у его обладателя⁵⁹². Передача цифровой финансовый актив на адрес (кошелек) иному лицу предполагала и переход права на такой цифровой финансовый актив. Таким образом, передача посреднику контроля над криптоактивами предполагала и передачу права обладателя на такой объект, что соответствовало упоминаемой ранее модели депозита (модели Binance).

Традиционному рынку ценных бумаг давно известны конструкции, при которых доверенное лицо может свободно распоряжаться активами, не являясь их собственником. Такая конструкция охватывается общим наименованием «номинальный счет», а посредник, осуществляющий

⁵⁹² См.: п. 2 ч. 7 ст. 4 Федерального закона № 259-ФЗ.

контроль над активами клиента без перехода титула может называться, в зависимости от договорных отношений с клиентом, номинальным держателем или доверительным управляющим (в английском языке существует общий термин *nominee*).

В отсутствие конструкции *nominee* эффективное обеспечение прав инвестора при передаче права собственности на актив посреднику возможно только в тех правопорядках, которые допускают существование доверительной собственности (траста). Конструкция траста предполагает обязательное отделение активов, принадлежащих доверительному собственнику (трасти) от активов, принадлежащих его доверителям, что предполагает, в том числе, банкротный иммунитет для таких активов⁵⁹³. По модели траста работает, в частности, институт *nominee* на рынке криптоактивов Сингапура, где номинальный держатель криптоактивов выступает в роли трасти⁵⁹⁴.

Исторически возникший в рамках системы общего права траст тем не менее существует в некоторых странах континентальной правовой системы, например, в КНР⁵⁹⁵. При этом, несмотря на преимущества института траста, вопрос введения его в российское законодательство представляется крайне спорным и требующим обстоятельного исследования, в связи с чем он не включается в предмет настоящей работы.

Таким образом, практически единственным возможным для российской правовой системы решением данной проблемы является легализация номинальных счетов (кошельков) в информационной системе аналогично номинальным счетам в системе учета бездокументарных ценных бумаг (прав на бездокументарные ценные бумаги).

⁵⁹³ Faust D. I. Asset Protection Trusts: Some Practical Guidelines // *Trusts in Prime Jurisdictions* / ed. by A. Kaplan. 3rd ed. Globe Business Publishing Ltd, 2010 P. 451.

⁵⁹⁴ Richard B. Levin, Kevin Tran, *Cryptoassets & Blockchain: Switzerland, 2023* // URL: <https://mll-legal.com/wp-content/uploads/2022/12/2023-Cryptoassets-Blockchain-Switzerland.pdf> (дата обращения - 24.10.2024)

⁵⁹⁵ Lee, R. (2009). Conceptualizing the Chinese Trust. *International & Comparative Law Quarterly*, 58(3), 655-669. doi:10.1017/S0020589309001183.

Именно это решение было реализовано в ходе прошедшей реформы, в рамках которых была создана система номинальных цифровых счетов, открываемых цифровым депозитарием, в рамках которых возможно осуществление номинального держания и доверительного управления криптоактивами без перехода прав на такой актив к *nominee*. Так часть 6 статьи 22 Федерального закона «О цифровых валютах и цифровых правах» предусмотрено, что независимо от того, кто совершает записи по цифровым счетам лица, их обладателем остается лицо, которому принадлежит счет. В то же время часть 17 данной статьи предполагает возможность учета цифровых валют и цифровых прав лицом, не являющимся их обладателем.

Применение указанного подхода в российском законодательстве означает отказ от подхода, при котором цифровой финансовый актив может значиться только на счете (кошельке) своего обладателя.

При этом реформа предусматривает и установление сегрегации активов обладателя криптоактива и посредника путем обеспеченная посредством внесения изменений в Федеральный закон от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)»⁵⁹⁶, а также в Федеральный закон от 02.10.2007 «Об исполнительном производстве»⁵⁹⁷ дабы наделить активы клиентов посредника исполнительским и банкротным иммунитетом.

Указанный подход характерен при регулировании обращения криптоактивов с использованием посредников в странах континентально-правовой системы. Так, в малайзийском Руководстве по цифровым активам, выпущенным в дополнение к Закону о рынках капитала и услуг 2007 года, хранитель (кастодиан) определяется как лицо, предоставляющее услуги по хранению цифровых активов за счет другого лица. Такие услуги представляют

⁵⁹⁶ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28.10.2002, № 43 ст. 4190.

⁵⁹⁷ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации от 08.10.2007 г. № 41 ст. 4849.

собой услуги на рынке капитала для целей раздела Закона о рынке капитала и услуг⁵⁹⁸.

Следует отметить, что указанным хранителем должен быть оператор информационной системы, зарегистрированный в Комиссии по ценным бумагам в качестве хранителя в дополнение к регистрации в качестве оператора информационной системы⁵⁹⁹.

Схожего подхода придерживается и законодательство ОАЭ, где в эмирате Дубай недавно созданное Управление по регулированию виртуальных активов (VARA) опубликовало свод правил по кастодиальным услугам (VARA Rulebook) в рамках Положения о виртуальных активах и связанной с ними деятельности 2023 года. Правила VARA определяют, что отношения между хранителем криптоактивов и клиентом представляют собой договорное соглашение, согласно которому клиент, собственник или лицо, имеющее иное право контролировать криптоактивы, передает контроль (а не правовой титул) над криптоактивами провайдеру кастодиального кошелька (номинального счета) исключительно с целью обеспечения номинального держания⁶⁰⁰.

Еще одной важной проблемой, существующей в действующем регулировании деятельности посредников на рынке криптоактивов и которую призвана разрешить проводимая реформа законодательства о криптоактивах – это проблема различного регулирования оборота разных криптоактивов.

Действующее законодательство содержит различный набор посредников, участвующих в обороте криптоактивов. Для ЦФА это оператор

⁵⁹⁸ Ili Syazwani Shairi, Regulation of Digital Asset Offering and Trading in Malaysia // URL: <https://www.azmilaw.com/insights/regulation-of-digital-asset-offering-and-trading-in-malaysia/> (дата обращения 28.02.2026).

⁵⁹⁹ Ili Syazwani Shairi, Regulation of Digital Asset Offering and Trading in Malaysia // URL: <https://www.azmilaw.com/insights/regulation-of-digital-asset-offering-and-trading-in-malaysia/> (дата обращения 28.02.2026).

⁶⁰⁰ Diego Ballon Ossio and others, CUSTODY OF CRYPTOASSETS: MOVING TOWARDS INDUSTRY BEST PRACTICE, Clifford Chance, p. 33 // URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/06/custody-of-cryptoassets.pdf> (дата обращения - 24.02.2025).

информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА и оператор обмена ЦФА. Для УЦП единственным посредником, обеспечивающим их оборот является оператор инвестиционной платформы⁶⁰¹.

Это, по справедливому замечанию А.А. Щелоковой и В.А. Яковлева, создает регуляторную асимметрию и создает не обусловленные сущностью регулируемого вида цифровых прав пробелы⁶⁰².

Посредническая деятельность на рынке цифровых валют вовсе оставалась неурегулированной. Законодательно урегулированных криптобирж в России так и не появилось⁶⁰³.

Одним из важнейших достижений реформы законодательства о криптоактивах является создание единой системы посредников на рынке различных криптоактивов. Так цифровые депозитарии, брокеры, доверительные управляющие и организаторы торговли образуют инфраструктуру для оборота одновременно ЦФА, УЦП и цифровых валют.

Вместе с тем проведение реформы не стало панацеей для правового регулирования предпринимательской деятельности на рынке криптоактивов, многие проблемы, имевшиеся до принятия нового закона, сохранились, а некоторые стали еще более очевидными.

В первую очередь сохранилось противоречие нового закона статье 141.1 ГК РФ в части исключения указания на обращение цифровых прав без участия третьего лица. Указанное положение ГК РФ, как представляется, прямо противоречит построенной системе правового регулирования оборота криптоактивов, в основе которого лежит деятельность посредников.

⁶⁰¹ Не считая оборота цифровых свидетельств, удостоверяющих права на УЦП, которые являются ценной бумагой и обращаются по правилам традиционного рынка ценных бумаг.

⁶⁰² Щелокова А.А., Яковлев В.И. Сравнительная характеристика правового режима утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов // Юрист. 2021. № 11. С. 39 - 43.

⁶⁰³ Савина А.В. Легализация майнинга и криптобиржи в России: риски и пределы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 5. С. 64 - 71.

Как представляется, законодатель при введении данного положения пытался действовать в парадигме предполагающей, что оператор не является посредником в классическом смысле, а осуществляет техническое обеспечение функционирования информационной системы.

Следует согласиться с Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой в том, что конструкция цифровых прав, предложенная ГК РФ, вступает в противоречие с избранной регуляторной моделью ЦФА⁶⁰⁴. Указанное в кодексе понятие относится скорее к криптоактивам, выпускаемым в децентрализованных реестрах, где отсутствует учетный институт в лице оператора, хотя и в таких реестрах возможно участие третьих лиц, выступающих в роли посредников.

Об этом также говорит избегание в тексте Федерального закона № 259-ФЗ словесных конструкций, характерных для законодательства, регулирующего деятельность участников рынка ценных бумаг. Так, в части 2 статьи 4 упоминается внесение и изменение записей в информационной системе «по указанию» обладателя ЦФА, а не «по поручению», как в соответствующих положениях законодательства, регулирующих депозитарную деятельность. В рамках реформы, в отношении цифрового депозитария используется конструкция «по распоряжению». При этом очевидно, что роль оператора, особенно в пореформенном законодательстве, выходит далеко за пределы сугубо технической, а сохранение данного положения в ГК РФ с учетом проведенной реформы, вызывает недоумение.

Безусловно, реформа законодательства о криптоактивах не решает всех проблем, существующих в этой сфере. Не урегулированными остаются некоторые виды криптоактивов, например, невзаимозаменяемые токены, которые не отвечают признакам цифровых прав или цифровых валют. Как видится, решением данного вопроса могло бы стать признание единого правового режима криптоактивов, как объектов вещных (квазивещных прав). При принятии указанного подхода оборот таких криптоактивов также будет

⁶⁰⁴ Санникова Л.В. Харитонова Ю.С. Цифровые активы: Монография – М. 2020. С. 231.

возможен в рамках создаваемой инфраструктуры рынка криптоактивов, при этом такой оборот будет возможен вне системы посредников по общим правилам ГК РФ о вещных правах.

Нельзя не отметить и определенную искусственность всей выстраиваемой системы посредников на рынке криптоактивов. Как было ранее установлено в настоящей работе, криптоактивы могут обращаться между лицами без участия лица, осуществляющего их учет (регистратора, реестродержателя, депозитария и т.д.), передаваясь напрямую между пользователями в системе распределенного реестра. По итогам реформы даже открытие кошельков (адресов-идентификаторов) в системе распределенного реестра должно осуществляться посредником, а не пользователем напрямую⁶⁰⁵.

При этом итогом реформы станет то, что любые сделки, осуществляемые в обход системы посредников будут выведены за пределы правового регулирования. Хотя прямо совершение потенциальными инвесторами таких сделок не будет запрещено, правовые преграды, такие как предусмотренная в статье 21 Федерального закона «О цифровых валютах и цифровых правах» ответственность за осуществление организации обращения цифровых валют и цифровых прав, а также ограничения на переводы таким лицам, будут означать фактический вывод таких сделок за пределы правового регулирования. То же относится и к использованию так называемых некастодиальных кошельков, то есть кошельков (адресов), открываемых пользователем непосредственно.

Как представляется, созданная реформой система правового регулирования криптоактивов, основанная на использовании посредников на каждом этапе их оборота, создает существенные проблемы для стабильного функционирования рынка.

⁶⁰⁵ Например, ст. 23, 24 Федерального закона «О цифровых валютах и цифровых правах».

Безусловно, создание такой противоестественной обязательной надстройки в виде посредников хотя и является чуждым обороту криптоактивов делает этот оборот регулируемым для государства. Каждый этап легального оборота криптоактивов таким образом становится поднадзорным государству в лице Банка России, Росфинмониторинга и правоохранительных органов. Такая прослойка должна обеспечить защиту прав и законных интересов граждан при осуществлении инвестиций на крипторынке ввиду того, что незаконный оборот криптоактивов и их использование в незаконных целях является главной проблемой рынка криптоактивов в целом⁶⁰⁶.

Вместе с тем построение правового регулирования оборота криптоактивов вокруг инфраструктуры посредников создает риски нарушения баланса публичных интересов государства в лице регулирующих органов и частных интересов инвесторов, и иных участников рынка криптоактивов, в том числе самих организаций, формирующих инфраструктуру этого рынка.

Как верно отмечает Д.И. Дедов, задачей правовых норм является защита одних интересов и одновременно ограничение иных конфликтующих с ними интересов⁶⁰⁷. При этом интересы государства, безусловно, состоят в создании прозрачного и регулируемого оборота криптоактивов, при котором будет минимизирован риск использования криптоактивов в противозаконных целях. В то же время интересы участников рынка криптоактивов состоят в максимизации получаемой прибыли, что возможно в случае использования всех основных преимуществ крипторынка.

Таким образом, в силу трансграничного характера рынка криптоактивов, отсутствие непосредственного доступа российских инвесторов к международным платформам обращения криптоактивов, по сути, лишает инвесторов важных преимуществ участия в обороте криптоактивов,

⁶⁰⁶ Мочалкина И.С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики :автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022. С. 3.

⁶⁰⁷ Дедов Д.И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства: Монография. М., 2002.

устанавливая дополнительные барьеры для свободного движения капитала. Особенно очевидными риски инвесторов становятся с учетом действующих санкционных ограничений «недружественных» государств в отношении Российской Федерации и, в частности, ее финансового сектора. Как верно отмечается в литературе, область применения санкционного законодательства постоянно расширяется и имеет экстерриториальный характер, что создает риски не только для государства, являющегося целью ограничений⁶⁰⁸.

Инфраструктура посредников на рынке криптоактивов является очевидной мишенью для государств, вводящих санкции и фактически лишаящих возможности получить доступ к международным платформам даже через посредников. Международные платформы (даже из «дружественных» стран) могут отказать в допуске российским посредникам из-за риска ведения вторичных санкций.

Вместе с тем, представляется, что ввиду трансграничного характера распределенных цифровых реестров и возможности доступа к ним с любого компьютера, имеющего выход в интернет, использование посредников при обороте «легальных» криптоактивов не устраняет риска их использования в незаконных целях, поскольку оборот таких объектов может легально осуществляться в обход создаваемой инфраструктуры с использованием зарубежных сервисов.

Единственной областью предотвращения рисков использования криптоактивов в незаконных целях остаются проверки на этапе приобретения криптоактивов за «фиатные» деньги или на этапе продажи криптоактивов за «фиатные» деньги. При этом указанные процедуры уже проводятся банками и финансовыми организациями, в рамках процедур AML в отношении

⁶⁰⁸ Тарасенко О.А. Банковские инициативы объединения БРИКС // Банковское право. 2024. № 4. С. 69.

денежных переводов, направленных на приобретение цифровой валюты, что справедливо отмечается в литературе⁶⁰⁹.

Таким образом представляется, что установление на законодательном уровне обязательного обращения криптоактивов через инфраструктуру посредников является значительным и во многом неоправданным ограничением свободы предпринимательства, поскольку фактически лишает участников рынка значительных преимуществ, с которыми обычно и связывается оборот криптоактивов.

Для развития рынка криптоактивов в России и сохранения за нашей страной лидирующих позиций на этом рынке, представляется необходимым обеспечение возможности непосредственного участия российских инвесторов и предпринимателей в международном обороте криптоактивов, в том числе, возможности непосредственного использования международных платформ и криптобирж. При этом допуск лиц к данному рынку может осуществляться в рамках экспериментального правового режима, в рамках которого резиденты особой экономической зоны получают расширенные по сравнению с иными лицами права в отношении криптоактивов. Подобный правовой режим действует в частности в ОАЭ и Беларуси в рамках Парка высоких технологий⁶¹⁰.

Вывод:

Специфика участия криптоактивов в гражданском обороте во многом обусловлена их техническими свойствами и свойствами распределенных цифровых реестров, в которых осуществляется выпуск таких активов. Свойства распределенных цифровых реестров определяют особый способ оборота криптоактивов – смарт-контракт, представляющий собой гражданско-правовой договор в цифровой форме (в форме компьютерной программы),

⁶⁰⁹ Стоянов А. Как банкам работать с криптовалютами в ВЭД, не нарушая требований регулятора // Налогообложение, учет и отчетность в коммерческом банке. 2025. № 7. С. 7.

⁶¹⁰ Абросимова Е.А., Альбет К.-О.А. Регулирование криптовалют в Республике Узбекистан и Республике Беларусь // Международное публичное и частное право. 2026. № 2. С. 33 – 37.

являющейся разновидностью простой письменной формы договора, при этом ввиду применения средств криптографической защиты большую степень защищенности, чем договор, заключаемый с применением простой электронной цифровой подписи. Смарт-контракт также предполагает особый способ исполнения договорных обязательств, для которого помимо самоисполнимости, характерной не только для смарт-контрактов, но и для иных программируемых договоров, характерны также свойства неизменяемости и необратимости, обусловленный технологически свойствами распределенного цифрового реестра.

Особенности правового регулирования осуществления предпринимательской деятельности на рынке криптоактивов также обусловлены их экономическими и, на более базовом уровне, техническими свойствами, а именно трансграничностью, возможностью обращения без участия посредников, а также особенностями создания некоторых криптоактивов с помощью майнинга или стейкинга.

При этом возможность обращения без участия посредников не значит, что такие посредники на рынке криптоактивов отсутствуют вовсе, напротив, они могут значительно упростить оборот криптоактивов на рынке со множеством участников. В то же время выбранная при реформировании законодательства о криптоактивах регуляторная модель направлена на расширение роли посредников на рынке криптоактивов, расширение их функционала. Регулирование предусматривает фактический запрет на операции с криптоактивами без обращения к посредникам, внесенным в реестры Центрального банка Российской Федерации. Как представляется выбранный подход нарушает баланс частных и публичных интересов, не отвечает изначальному смыслу рынка криптоактивов как рынка равных субъектов, функционирующего без участия посредников и не служит задаче сохранения Россией лидирующих позиций на рынке криптоактивов, поскольку влечет риск потери Россией конкурентных преимуществ на данном

рынке ввиду ухода участников рынка в юрисдикции с более либеральным законодательством, а также повышения риска санкционных ограничений для российского крипторынка.

Заключение

Итоги выполненного исследования.

Активы, выпускаемые в распределенных цифровых реестрах (цифровые токены, криптоактивы), представляют собой объект, существующий в форме записи в распределенном цифровом реестре, который может обращаться и сохраняться в рамках такого реестра в привязке к идентификатору (кошельку) и содержащее в себе экономическую ценность.

Распределенный цифровой реестр представляет собой криптографическую технологию, которая позволяет совершать транзакции по передаче записей (криптоактивов) с одного кошелька на другой и сохранять информацию о транзакциях, совершаемых в такой системе без возможности изменить такую информацию в дальнейшем.

При этом главным особенностями такой системы, влияющими на правовой режим выпускаемых в них активов, являются обеспеченные технологически:

- 1) прозрачность вносимой в распределённый цифровой реестр информации (транзакций), предполагающая возможность видеть всю историю транзакций;
- 2) защищенность такой информации от взлома или подделки, обеспеченная технологиями криптографии;
- 3) невозможность произвольного изменения ранее внесенной информации, что позволяет решить проблему «двойной траты» и позволяет сделать цифровой токен уникальным и не копируемым, что нехарактерно для объектов в цифровой форме.

Технологические особенности распределенного реестра позволяют выстроить регистрационную систему в которых традиционные принципы внесения, открытости и публичной достоверности могут быть обеспечены технологически без необходимости соблюдения иных принципов (например принципа легалитета).

При этом реестровая природа криптоактивов не означает, что они являются лишь способами закрепления (фиксации) имущественных прав. Цифровые токены можно рассматривать как самостоятельные объекты гражданских прав независимо от того, являются они самоценными или несамоценными.

Токены-ценные бумаги (секьюрити токены) несмотря на кажущееся сходство с бездокументарными ценными бумагами по своей правовой природе больше схожи с документарными ценными бумагами, поскольку предполагают удостоверение имущественных прав не путем обращения к регистрирующему лицу, а фиксацию прав в определенном носителе, который хоть и не является физической бумагой, но выполняет те же функции в обороте, что и документ для документарной ценной бумаги. Имущественное право, зафиксированное в секьюрити-токене привязано к нему как право из документарной ценной бумаги привязано к бумажному носителю

Исходя из технических свойств криптоактива и в первую очередь невозможности «двойного списания» токенов с кошелька такой актив может быть объектом абсолютных прав. Такое право ближе всего по правовому режиму к вещным правам. Цифровой токен обладает основными юридическими признаками вещи, а именно возможностью быть объектом эксклюзивного господства (владения), обращаться путем фактической передачи (*traditio*) и защищаться путем виндикации, что отличает криптоактивы от объектов исключительных прав, для которых характерна идеальная форма существования. Таким образом нематериальная форма криптоактива не влечет необходимости создания нового субъективного права

для таких объектов поскольку такая форма остается объективной и с точки зрения права идентична материальной, ввиду чего право на криптоактив следует считать разновидностью вещных прав, а сам криптоактив следует охарактеризовать в качестве бестелесного имущества (нормативной вещи).

Оборот криптоактивов может обеспечиваться технологически с помощью «умных» договоров (смарт-контрактов), которые представляют собой соглашение, заключаемое в распределенном цифровом реестре, предполагающее автоматическое исполнение его условий, неизменность и неотменяемость таких условий, если иное не предусмотрено самой программой.

Смарт-контракт имеет сложную природу, являясь одновременно программой для ЭВМ (внешняя сторона смарт-контракта) и формой гражданско-правового договора (внутренняя сторона смарт-контракта). При этом существование договора в форме смарт-контракта предполагает особый способ исполнения договорного обязательства и способ обеспечения исполнения обязательств (в широком смысле) или обеспечительную меру. При внесении в законодательство дополнительных изменений, направленных на установление особенностей применения смарт-контрактов, такой смарт-контракт может рассматриваться как специальная договорная конструкция.

Предпринимательская деятельность на рынке криптоактивов имеет значительные сходства с финансовым рынком. Ключевую роль на российском рынке криптоактивов играют предприниматели, осуществляющие посреднические функции. Последние изменения в законодательство направлены на увеличение роли посредников в обороте криптоактивов и создание единой инфраструктуры для обращения различных видов криптоактивов. Это позволит создать регулируемый рынок объектов, которые создавались как не поддающиеся регулированию. Обратной стороной этого процесса станет фактический запрет на деятельность в России большинства существующих инструментов оборота цифровых токенов (криптовбирж и р2р

площадок), а, следовательно, и лишение российских инвесторов выгод от основных преимуществ крипторынка – его трансграничности и децентрализованности.

Перспективы дальнейшего регулирования криптоактивов

Важнейшим направлением для развития регулирования криптоактивов должна стать унификация правового режима различных цифровых токенов. Как видится для всех существующих видов криптоактивов, независимо от того, являются ли такие активы самоценными, несамоценными, выпускаемыми в публичных или частных реестрах, взаимозаменяемыми или невзаимозаменяемыми можно выработать единый правовой режим, в основе которого должен лежать правовой режим вещей.

При этом ввиду нематериального характера криптоактивов может быть выработано два подхода к их регулированию.

Первый – признание концепции бестелесных вещей в российском гражданском праве. Для такого шага уже есть предпосылки ввиду большого количества как давно существующих (земельные участки, квартиры в многоквартирных домах, электрическая энергия и т.д.), так и вновь возникающих (криптоактивы, виртуальное имущество) объектов, не имеющих пространственных границ, но обладающих другими признаками вещей.

Второй – создание юридической фикции, при которой объект, не относящийся к вещам формально, имеет правовой режим идентичный правовому режиму вещи. По такому пути пошел немецкий законодатель при формулировании правового регулирования цифровых ценных бумаг.

Необходимы и некоторые изменения в законодательство, связанные с правовым регулированием смарт-контрактов. В частности, необходимо установить способы изменения и расторжения смарт-контракта в случае, если такой контракт будучи компьютерной программой уже был запущен.

Изменение и расторжение такого договора возможно только путем заключения нового договора.

Развитие законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность на рынке криптоактивов ставит важный вопрос о полном устранении регуляторного арбитража между криптоактивами и традиционными финансовыми инструментами вплоть до признания несамоценных криптоактивов разновидностями ценных бумаг, а криптовалюты в качестве валютных ценностей. Как видится такой подход будет способствовать большей правовой определенности при регулировании новых отношений, а также соответствовать лучшим международным практикам.

При этом устранение возможности осуществления сделок с криптоактивами в отрыве от инфраструктуры посредников способно оказать негативное влияние на развитие рынка криптоактивов и экономики страны в целом ввиду утраты Россией конкурентных преимуществ простоты выхода на международный рынок криптоактивов и как следствие оттока инвесторов в правовые порядки с более либеральным законодательством. Кроме того, принятая модель регулирования посреднической деятельности создают санкционные риски для российских предпринимателей. Данная модель нуждается в пересмотре и создании большей диспозитивности в доступе бизнеса к трансграничным операциям без участия посредников.

Библиографический список

Международные документы

1. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU (recast) Text with EEA relevance. — URL: <https://clck.ru/3LeHaR> (дата обращения: 20.01.2026).
2. European Securities and Markets Authority (ESMA). Guidelines on the Conditions and Criteria for the Qualification of Crypto-Assets as Financial Instruments : Final Report No. ESMA75453128700-1323. — URL: <https://clck.ru/3LeHb5> (дата обращения: 20.01.2026).
3. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. — Rome : UNIDROIT International Institute for the Unification of Private Law, 2016. — 34 p.
4. UNIDROIT PRINCIPLES ON DIGITAL ASSETS AND PRIVATE LAW URL^<https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf> (дата обращения: 23.07.2026)

Нормативные правовые акты Российской Федерации

5. Информация Банка России «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» от 27.01.2014. — URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 24.02.2025).
6. Информация Банка России «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» от 04.09.2017. — URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017_09-04T18_31_05.htm (дата обращения: 24.02.2025).
7. Официальный сайт Банка России. — URL: <https://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/98365/1912> (дата обращения: 24.02.2025).

Стратегии, рекомендации и иные официальные документы

8. Протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.
9. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» : принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 № 175-2/2018.

Нормативные правовые акты, имеющие историческое значение

10. Ordinance No. 2016-1635 of 1 December 2016, modifying Article L. 561-2 of the Code monétaire et financier (Monetary and Financial Code).

Правоприменительная практика (российская)

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.11.2016 № 23-П.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30.07.2019 № 4-КГ19-28.
17. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2026 № 88-3724/2026
18. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2023 № 77-1053/2023.
19. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.07.2021 по делу № 88-11126/2021, 2-1252/2021. Постановление 9 арбитражного апелляционного суда по делу № А40-164942/2019.
20. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 09АП-76537/2019.
21. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017.
22. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 октября 2022 г. № 09АП-63742/2022 по делу № А40-56943/22.
23. Решение арбитражного суда города Москвы от 08 апреля 2015 года Дело № А40-56211/14-90-70;

Иностранная правоприменительная практика

24. Internet and Mobile Association of India v Reserve Bank of India (2020 SCC Online SC 275).
25. Riley v. California. — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/13/13-132_8l9c (дата обращения: 24.02.2025).

26. Securities and Exchange Commission v. Trendon T. Shavers and Bitcoin Savings and Trust, U.S. District Court for the Eastern District of Texas.

Нормативные правовые акты иностранных государств

27. Payment Services Act № 59 of June 24, 2009 (or Law No. 59 of Heisei 21)
28. Reserve Bank of India. Prohibition on dealing in Virtual Currencies (VCs) (April 6th 2018). — URL: www.rbi.org.in/Scripts/NotificationUser.aspx?Id=11243&Mode=0 (дата обращения: 24.02.2025).
29. Lichtenstein Law of 3 October 2019 on Tokens and TT Service Providers (Token and TT Service Provider Act; TVTG)
30. eWpG § 2 Abs. 3; Vig Zs. Inhaberschuldverschreibungen auf der Blockchain – Kryptowertpapiere und Wertpapiere sui generis aus Sicht der Praxis // Zeitschrift für Bank-und Kapitalmarktrecht. 2022 № 6. С. 442–449.

Библиография на русском языке

Учебники, учебные пособия и монографии

31. Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности : практическое пособие. — М. : Юстицинформ, 2023. — 320 с.
32. Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. — М., 2007. — 350 с.
33. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. — М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. — 192 с.
34. Анненков К. Система русского гражданского права. Т. 1. Введение и общая часть. — 3-е изд., вновь пересм. и доп. — СПб., 1910. — 680 с.
35. Барац С.М. Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. — СПб., 1893. — С. 658–659.
36. Бевзенко Р.С. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. — М., 2017. — С. 412.
37. Безуглов Р.В. Конвергентный подход к технологии блокчейн и криптовалютам: проблемы правового регулирования // Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права : монография. — М. : Юстицинформ, 2023. — 672 с.
38. Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве : учебное пособие по спец. курсу : в 2 т. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2007. — Т. 2. — С. 497–565.
39. Белых В.С., Болобонова М.О. Проблемы правового регулирования смарт-контрактов в России // Правовое регулирование экономических

- отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. — М., 2019. — С. 104.
40. Белых В.С., Болобонова М.О. Проблемы правового регулирования смарт-контрактов в России (дубль) // Там же. — С. 104.
41. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. — 4-е изд. — М. : Статут, 2020. — 476 с.
42. Быков А.Г., Кененов А.А., Козлов Ю.М. Экономическая политика КПСС и право. — М., 1979. — 215 с.
43. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1 / пер. с нем. С.В. Пахмана ; под ред. П.Д. Калмыкова. — СПб. : Тип. Н.К. Мартынова, 1874. — С. 94.
44. Винья П., Кейси М. Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. — С. 11.
45. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2018. — 528 с.
46. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. — М. : Статут, 2011. — 1104 с.
47. Гай. Институции / пер. с лат. и коммент. С.А. Иванова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. — С. 59.
48. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права: Часть Общая. Т. 1. — СПб., 1911. — 780 с.
49. Гантовер Л.В. Залоговое право. Объяснения к положениям главы IV раздела I проекта Вотчинного устава. — СПб., 1890. — 773 с.
50. Гонгало Б.М. Обеспечение исполнения обязательств. — М. : Спарк, 1999. — С. 59.
51. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. — СПС «КонсультантПлюс». — С. 20.
52. Гражданское право: учебник : в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.] ; под ред. Б.М. Гонгало. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2018. — Т. 1.
53. Губарева А.В., Латыев А.Н. Недвижимость за рубежом: Правовые вопросы : учебное пособие. — М. ; Екатеринбург, 2010. — С. 57–62.
54. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. — М. : Юрист, 2006.
55. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1, ч. 2. Вещное право. — СПб., 1905. — 378 с.
56. Дождев Д.В. Римское частное право. — М., 2022. — 784 с.
57. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Международное частное право и инвестиции : монография. — М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2012. — 284 с.
58. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. — 143 с.

- 59.Каминка А.И. Основы предпринимательского права. — Пг., 1917. — 345 с.
- 60.Карев Я.А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование. — М. : Статут, 2006. — 319 с.
- 61.
- 62.Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов : монография. — М. : ИНФРА-М, 2024. — 124 с. — С. 14–15.
- 63.Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Объекты гражданских прав: основы авторской концепции. — М. : Статут, 2025. — С. 10.
- 64.
- 65.Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. — М. : Деловой двор, 2010. — 200 с.
- 66.Мировидов Н. Вексельное право: Сравнительно-критический очерк. — Ярославль : Тип. В.В. Фальк, 1877. — (Временник Демидовского юридического лицея. Книга тринадцатая). — С. 5.
- 67.Мурзин Д.В. Ценные бумаги — бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. — М. : Статут, 1998. — 176 с.
- 68.Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. — 4-е изд., испр. — (Классика российской цивилистики). — 316 с.
- 69.Нерсесов Н.О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права. Историко-догматическое исследование. — М., 1889. — 188 с.
- 70.Нефедьев Е.А. Торговое право. — М. : Типолитография В. Рихтер, 1900. — С. 189–190.
- 71.Николаева Т.Е. Эволюция денег и их особенности в современных условиях : учебное пособие. — М. : Флинта, 2017. — С. 43.
- 72.Новиков К.А. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: предпосылки, цели и главные приемы их достижения : монография. — М. : Проспект, 2019. — С. 53.
- 73.Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А.Г. Карапетов. — Электронное издание. Редакция 1.0. — М. : М-Логос, 2020. — С. 521–629.
- 74.Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Третья часть: Договоры и обязательства. — 2-е изд., с переменами и доп. — СПб. : Синодальная тип., 1890. — С. 247–248.
- 75.Покровский И.А. История римского права. — 419 с.
- 76.Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — М., 1998. — СПС «Гарант».

- 77.Поппер Н. Цифровое золото: невероятная история биткойна или о том, как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново / пер. с англ. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 350 с.
- 78.Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан [и др.] ; отв. ред. Е.П. Губин. — М. : Юстицинформ, 2019. — 664 с.
- 79.Пухта Г.Ф. Курс Римского Гражданского Права. Т. I / пер. с последн. нем. изд. проф. Рудорффа ; изд. Ф.Н. Плевако. — М., 1874. — 556 с.
- 80.Римское частное право : учебник / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. — М. : Юрист, 2004. — 512 с.
- 81.Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. — М., 2020.
- 82.Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. — М. : Статут, 2005. — 636 с.
- 83.Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. — М. : Олимп-Бизнес, 2017. — С. 11.
- 84.Скловский К.И. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». — М., 2011. — С. 64.
- 85.Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. — М., 1999. — 1016 с.
- 86.Советское гражданское право : учебник : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В.А. Рясенцева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрид. лит., 1986. — С. 493.
- 87.Степанов Д.И. Защита прав владельца бездокументарных ценных бумаг, учитываемых записью на счете. — М. : Статут, 2004. — 127 с.
- 88.Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2017. — 560 с.
- 89.Суханов Е.А., Маттеи У. Основные положения права собственности. — М. : Юрист, 1999. — 384 с.
- 90.Толстой В.С. Исполнение обязательств. — М. : Юридическая литература, 1973. — С. 12.
- 91.Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — С. 197.
- 92.Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 2. — С. 68.
- 93.Шретер В. Советское хозяйственное право (право торгово-промышленное). — М. ; Л. : Госиздат, 1928. — С. 237–239.
- 94.Эннексерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1. — М., 1949. — 440 с.

95. Юлдашбаева Л.Р. Правовое регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций). — М. : Статут, 1999. — 205 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

96. Баракина Е.Ю. Финансово-правовое регулирование внедрения систем распределенного реестра в национальную платежную систему : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. — С. 15–16.
97. Башкатов М.Л. Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук.
98. Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Новосибирск, 2022. — С. 22.
99. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... д-ра юрид. наук. — М.
100. Кузьменков М.Ю. Правовое регулирование трансграничного оборота цифровых активов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М. — С. 20.
101. Меньшенин П.А. Предварительный договор в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — С. 28.
102. Мочалкина И.С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022.
103. Никитин Д.В. Правовой режим цифровой валюты: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — С. 14.
104. Никифоров А.Ю. Бездокументарные ценные бумаги как объекты гражданских правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2010. — 26 с.
105. Павлова Д.А. Цифровые права как объект частноправового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — С. 23.
106. Раздорожный К.Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — С. 10.
107. Садков В.А. Цифровые финансовые активы, как объекты гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018.
108. Содель О.В. Финансово-правовое регулирование обращения цифровых финансовых активов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — С. 10.
109. Сперанский В.К. Именные эмиссионные ценные бумаги в системе корпоративного и акционерного правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2006. — 29 с.
110. Юренкова О.С. Специальные договорные конструкции о предоставлении субъективного права требования заключения и

исполнения гражданско-правовых договоров в будущем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014.

Научные статьи

111. Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. № 1. С. 11.
112. Автонова Е.Д. Смарт-контракты в современном российском праве: возможности реализации технологии // Плехановский барометр. 2017. № 4. С. 25–28.
113. Анисимова Э.С. Асимметричные системы шифрования // Экономика и социум. 2015. № 1-2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/asimmetrichnye-sistemy-shifrovaniya> (дата обращения: 24.02.2025).
114. Андреев Ю.Н. Об объектах гражданских прав, правоотношений и гражданско-правового регулирования: дискуссионные аспекты // Цивилист. 2023. № 5. С. 39–48.
115. Арашева О. О. Майнинг криптовалют: процесс, риски и влияние вредоносного ПО // Вестник науки. 2024. №3 (72) С. 396 – 398.
116. Арсланов К.М. Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? // Гражданское право. 2021. № 6. С. 18–23.
117. Асосков А.В. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 66–74.
118. Ахмадуллина А.Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 12 (193). С. 43.
119. Ахмедов А.Я. К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // Право и цифровая экономика. 2020. № 2 (08). С. 22–25.
120. Бажина М.А., Щекочихина Е.П. Правовые предпосылки применения смарт-контрактов // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. 2024. Т. 11429, № 2. С. 94–101.
121. Бар Кристиан фон. Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstuck) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия "вещь" в европейском вещном праве // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 113–138.
122. Бевзенко Р.С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 28.
123. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169 ; № 12. С. 68–115.

124. Бевзенко Р.С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 68–91.
125. Бегичев А.В., Рисовская С.С. Проблемы правового регулирования наследования криптовалют // Наследственное право. 2023. № 3. С. 15–18.
126. Бегларян М.Е., Добровольская Н.Ю. Блокчейн-технология для цифровизации экономики: угрозы и перспективы // Правовая информатика. 2020. № 4. С. 46–53.
127. Беликов Е.Г., Беликова А.В. Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 169–172.
128. Белицкая А.В. Перспективы разработки новых правовых конструкций инвестирования для цифровой экономики // Юрист. 2019. № 3. С. 28–33.
129. Белов В.А. Общие положения о ценных бумагах: некоторые юридические заблуждения // Законодательство. 2009. № 2. С. 11.
130. Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. — М. : Статут, 2007. С. 6–77.
131. Белых В.С. Теория и практика управления предпринимательскими рисками // Предпринимательское право. 2025. № 2. С. 2 - 9
132. Богданов Е.А. Правовое регулирование цифровых активов: вызовы и перспективы защиты прав участников финансового рынка // Международное публичное и частное право. 2025. № 2. С. 38–41.
133. Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. № 7. С. 108–118.
134. Богустов А.А. Ценные бумаги в праве Польши: сравнительно-правовой анализ // Бюллетень нотариальной практики. 2008. № 1. С. 17–21.
135. Бодяко А.В., Пономарева С.В., Рогуленко Т.М. Идентификация цифровых прав в качестве объекта учета и контроля // Учет. Анализ. Аудит. 2021. № 5. С. 14–28.
136. Бойцов С.М. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 84–90.
137. Бормашева К., Новоселова Л., Янковский Р., Жужжалов М., Башкатов М., Огородов Д., Есаков Г., Кириллов Д., Успенский М. Оборот цифровых активов в России // Закон. 2020. № 12. С. 21.
138. Братусь С.Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве. Доклад на заседании сектора гражданского права ВИЮН // Сов. гос. и право. 1949. N 11. 364 с.

- 139.
140. Брой У.Ш. Блокчейн и криптовалюты: нужна ли новая законодательная база // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 13–20.
141. Брой Ш.У. Регулирование блокчейн-проектов, основанных на технологии распределенного реестра // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 14–21.
142. Булгаков И.Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн // Закон. 2016. № 12. С. 85.
143. Бушев А.Ю. Цифровые ценные бумаги и защита прав их обладателей // Закон. 2021. № 10. С. 27–38.
144. Вайпан В.А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 5–27.
145. Варламова А.Н. Категории "цифровая платформа" и "цифровой товарный рынок" для целей конкурентного права // Конкурентное право. 2025. № 4. С. 6–12.
146. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
147. Василишин И.И., Назинцева А.П. Смарт-контракт: отдельные проблемы определения и правовой регламентации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 1 (846). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-otdelnye-problemy-opredeleniya-i-pravovoy-reglamentatsii> (дата обращения: 18.01.2026).
148. Васильев Г.С. Движимые вещи // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. — М. : Статут, 2007. С. 278–325.
149. Вахабава М. Проблемы правовых последствий, порождаемых смарт-контрактами // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 22–30.
150. Вебер Х. Обеспечение обязательств (Kreditsicherungsrecht) / пер. Ю.М. Алексеева, О.М. Иванова. — М., 2009. С. 7.
151. Витрянский В.В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 55–59.
152. Волос А.А. Гражданско-правовая сущность смарт-контракта // Юрист. 2019. № 7. С. 27.
153. Волос А.А., Кужанова К. Смарт-контракты: юридическая интерпретация поведения сторон в свете принципа добросовестности // Закон. 2024. № 9. С. 162–169.
154. Волос А.А. Юридическая квалификация смарт-контрактов // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: Теория и практика : сб. ст. VII Международной научно-практической

- конференции. — Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2019. С. 23.
155. Гармашев М.А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Legal Bulletin. 2023. № 2. С. 77–87.
 156. Гончарова М.В., Гончаров А.И., Споловихин О.Ю. Экономические интересы и риски участников операций с цифровыми финансовыми активами // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 2. С. 111.
 157. Городов О.А. Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России // Право и цифровая экономика. 2020. № 1. С. 5–10.
 158. Гринь О.С. Основные подходы к пониманию способов обеспечения исполнения обязательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 10. С. 44–51.
 159. Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8. С. 51–62.
 160. Грошев С.А. Налогообложение стейкинга цифровых валют в Российской Федерации: возникновение дохода для целей исчисления и уплаты НДФЛ и налога на прибыль // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 2. С. 30 - 46.
 161. Губанова С.Е. Доверие в цифровых технологиях // Научно-практические исследования. 2017. № 9. С. 41–42.
 162. Гусаков А.Г. Конспект лекций по вексельному праву, читанный проф. А.Г. Гусаковым в СПб. Политехническом институте в 1906–07 академ. году. — СПб. : Литография Трофимова, 1907. С. 6–7.
 163. Гусева А.А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 76–93.
 164. Демин А.А. Цивилистическое понимание гражданского оборота // Цивилист. 2022. № 1. С. 62 - 67.
 - 165.
 166. Добрынина Л.Ю. Понятие и признаки бездокументарных ценных бумаг // Хозяйство и право. 1999. № 6. С. 51.
 167. Дождев Д.В. Владение в системе гражданского права (часть 2) // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10, № 1. С. 4–78.
 168. Дождев Д.В. Самой идеей вещного права мы преодолеваем зависимость от материальных вещей // Закон. 2016. № 6. С. 8.
 169. Ершова, И. В. Изъятия норм федерального законодательства при установлении экспериментального правового режима / И. В. Ершова, О. А. Тарасенко // Хозяйство и право. – 2025. – № 7(582). – С. 25-35.

170. Ефимова Л.Г. Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве // *Lex russica*. 2020. № 3. С. 114–120.
171. Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист*. 2022. № 4. С. 6–15.
172. Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // *Банковское право*. 2021. № 5. С. 7–20.
173. Ефимова Л.Г., Михеева И.В., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 4. С. 78–105.
174. Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // *Банковское право*. 2019. № 1.
175. Ефремов А.А., Южаков В.Н. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // *Информационное общество*. 2021. № 3. С. 41–50.
176. Забоев К.И. Публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица // *Закон*. 2015. № 3. С. 94–120.
177. Загидуллин Д.Р., Пулявина Н.С. Перспективы развития технологии блокчейна в формате NFT // *Лизинг*. 2021. № 1. С. 40–44.
178. Загребельный Б.В. Проблема классификации в правовом регулировании NFT в Российской Федерации // *Право и практика*. 2025. № 2. С. 226–229.
179. Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и цифровая валюта: сравнительно-правовое исследование // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2024. № 1. С. 117 - 129.
180. Захаркина А.В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. № 3. С. 323 - 333.
181. Захаркина А.В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2020. Вып. 1 (47). С. 78–79.
182. Злобин А.Н. Гражданское право РФ в схемах и ответах // *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук*. 2017. Т. 14, № 1. С. 42–46.
183. Зубарев А.В., Голованова Е.А. Перспективы использования технологии блокчейн в кадастровых системах // *Научный вестник ИЭП им. Гайдара.ру*. 2018. № 8. С. 37–38.

184. Иванов В.В., Нурмухаметов Р.К. Содержание и экономическая природа стейбл-коинов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2020. № 1. С. 73–82. DOI: 10.34130/2070-4992-2020-1-73-82.
185. Иванов С.С. Регистрация лицензий, бессмысленная и беспощадная // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 170–186.
186. Идрисов И.Д. Правовые вопросы использования автоматизированных систем сообщений в электронной торговле // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 36. С. 53.
187. Исаева Д.Г. О блокчейн-технологии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 10-1 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-blokcheyn-tehnologii> (дата обращения: 25.02.2025).
188. Калятин В.О. Структура авторского права использования произведения: актуальные проблемы // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 60–70.
189. Карелина С.А., Фролов И.В. Правовое регулирование обращения криптовалюты и технологий Блокчейн в России: проблемы правоприменения в экономической деятельности и сфере несостоятельности (банкротства) // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2019. С. 118.
190. Карнушин В.Е. О гражданско-правовой природе майнинга. Майнинг как деятельность в рамках договора простого товарищества // Вестник Российской правовой академии. 2025. N 4. С. 122 - 131
191. Карцхия А.А. Новые горизонты ИТ и инноваций: корпоративный аспект // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2025. № 5. С. 25–33.
192. Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17–26.
193. Кирилловых А.А. Понятие ценной бумаги: теория, практика и современные законодательные новации // Законодательство и экономика. 2014. № 12. С. 43–55.
194. Коновалов А.С. Практика правового регулирования рынка криптовалют в США // Скиф. 2022. № 11 (75). С. 220–224.
195. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права // Избранные труды : в 2 т. — М., 2017. Т. 2. С. 213.

196. Кресс В.В. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 2–7.
197. Крылов О.М. Деньги как безналичные денежные средства: вопросы правового регулирования в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 156.
198. Кузнецов Ю.В. Криптоактивы как документарные ценные бумаги // Закон. 2018. № 9. С. 96–105.
199. Курбанов Р.А., Моисеев А.М. Анализ правового регулирования оборота цифровых прав в Республике Беларусь // Экономика. Право. Общество. 2022. Т. 7, № 3 (31). (Цифровые технологии и цифровое право).
200. Лаптева А.М. Цифровое свидетельство: понятие и место в системе ценных бумаг // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 93–102.
201. Лабабуева О.С. Понятие и правовая природа майнинга // Хозяйство и право. 2024. N№ 1. С. 69 - 79.
202. Ларина Т.В., Абрамов С.Г. Действие правовых норм в сфере рынка облигаций // Юрист. 2004. № 9. С. 29.
203. Лаутс Е.Б. Цифровой рубль: дискуссия о правовой природе и перспективах внедрения // Закон. 2024. № 9. С. 17–25.
204. Лескина Э.И. Правовое регулирование наследования невзаимозаменяемых токенов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-nasledovaniya-nevzaimozamenyaemyh-tokenov> (дата обращения: 24.02.2025).
205. Лисаченко А.В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. 2014. № 2. — СПС «КонсультантПлюс».
206. Любарская Н.В. Недействительность выпуска акций // Юрист. 2004. № 5. С. 41.
207. Макаров В.О. Классификация регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов): российский и зарубежный опыт // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 3. С. 35–41. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.6>.
208. Маковская А.А. Применение правил, установленных для ценных бумаг, к акциям в бездокументарной форме // Хозяйство и право. 2007. № 10. С. 52.
209. Малюков К.А. Электронные документы в международной морской перевозке грузов // Право и экономика. 2016. № 7. С. 33–41.

210. Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 6. С. 97–104.
211. Матвеева Е.Ю. Специальные договорные конструкции — дефинитивное определение // Юридическая наука. 2022. № 5. С. 69–76.
212. Мебония М.А. Технология блокчейн. Примеры блокчейна и его применение // Вестник науки. 2022. № 12 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blokcheyn-primery-blokcheyna-i-ego-primenenie> (дата обращения: 18.02.2025).
213. Метелева Ю.А. Обжалование отказов в государственной регистрации прав на земельный участок как один из способов установления достоверных сведений для внесения в ЕГРН // Право и экономика. 2021. № 6. С. 59–65.
214. Низамутдинов Р.Р., Нигматзянова Л.Р. Криптовалюты как новый финансовый актив: риски и возможности // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 5 (86). С. 226–231.
215. Никифоров А.Ю. «Бездokumentарные ценные бумаги». — 2014. — СПС «КонсультантПлюс».
216. Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник для вузов. М.: Издательство "Юрайт", 2025. 335 с.
217. Новоселова Л.А. Государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности: история вопроса // Хозяйство и право. 2019. № 3.
218. Новоселова Л.А. Криптовалюта как объект взыскания в исполнительном производстве // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1. С. 216–231.
219. Новоселова Л.А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 11, 15.
220. Новоселова Л.А., Гринь Е.С. Принципы государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Lex russica. 2019. № 7. С. 9–19.
221. Новоселова Л.А. "Токенизация" объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12 (491). С. 29–44.
222. Новоселова Л.А., Полежаев О.А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165–172.
223. Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Правовые риски совершения сделок с объектами интеллектуальных прав на цифровых платформах // Закон. 2019. № 10. С. 90–99.
224. Оводов А.А. Государственное регулирование торговой деятельности в Российской Федерации (интервью с кандидатом юридических наук, доцентом кафедры предпринимательского и

- корпоративного права юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Марией Александровной Егоровой) // Юрист. 2013. № 5. С. 3 - 9.
225. Олейник Е.В. Смарт-контракт: понятие и перспективы развития в России // Материалы VI Международного научного конгресса. Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система / под науч. ред. А.В. Шарковой, О.Н. Васильевой, Б. Оторовой. 2018. С. 310.
226. Останина Е.А. Есть ли потребитель в системе Р2Р-финансирования? // Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. — М. : Статут, 2019. С. 25.
227. Останина Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн-игре – договор с участием потребителей // Право в сфере Интернета : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. — М. : Статут, 2018.
228. Перепелкина Я.А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 45–59.
229. Петраков Н.А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1 (47). С. 62–69.
230. Плеханов В. Кriptoактивы в частном праве // О частном праве : сб. ст. к 50-летию профессора С.В. Третьякова. — М., 2025. С. 32.
231. Подшивалов Т.П. К вопросу о способах достижения реализации принципа правовой определенности в гражданском праве // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, ПГНИУ 18 - 19 ноября 2016 г.) / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
232. Политкин И.А. Объединительные основы гражданско-правовых сообществ // Цивилист. 2025. N 4. С. 79 - 83.
233. Попандопуло И.Д., Аникин А.В. Атака 51% в криптовалютных системах: сущность, прецеденты, затратность // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 1. URL: <http://e-koncept.ru/2019/194008.htm> (дата обращения: 26.08.2024).
234. Рабец А.П., Найденов К.Д. Гражданско-правовой режим невзаимозаменяемых токенов (NFT): современное состояние и перспективы развития законодательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 142–154.
235. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (К проблеме деления хозяйственных прав) // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 144–204.

236. Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты // Право цифровой экономики — 2020 (16) / рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. — М. : Статут, 2020. С. 5–78 (10–18).
237. Рожкова М.А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 5.
238. Рожкова М.А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data // Закон.ру. 22 апреля 2019. URL: <https://zakon.ru/blog/2019/4/22> (дата обращения: 24.02.2025).
239. Рубанов А.А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // Развитие советского гражданского права на современном этапе / отв. ред. В.П. Мозолин. — М. : Наука, 1986. С. 105.
240. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.
241. Савельев А.И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.
242. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117.
243. Савина А.В. Легализация майнинга и криптобиржи в России: риски и пределы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 5. С. 64–71.
244. Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право : монография / отв. ред. Е.Б. Лаутс. — М. : Статут, 2019. С. 159.
245. Саженов А.В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 106–121.
246. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовые аспекты применения технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе // Гражданское право. 2018. № 5. С. 3–8.
247. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27–34.
248. Сарбаш С.В. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 66–74.
249. Сафиуллин М.Р., Савеличев М.В., Ельшин Л.А. Блокчейн как технология повышения доверия и снижения транзакционных издержек

- в финансовой сфере // Вопросы инновационной экономики. 2019. № 3. С. 1161–1173.
250. Серкина А.В., Борисова О.В. Смарт-контракт: юридическая природа и сфера его применения // Студенческие научные исследования : сб. ст. XII Международной научно-практической конференции : в 2 ч. (Пенза, 20 мая 2022 года). — Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 98–101.
 251. Ситник А.А. Использование криптовалют в трансграничных расчетах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 8. С. 33 - 41.
 252. Суворов Е.Д. К вопросу о месте цифровых технологий в рамках института исполнения обязательств // Закон. 2020. № 8. С. 111–124.
 253. Суворов Е.Д. Иск из владения цифровым активом// Проблемы развития гражданского законодательства и практики его применения: сборник статей, посвященный юбилею профессора В.В. Витрянского. М. Статут. С. 24 – 57.
 254. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.
 255. Суханов Е.А. Законопроект об искусственном интеллекте и гражданско-правовые проблемы цифровизации. Lex russica. 2026;79(6) С. 9-21.
 256. Тарасенко, О. А. Цифровое преобразование банковской и платежной систем России / О. А. Тарасенко // Предпринимательское право. – 2019. – № 3. – С. 3-10.
 257. Тарасенко, О. А. Экспериментальный правовой режим - полигон для инноваций и регулирования / О. А. Тарасенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 40-55.
 258. Тарасенко О.А. Банковские инициативы объединения БРИКС // Банковское право. 2024. N 4. С. 69 - 77.
 259. Тихонов В.В. Типизация функционального назначения информационных реестров в сфере правового регулирования предпринимательства // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 34–49.
 260. Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Криптовалюта как имущество — анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 9. С. 91–135.
 261. Тропская С.С. Финансовый рынок: проблемы правовой неопределенности // Безопасность бизнеса. 2022. № 4. С. 35–34.
 262. Тропская С.С. Цифровые финансовые активы как новый феномен финансового рынка: правовое регулирование и особенности налогообложения // Финансовое право. 2025. № 6. С. 26–29.

263. Трофимец И.А. Регистрационное пространство Королевства Испания: сектор актов гражданского состояния // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 65–73.
264. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118–147.
265. Турбанов А.В. Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 59.
266. Увакина Т.В. Электронная акция как иллюстрация тенденции цифровизации имущества в современном российском законодательстве // Гражданское право. 2019. № 3. С. 13–16.
267. Успенский М.А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве // Закон. 2023. № 9. С. 87–101.
268. Уткин В.В. К вопросу о правовом регулировании смарт-контрактов // Хозяйство и право. 2022. № 11. С. 92–98.
269. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.
270. Федотова В.В., Емельянов Б.Г., Типнер Л.М. Понятие блокчейн и возможности его использования // European science. 2018. № 1 (33). С. 40–48.
271. Филиппова С.Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия // Закон. 2022. № 6. С. 30 - 41.
272. Фомина Е.М., Коптенков А.Е. Гражданско-правовая характеристика "смарт-контрактов" // Энигма. 2021. № 31. С. 44.
273. Хабаров С.А. К вопросу о ревизии основных понятий главы 7 ("Ценные бумаги") Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. 2017. № 4. С. 30–34.
274. Харитонова Ю.С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. 2018. № 1. С. 15–21.
275. Цепов Г.В., Иванов Н.В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149–172.
276. Цепов Г.В., Иванов Н.В. (дубль) // Закон. 2022. № 3. С. 149–172.
277. Чистов Т.А. Сущность бездокументарных ценных бумаг: неустранимые противоречия и пути их преодоления // Правосудие/Justice. 2025. № 1.
278. Чурилов А.Ю. К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта // Юрист. 2020. № 7. С. 25–30.
279. Шайдуллина В.К. Проблемы гражданско-правового регулирования цифровых финансовых активов в международных расчетах на примере законодательства Российской Федерации и

- Азербайджанской Республики // Современное право. 2025. № 6. С. 126 - 130.
280. Шапиро М.А. Применение смарт-контракта и его правовое регулирование // Столыпинский вестник. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-smart-kontrakta-i-ego-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 24.12.2025).
- 281.
282. Шевченко Г.Н. Право на бездокументарные ценные бумаги // Бизнес, менеджмент, право. 2006. № 2. С. 30–34 (32–33).
283. Шевченко О.М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 76–86.
284. Шевченко О.М. (дубль) // Там же.
285. Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. — Казань, 1898. С. 13.
286. Щелокова А.А., Яковлев В.И. Сравнительная характеристика правового режима утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов // Юрист. 2021. № 11. С. 39–43.
287. Щербак Н.В. Digital art в условиях электронной коммерции // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43–61.
288. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 58.

Библиография на иностранном языке

289. Aftab Ahmed, Nupur Anand. India to propose cryptocurrency ban, penalising miners, traders – source // Reuters. March 14, 2021. URL: <https://www.legal500.com/developments/thought-leadership/the-legality-of-cryptocurrency-in-india/> (дата обращения: 24.02.2025).
290. Amual S., Dewey J., Seul J. The Blockchain: A Guide for Legal and Business Professionals. — Albuquerque, 2016. — P. 59–60.
291. Antonopoulos A.M. Mastering Bitcoin: Unlocking Digital Cryptocurrencies. — Sebastopol, CA : O'Reilly Media, 2014. — P. 23.
292. Arora G. Cryptoasset Regulatory Framework in Japan // SSRN. October 27, 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3720230> (дата обращения: 24.02.2025). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3720230>.
293. Bacon J. et al. Blockchain Demystified // Queen Mary University of London School of Law Legal Studies Research Paper No. 268/2017. 2017. P. 4. URL: <https://ssrn.com/abstract=3091218> (дата обращения: 24.02.2025).
294. Binding J. Der Vertrag als alleinige Grundlage der Inhaberpapiere // Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht und Wirtschaftsrecht. 1866. No. 10. P. 400.

295. Blockchain and Beyond. Version 1.0. — Paris, France, 2015.
URL: <https://blockchainfrance.files.wordpress.com/2015/12/cellabz-blockchain-beyond.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).
296. Brancatelli A. Mica regulation: general overview and inhouse perspective // International In-House Counsel Journal. 2023. Vol. 16, No. 64. P. 8587–8594.
297. Breszkovics B. NFTs under the Framework of Mica // Regional Law Review. 2024. P. 65–76 (66).
298. Buchleitner C., Rabl T. Blockchain und Smart Contracts. Revolution oder alter Wein im digitalen Schlauch? // Ecolex. 2017. No. 1. P. 9.
299. Cong L.W., He Z. Blockchain disruption and smart contracts // The Review of Financial Studies. 2019. Vol. 32. No. 5. P. 1754–1797.
300. Cong L.W., He Z., Tang K. Staking, Token Pricing, and Crypto Carry. 2022 // URL: <https://www.hec.edu/sites/default/files/documents/Staking%20Paper%20June%202022.pdf> (дата обращения: 13.07.2026)
301. De Cara R. The Legal Meaning of Smart Contracts // European Review of Private Law. 2018. Vol. 26. Iss. 6. P. 737.
302. Dewey J. (ed.). Blockchain & Cryptocurrency Regulation. First Edition / contrib. D. Haeberli, S. Oesterhelt, U. Meier. — Zurich : Homburger, 2019. — P. 444.
303. Diego Ballon Ossio and others. CUSTODY OF CRYPTOASSETS: MOVING TOWARDS INDUSTRY BEST PRACTICE // Clifford Chance. P. 33.
URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/06/custody-of-cryptoassets.pdf> (дата обращения: 24.02.2025).
304. Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. — Chicago (Illinois), 2008. — P. 72.
305. Edelman R. 2022: The Truth About Crypto: A Practical, Easy to Understand Guide to Bitcoin, Blockchain, NFTs and Other Digital Assets. — New York : Simon & Schuster, 2022.
306. Einert C. Über das Wesen und die Form des Literalcontracts wie dieser zur Zeit der Justinianischen Gesetzgebung ausgebildet gewesen und Vergleichung desselben mit dem Wechsel. — Leipzig : Tauchnitz, 1852. — P. 77–87.
307. Ethereum Proof of stake (PoS) mechanism.
URL: <https://ethereum.org/en/developers/docs/consensus-mechanisms/pos/> (дата обращения: 29.09.2024).
308. Fairfield J.A.T. Smart Contracts, Bitcoin Bots, and Consumer Protection // Washington and Lee Law Review Online. September 2014. Vol. 71. Issue 2. Article 3. P. 38.

309. Faust D.I. Asset Protection Trusts: Some Practical Guidelines // Trusts in Prime Jurisdictions / ed. by A. Kaplan. — 3rd ed. — Globe Business Publishing Ltd, 2010. P. 451.
310. Filippi P.D., Wright A. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia // SSRN. 2015. P. 26. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2580664 (дата обращения: 28.01.2024).
311. Florysiak D. Utility Tokens, Markets in Crypto Assets Regulation (MiCAR), and the Costs of Being Public // SSRN. 2023. URL: <https://ssrn.com/abstract=4561481> (дата обращения: 24.02.2025).
312. Fukuda M., Suda H. Amendments to Financial Instruments and Exchange Act. 30 April 2019. URL: <https://www.internationallawoffice.com/Newsletters/Capital-Markets/Japan/Nagashima-Ohno-Tsunematsu/Amendmentsto-Financial-Instruments-and-Exchange-Act> (дата обращения: 05.08.2024).
313. Gabison G. Policy Considerations for the Blockchain Technology Public and Private Applications // SMU Sci. & Tech. L. Rev. 2016. Vol. 19. P. 327.
314. Garner B.A. Black's Law Dictionary. — Ninth Edition. 2009. P. 1046.
315. Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit // Recueil Dalloz. 12 avril 2018. No. 14/7771. P. 713–792.
316. Grimmelmann J. All Smart Contracts Are Ambiguous // Journal of Law and Innovation. 2019. Vol. 2. No. 1. P. 2.
317. Hanner L. Internationales Kryptowerterecht: Die internationale Zuständigkeit und das anwendbare Recht bei Sachverhalten mit Kryptowerten (Datenrecht und neue Technologien. Bd. 4). — Nomos, 2022. S. 34.
318. Henning J. The Howey Test: Are Crypto-Assets Investment Contracts? // University of Miami Business Law Review. 2018. Vol. 27. Iss. 1. P. 51. URL: <https://repository.law.miami.edu/umblr/vol27/iss1/6> (дата обращения: 24.02.2025).
319. Hsiao J.I.H. Smart Contract on the Blockchain-Paradigm Shift for Contract Law // US-China L. Rev. 2017. No. 14. P. 685.
320. Ili Syazwani Shairi. Regulation of Digital Asset Offering and Trading in Malaysia. URL: <https://www.azmilaw.com/insights/regulation-of-digital-asset-offering-and-trading-in-malaysia/> (дата обращения: 24.02.2025).
321. Josef von Wayna. Antwort auf die Stock-Jobbery, und der Handel mit Staatspapieren nach dem jetzigen Zustande, politisch und juristisch betrachtet. — Wien : Gerold, 1821. S. 27–33.
322. Jozipovic S., Perkusic M., Ilievski A. From taxation to comprehensive regulation of cryptoassets // Iustinianus Primus Law Review. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 1–14.

323. Klein J. Rethink the contract in the digital age // Journal of PO science jurists. 2019. No. 6. P. 68–75.
324. Kohen M. State Regulations on Virtual Currency and Blockchain Technologies // [Jdsupra.com](https://www.jdsupra.com/legalnews/state-regulations-on-virtual-currency-2160466). URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/state-regulations-on-virtual-currency-2160466> (дата обращения: 24.02.2025).
325. Künnapas K. From Bitcoin to Smart Contracts: Legal Revolution or Evolution from the Perspective of de lege ferenda? // The Future of Law and eTechnologies. — Springer International Publishing AG Switzerland, 2016. P. 126.
326. Kushnir D., Kovtsur M., Muthanna A., Kistruga A., Akilov M., Batalov A. DEVELOPING INSTRUMENT FOR INVESTIGATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY // Studies in Computational Intelligence. 2022. T. 1030. C. 123–141.
327. Larutin Ia.K., Gulyaeva E.E. International and Russian Legal Regulation of the Turnover of Crypto-assets: Conceptual-Terminological Correlation // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. No. 3. P. 725–751.
328. Lauslahti K., Mattila J., Seppala T. Smart Contracts - How Will Blockchain Technology Affect Contractual Practices. URL: <https://www.etla.fi/wp-content/uploads/ETLA-Raportit-Reports-68.pdf> (дата обращения: 31.12.2025).
329. Lee R. Conceptualizing the Chinese Trust // International & Comparative Law Quarterly. 2009. Vol. 58. No. 3. P. 655–669.
330. Levin R.B., Tran K. Cryptoassets & Blockchain: Switzerland, 2023. URL: <https://mll-legal.com/wp-content/uploads/2022/12/2023-Cryptoassets-Blockchain-Switzerland.pdf> (дата обращения: 24.10.2024).
331. Markovic S. The Impact of Blockchain on Supply Chain Transparency and Security in Europe // SSRN. January 01, 2025. URL: <https://ssrn.com/abstract=5078905> (дата обращения: 24.02.2025). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5078905>.
332. Mattila J. The blockchain phenomenon // Berkeley Roundtable of the International Economy. 2016. URL: https://www.researchgate.net/profile/Juri_Mattila/publication/313477689_The_Blockchain_Phenomenon_-_The_Disruptive_Potential_of_Distributed_Consensus_Architectures/links/589c31caa6fdcc754174493a/The-Blockchain-Phenomenon-The-Disruptive-Potential-of-Distributed-Consensus-Architectures.pdf (дата обращения: 24.02.2025).
333. Mayer P., Pemberton A. Short history of land registration. — HM Land Registry, L., 2000. P. 4.

334. Mayer P., Pemberton A. Short history of land registration (дубль). — HM Land Registry, L., 2000. P. 4.
335. Mehar M., Shier C., Giambattista A., Gong E., Fletcher G., Sanayhie R., Kim H.M., Laskowski M. Understanding a Revolutionary and Flawed Grand Experiment in Blockchain: The DAO Attack // Journal of Cases on Information Technology. 2019. Vol. 21. No. 1. P. 19–32.
336. Mekki M. The contract, the subject of smart contracts // Dalloz IT/IP. 2018. No. 7–8. P. 409–417.
337. Micheler E. Property in securities: Comparative study. — (Cambridge studies in corporate law). P. 155.
338. Nagele T. Sekundärmarkt für Security Token. — P. 8.
339. Nagele T. The legal nature of tokens. — Vaduz : DLT Media LLC, 2021. — 234 p.
340. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System (2008). URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).
341. O'Shields R. Smart Contracts: Legal Agreements for the Blockchain // North Carolina Banking Institute. 2017. Vol. 21. Iss. 1. P. 177–194.
342. Peres R. et al. Blockchain meets marketing: Opportunities, threats, and avenues for future research // International Journal of Research in Marketing. 2023. Vol. 40. No. 1. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2022.08.001>.
343. Pombejra B.N. The Rise of Blockchain: an Analysis of the Enforceability of Blockchain Smart Contracts. — Thammasat University Faculty of Law, 2016. P. 24.
344. Prof. Dr. Frank Emmert. United States Cryptocurrency Law. P. 23.
345. Saleh F. Blockchain Without Waste: Proof-of-Stake // Review of Financial Studies. Vol. 34, March 2021. P. 1156–1190. URL: <https://ssrn.com/abstract=3183935> (дата обращения: 24.02.2025). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3183935>.
346. Savigny F.C. v. Das Obligationenrecht als Theil des heutigen römischen Rechts. Vol. II. — Berlin : Bei Veit und Comp, 1853. P. 97–100.
347. Savigny F.C. v. Das Recht des Besitzes. Eine zivilistische Abhandlung / hrsg. A.F. Rudorff. — 7. Aufl. — Wien : C. Gerolds Sohn, 1865.
348. Siegel D. Kapitel 3. Technische Grundlagen // Kryptowährungen und Token / S. Omor, M. Link (Hgs.). — 2. Aufl. — Deutscher Fachverlag; Fachmedien Recht und Wirtschaft, 2023. — 1027 s.
349. Szczerbowski J.J. Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation // Proceedings of the 12th Annual International Scientific Conference «New Trends» 2017. — Private College of Economic Studies Znojmo. P. 333.
350. Szczerbowski J.J. (дубль) // Там же. P. 333.
351. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets? (1996).

- URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 24.02.2025).
352. Szabo N. The idea of Smart Contracts (1997). URL: <http://szabo.best.vwh.net/idea.html> (дата обращения: 24.02.2025).
353. Taghiyeva-Zeynalova M. Game of Nodes: Централизация в Блокчейн Инфраструктурах (Game of Nodes: Centralisation in Blockchain Infrastructures). (2019). URL: https://www.researchgate.net/publication/337945598_Game_of_Nodes_Centralizacia_v_Blokcejn_Infrastrukturah_Game_of_Nodes_Centralisation_in_Blockchain_Infrastructures (дата обращения: 03.03.2025).
354. Taghiyeva-Zeynalova M. (дубль) // Там же.
355. Tapscott D., Tapscott A. A Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business, and the World. — Portfolio, 2016. — P. 94, 282.
356. Thöl H. Das Handelsrecht in Verbindung mit dem allgemeinen deutschen Handelsgesetzbuch. Vol. I. — 4th edn. — Göttingen : Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1862. P. 321–337.
357. Tokens - OpenZeppelin Docs // OpenZeppelin. URL: <https://docs.openzeppelin.com/contracts/3.x/tokens> (дата обращения: 24.02.2025).
358. Van Hijfte S. Blockchain Platforms: A Look at the Underbelly of Distributed. — Morgan & Claypool Publishers, 2020. P. 33.
359. Vietnamnews press. URL: <https://vietnamnews.vn/economy/716480/ministry-to-set-up-research-group-on-cryptocurrency-to-tighten-management.html> (дата обращения: 24.02.2025).
360. Wyczik J. The Property Law of Crypto Tokens. P. 8. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4620033 (дата обращения: 01.01.2024).
361. Zellweger-Gutknecht C., Geva B., Grünwald S.N. Digital Euro, Monetary Objects, and Price Stability: A Legal Analysis // Journal of Financial Regulation. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 284–318.
362. Zsolt Halasz. Regulating the Unregulatable: Attempts at Crypto Regulation in Europe // Hungarian Yearbook of International Law and European Law 2022. 2022. P. 217–230.
363. Zvonka G. Tokenization: A Potential Pathway for Bitcoin's Future // Swiss Finance Institute Research Paper No. 23-53. May 28, 2023. URL: <https://ssrn.com/abstract=4461414> (дата обращения: 24.02.2025). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4461414>.

364. 李建星. 数字人民币私权论 // 东方法学. 2022. № 4. С. 80. (Ли Цзяньсин. О частных правах на цифровой юань // Журнал юридического факультета Восточно-Китайского педагогического университета. 2022. № 4. С. 80).
365. 邹传伟. 对人民银行数字货币/电子支付的初步分析 //新金融. – 2019. – №. 12. – С. 12. Цзоу Чуанвэй: Предварительный анализ цифровой валюты/электронных платежей Народного банка Китая, «New Finance» №12, 2019, 22 с.

Пресса, официальные сайты

366. Coinmarketcap. Рыночная капитализация криптовалют. URL: <https://coinmarketcap.com/ru/> (дата обращения: 24.02.2025).
367. [Congress.gov](https://www.congress.gov) (Официальный сайт Конгресса США). H.R.6154 — 116th Congress (2019-2020). URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6154> (дата обращения: 24.02.2025).
368. Ethereum. Официальный сайт блокчейн-проекта. URL: <https://ethereum.org/en/learn/> (дата обращения: 24.02.2025).
369. FINMA. Официальный сайт. URL: <https://www.finma.ch/fr/autorisation/fintech> (дата обращения: 25.02.2025).
370. Lexology. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f6da5650-120b-4091-91b5-1f2cd7667faa> (дата обращения: 24.02.2025).
371. Минфин возвращает законопроект о денежных суррогатах на доработку // ЭЖ-Юрист. URL: <https://www.eg-online.ru/news/369011/> (дата обращения: 24.02.2025).
372. Обзор: Анализ рынка долговых ЦФА. Для роста рынка ЦФА требуется развивать инфраструктуру // [Smart-lab.ru](https://smart-lab.ru). URL: <https://smart-lab.ru/blog/1065156.php> (дата обращения: 29.01.2026).
373. Концепция платформы коммерческих смарт-контрактов URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=32630&ysclid=mt1ur41r33387919985> (дата обращения 20.07.2026)
374. OpenZeppelin. Официальный сайт проекта. URL: <https://docs.openzeppelin.com/contracts/3.x/erc721> (дата обращения: 24.02.2025).
375. Правительство республики Сальвадор. Официальный сайт. URL: <https://www.asamblea.gob.sv/node/11282> (дата обращения: 24.02.2025).
376. Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/250130/> (дата обращения: 24.02.2025).

377. Президент США. Официальный сайт.
URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/03/fact-sheet-president-donald-j-trump-establishes-the-strategic-bitcoin-reserve-and-u-s-digital-asset-stockpile/> (дата обращения: 24.02.2025).
378. РБК. Информационное агентство.
URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/65b7a4759a79477cfd9007d8> (дата обращения: 24.02.2025).
379. Satoshi. Электронный ресурс.
URL: <https://mmalmi.github.io/satoshi/> (дата обращения: 10.08.2024).
380. SEC (США). Официальный сайт.
URL: <https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2017-131> (дата обращения: 24.02.2025).
381. Сделка с последствием: перспективы и риски применения смарт-контрактов в России // Российская газета. 2020.
URL: <https://rg.ru/2020/02/11/sdelka-s-posledstviem-perspektivy-i-riski-primeneniia-smart-kontraktov-v-rossii.html> (дата обращения: 14.11.2025).
382. Tesla начала продавать машины за биткоины // Forbes.
URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/424361-tesla-nachala-prodavat-mashiny-za-bitkoiny> (дата обращения: 24.02.2025).
383. The Crypto-anarchist Manifesto.
URL: <https://activism.net/cypherpunk/crypto-anarchy.html> (дата обращения: 24.02.2025).